

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт истории, филологии и философии

Е.И. УБРЯТОВА

ЯЗЫК НОРИЛЬСКИХ ДОЛГАН

Ответственный редактор
д-р филол. наук М. И. Черемисина

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1985

Книга является первым и единственным исследованием долганского языка, возникшего в результате взаимодействия якутского и эвенкийского. Сложные пути формирования долганского языка обусловили метод исследования: наряду с синхронным описанием широко применяется сравнительно-исторический метод для определения путей образования языка долган, его отношения к якутскому и эвенкийскому языку, языку древних памятников.

Работа рассчитана на тюркологов, североведов.

Рецензенты К. А. Тимофеев, Н. Н. Широбокова

Дорогому
Никите Смирidonовичу
Григорьеву

на добрую память

о далеких годах жизни
в Ленинграде,

наших спорах и сомнениях,
которые отразились в этой книге

у 4602010000-816

042(02)-85

340-84-IV

© Издательство "Наука", 1985 и
Э. Убрятова

4.06.85

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой вниманию читателей работе описывается язык группы долган, кочевавших до конца 40-х годов в районе больших норильских озер (по районированию того времени — в Норильско-Пясинском кочевом Совете Дудинского района Таймырского (Долгано-Ненецкого) округа Восточно-Сибирского края).

Долганы — небольшая (5,1 тыс. чел.) северная народность, расселившаяся по пограничной полосе леса между Енисеем и восточной границей Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа Красноярского края. На этом обширном пространстве долганы жили группами, которых во время переписи 1926—1927 гг. Б. О. Долгих, участник ее, насчитывал девять [1963, с. 93].

Язык долган сложился в результате распространения якутского языка среди эвенков рода (или территориальной группы) Дулган в конце XVI в. и позднее среди других групп эвенков. Этот исторический процесс сопутствовал образованию новой народности, говорящей на языке, в основе которого лежит якутский язык, подвергшийся значительному воздействию эвенкийского во всех уровнях его строя (фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике). Изолированное развитие этого языка еще больше усилило отрыв от языка якутского (его диалектов и особенно от современного литературного).

Долганы жили обособленными группами, находившимися в разных отношениях с тяготеющими к ним группами северных и есейских якутов, эвенков, затундринских крестьян. Поэтому в их бесписьменном языке сформировались местные особенности. Язык одной из групп долган — норильских — и составляет основу нашего исследования. Изучение языка произведений долганской поэтессы Огдо Аксеновой [1973, с. 110; 1976, с. 106], а также опыт составления букваря на долганском языке [Аксенова и др., 1981] позволяют считать эти материалы по норильским долганам полно отражающими весь долганский язык.

В целом ряде исследований долганского языка рассмотрены частные вопросы его фонетики (см. библиографию Бельтюковой Н. П.), морфологии [Убрятова, 1966, с. 41—68; 1953, с. 291] и лексики

(см. библиографию Демьяненко З. П.). Наша книга — пока единственное полное описание грамматики языка норильских долган. В необходимых случаях проводится сопоставление описываемых явлений с данными якутского и эвенкийского языков, что очень важно для истории долган и их языка, а также для сопоставляемых языков. Автор надеется, что книга будет интересна для широкого круга тюркологов, а также окажет помощь при создании учебников по языку.

Монография написана по материалам записей разговорной речи и образцов фольклора, сделанных в 1932–1937 гг. во время работы автора в Норильско-Пясинской начальной школе-интернате (1932–1934 гг.) в качестве учительницы и позднее в экспедициях летом 1935 г. и особенно зимой 1936/37 г. во время кочевок с группой долган на озерах Мелкое и Глубокое. Здесь учителями и помощниками автора были долганы: знаток долганского языка и фольклора, уже покойный Константин Наумович Сулов, бывшая ученица автора, завещавшая красным чумом, позднее студентка Института народов Севера погибшая в 1942 г. при эвакуации из Ленинграда, Федосья Григорьевна Васильева и член колхоза им. Красной Армии Александра Константиновна Сидельникова, тоже покойная.

На разных этапах создания работы автору оказали большую помощь профессор В. И. Цинциус, Г. Н. Прокопьев, С. Е. Малов, В. М. Наделяев, Н. К. Дмитриев и А. Н. Кононов. Всем им выражаем глубокую признательность.

Список сокращений

алт.	— алтайский	рел.	— религиозный
вост.-сиб.	— восточносибирский	рус.	— русский
вм.	— вместо	сол.	— солонский
диал.	— диалектный	тоф.	— тофский
долг.	— долганский	тув.	— тувинский
досл.	— дословно	турецк.	— турецкий
др.-тюрк.	— древнетюркский	туркм.	— туркменский
др.-уйгур.	— древнеуйгурский	тюрк.	— тюркский
кирг.	— киргизский	фольк.	— фольклорный
лит.	— литературный	хак.	— хакасский
монг.	— монгольский	эвенк.	— эвенкийский
назв.	— название	эвен.	— эвенский
обл.	— областной	этно.	— этнографический
разг.	— разговорный	як.	— якутский

ВВЕДЕНИЕ

Первые сведения о долганах как особой народности стали известны с приходом русских на Лену (см. ниже, с. 8). Но изучение их в историческом и этнографическом отношении началось лишь в советское время, после переписи населения 1926-1927 гг. и экспедиций Музея антропологии и этнографии Академии наук в 1930-х годах.

Работа Б. О. Долгих "Происхождение долган" составлена по данным переписи 1926-1927 гг., а также всех последующих с привлечением исторических документов. Охарактеризовав долган как смешанную якутоязычную народность, Б. О. Долгих высказал предположение, что ее образование в пределах современного Таймырского АО проходило в течение XVIII и первой половины XIX в. [1963, с. 92]. В вводной части автор показывает расселение долган [Там же, с. 96]. По его данным, в момент переписи долганское население распалось на девять этнографических групп. Это очень важная историческая справка. Поэтому она приводится полностью:

1. Долганы быв. Долгано-Есейской управы с родовым названием Долган (Дулган) - 809 чел. (в том числе присоединившихся к ним эвенков рода Чорпок - 18 чел.). Из них (в 1926-1927 гг. 600 чел., живших к востоку от Хатанги, входило в Хатанго-Анабарский улус Якутской АССР. После установления в 1931-1935 гг. современной границы Якутской АССР восточнее р. Попигаи в Анабарском районе ЯАССР осталось 49 учтенных в 1926-1927 гг. долган быв. Долгано-Есейской управы.

2. Долганы быв. Долгано-Тунгусской управы с родовым названием Донгот - 271 чел.

3. Долганы быв. Жигано-Тунгусской управы с родовым названием Эдян^I (Адян) или Эдиген - 151 чел.

^I Родовые названия Эдян, Адян, Озян, Очан, Изиган, Жиган являются передачей русскими писцами одного и того же эвенкий-

4. Эвенки I бив. Боганидско-Тунгусской управы с родовым названием Каранто - 214 чел. (в том числе присоединившихся к Каранто эвенков рода Баятир - 42 чел.).

5. Якуты бив. Нижне-Затундринской якутской управы - 1355 чел. (в том числе присоединившихся к якутам обьякученных эвенков рода Баятир - 45 чел.). Из них в 1926-1927 гг. 808 чел., живших к востоку от Хатанги, входило в Хатанго-Анабарский улус Якутской АССР. После установления в 1931-1935 гг. современной границы Якутской АССР восточнее р. Попигаи в Анабарском районе Якутской АССР осталось 295 долган (якутов) бив. Нижне-Затундринской якутской управы, учтенных в 1926-1927 гг.

6. Так называемые затундринские крестьяне, образовывавшие раньше Нижне-Затундринское крестьянское общество, - 452 чел. Из них в 1926-1927 гг. 94 чел., живших к востоку от Хатанги, входило в Хатанго-Анабарский улус ЯАССР. После установления в 1931-1935 гг. современной границы ЯАССР восточнее р. Попигаи затундринских крестьян в Якутской АССР не осталось.

7. Якуты, выходящие с оз. Есей в верховьях Котуя (Хатанги) и с р. Оленека, переселившиеся в пределы современного Таймырского округа, наслегов Катыгынского, Бетунского и Бетильского, - 471 чел. Из них в 1926-1927 гг. 37 чел., живших в верховьях р. Попигаи, входило в Хатанго-Анабарский улус Якутской АССР. После установления в 1931-1935 гг. современной границы Якутской АССР... эта группа оленекских якутов родов Чорду и Осогостох вошла в состав населения Таймырского национального округа.

8. Эвенки бив. 2-й и 3-й Летних и Илимпейской управ из рода Тамбэгири, Малгачагири, Иолитгири, Тыптагири и Якчар, усвоившие в качестве родного языка долганский диалект якутского языка, - 280 чел.

9. Энды (самоеды) Хантайской управы родов Сонуко (Санэр), Сойта, Масуадай, Карасинской управы - Мутгади, Бай и ненцы (кряки) родов Яботонга и Аседа, усвоившие в качестве родного языка долганский диалект якутского языка, - 69 чел." [Долгих, 1963, с. 92]

ского слова Эдигэн (*эзиген* ~ *эзэн*) 'низовской (по течению реки) житель'. В диалектах эвенкийского языка два звука в этом слове варьируют (*э* ~ *а* ~ *о* и *з* ~ *д'*), кроме того, встречаются полная (*эзиген*) и стяженная (*эзэн*) формы, что и породило разное написание этого названия в русских исторических документах (примеч. Е. И. Убрятовой).

I Эвенки - самоназвание и современное название северной народности (до революции - тунгусы).

Норильские долганы относятся к восьмой группе. После образования в 1930 г. Таймырского (Долгано-Ненецкого) национального округа на этой территории был создан Норильско-Пясинский кочевой Совет с центром на ст. Часовня. Здесь находилось правление колхоза им. Красной Армии, ячейка ВКП(б). В Часовне был также магазин интегральной кооперации и национальная школа-интернат, помещавшаяся в здании старой часовни. Типовое здание школы было выстроено в 1932-1934 гг. из местного леса. Строили его приезжие русские рабочие.

На 1 января 1937 г. национальное население насчитывало 114 мужчин, 98 женщин, 106 детей - всего 318 чел. (у Б. О. Долгих 280 чел.), русские составляли 47 чел. (служащие магазина интегральной кооперации, Совета, рабочие строительства, учителя, повара) ¹.

Уже после образования Таймырского (Долгано-Ненецкого) национального округа, в 1933 г., автору показывали бывшего родового князя, а во время опроса в 1937 г. кто-то из опрошенных упомянул Тунгусскую 3-летнюю родовую управу. Тогда же долганы назвали следующие роды, из которых они происходили: Эдээн (15 чел.), Эдигээн (2 чел.), Пирээгин (3 чел.), Донгот (8 чел.), Угдэкагин (12 чел.), Гэкчээн (4 чел.), Карантоо (1 чел.), Намшее (1 чел.), Малчаан (2 чел.), Тыптагир (1 чел.). Собрать все сведения о былой родовой принадлежности не удалось, так как кочевой Совет их не имел, а познакомиться со всеми жителями не было возможности.

Из 49 опрошенных 27 человек считали себя эвенками, но только четверо из них родным языком назвали эвенкийский, остальные - долганский. Это важное свидетельство того, что процесс долганизации ² в этой группе завершился.

Долган (точнее Дулган) - это название основного рода, наряду с Эдээн и Донгот, долганской народности ³. Так норильские долганы называли себя русским. Среди них к роду Дулган относились всего 2-3 чел. В 30-е годы принадлежность к тому или иному роду уже была воспоминанием.

¹ Сведения о составе населения, возрасте, хозяйственных занятиях были получены в 1936-1937 гг. в кочевом Совете, а о национальности, родном и втором языке, родовых именах и т.п. собраны путем дополнительного опроса самих долган (взрослых).

² Термин Б. О. Долгих (см.: Происхождение долган. - В кн.: Сибирский этнографический сборник, т. 5. М., 1963, с. 92).

³ Об этом сообщал еще А. М. Кастрен (см.: Путешествие Ал. Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири. - М., 1960, с. 354-355)

Название народности долган стало известно русским с момента прихода их на Лену. В "Наказе стольнику Петру Головину и дьяку Фёдиму Филатову, посланным в Сибирь на реку Лену для строения острога и приведения в русское подданство сибирских инородцев", датированное 6 августа 1638 г., о долганах рассказано подробно. Здесь по-видимому, обобщаются сведения о долганах, относящиеся к разному времени.

"... По тем по всем рекам живут Якольские и якутские и Братские тайши, конные и пешие сидячие многие люди: Тунгусы, Налянгигири, Камчюгири, Сичитгири и Когигири, Кымисегири, Нанагири, Шамагири, Синегигири, Долганы, Холопья орда и многие люди, а не владеет никто..." [Русская историческая библиотека..., 1875, с. 968]. В этом отрывке упоминаются крупные народы — якольские и якутские и братские тайши, т. е. якуты, буряты и более мелкие народности и родовые подразделения. Слова "якольские и якутские" относятся к якутам, которые в первые годы имели двойное наименование — яколь и якут. Яколь — форма множественного числа от эвенкийского названия якутов *jako* — существует до сих пор и восходит к древнему самоназванию якутов *jaka*, превратившемуся позднее в *саха*. Русское название якут — по мнению бурятского ученого Доржи Банзарова — монгольская форма множественного числа от того же древнего самоназвания *jaka* [Böhtlingk, 1851, S. XXXIV]. Она сохранилась у бурят как устарелое название якутов — *яхад*. Первое название русские, вероятно, услышали от соседних эвенков, второе — от монголов.

Долганы упоминаются в документе среди остальных народов, где перечисляются эвенкийские и другие тунгусо-маньчжурские родовые подразделения, судя по аффиксу —гир. Впрочем, в этом перечне можно выделить *кчагиров* (и *Когигири*), которые, по преданиям, были многочисленным народом [Юкагиры, 1975, с. 8]. Здесь же о всех упомянутых народах сказано: "... а не владеет ими никто".

Далее говорится о местонахождении долган и их соседстве с якутами: "... А по Лене реке на уст. Вилкиа живут Долганы и Якуты а князь де у них Дыгинча, а людей де у него человек с семьсот, а ясак де с них емлют в Енисейский острог" [Русская историческая библиотека..., с. 968]. Указывается также, что у долган и якутов общий князь, у которого "человек с семьсот". Что касается его имени, то оно может сопоставляться с именем якутского кангалаского тойона Тыгына (его имя приведено в документе в эвенкийском звучании: аффикс мужских имен —ча и звонкий согласный в начале слова) [История Якутской АССР, 1955, с. 388]. Если это так, то долгане не только жили рядом с якутами, но и входили в состав этой груп-

цы, следовательно, были все условия для перехода их на якутский язык.

В приведенном выше документе рассказывается и о других важных для происхождения долган событий: "В прошлом во 143 году писал к государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси из Сибири, из Енисейского острогу, воевода Андрей Племянников, что де Енисейские служилые люди, которые посланы из Енисейского острогу для ясачного сбора с атаманом с Ивашкой Галкиным, сподчесь на Лене реке с Мангазейскими служилыми людьми с ясачными сборщиками с Степаном Корытовым да с Осташком Черкашенином вместе, и меж себя учинили бой, четырех человек свою братью служилых людей Тобольских, и Мангазейских и Енисейских казаков убили из пищалей до смерти, а иных многих служилых же и промышленных людей переранили, аманатов, под которых емлют государев ясак, друг у друга отнимают и емлют с иноземцев ясак вдвое: один емлют в Мангазее, а другой в Енисейском и чинят иноземцам тесноту и обиду великую, и жен их и детей к себе емлют, и от того де в иноземцах в Якутской земле учинилась смута великая" [Русская историческая библиотека..., с. 967]. В результате "на великой реке Лене лутшие тайши, которые государю служили, Бодоч да Тыгина и алданские князцы, воровством служилых людей, Енисейскому острогу атамана Ивашка Галкина с товарищи, от великих их обид учинились от государя отгнаны" [Там же, с. 965].

В другом документе сообщается место, где они скрывались: "...и от того устрася многие Якуты и князец Бойдой с родники своими человек двести бегал в Вилкойские вершины в горы, и собрався там был с иными Якуты и Тунгусы человек с четыреста, жил в Вилкойских вершинах и ясаку до 153/1644 году больше двух лет не давал" [Дополнения к Актам историческим, с. 37].

В ряде документов последующих лет сообщается, что борьба казаков и долган продолжалась еще несколько десятилетий. В результате долганы оказались рассеянными. Одни ушли на восток и влились в состав эвенгов [Попова, 1982], другие долго жили изолированно в верховьях Вилюя, затем постепенно вышли на территорию современного Таймырского АО, где их обнаружили почти одновременно в 1840-е годы А. М. Кастрен [1860, с. 354-355] и А. Ф. Миддендорф [1878, с. 690]. Оба указывают, что долганы якутоязычны, оба сообщают об относительно недавнем переселении предков долган на Таймыр, что позднее было подтверждено исследованиями Б. О. Долгих [1963, с. 93].

Несмотря на довольно подробное описание долган А. Ф. Миддендорфом с совершенно точным определением их языка, в последующей литературе о них давались лишь краткие общие сведения. Было уста-

новлено, что долганы — это оякученные тунгусы (эвенки). Очень многие этнографы пытались объяснить название "долган" из современного долганского языка (якутского в своей основе). Во многих работах приводились легенды самих долган [Васильев, 1908, с. 59–60 Долгих, 1929, с. 61; Попов А. А., 1934, с. 121]. Попытка этимологии слова "долган", или "дулган", как называют себя долганы официально была предпринята и автором. Этимология сводилась к следующему. В эвенкийском языке оказалось около десятка слов с основой дул-, выражающей понятие 'середина' (дул-ин 'середина, половина'; дулу-гу 'средний': 1) 'средний палец'; 2) 'средняк' и др.) [Василевич, 1934б, 1958]. Есть и аффикс -ган, образующий имена со значением названия человека по месту жительства, в том числе и по течению реки (упомянутое выше эдигэн 'житель низовья реки' от эб- 'плыть по течению' и солонгон 'житель верховья реки' от соло-ми 'ехать против течения реки'). Но в эвенкийском языке не оказалось слова "дулган" — названия долган со значением 'житель среднего чения'. Может быть поэтому этимологию слова "дулган" не приняла Г. М. Василевич [1964, с. 34–42]. Ее возражения основывались на том, что и корень дул-, и суффикс -ган встречались в названиях не родов алтайской языковой семьи и, следовательно, имели большую древность для такой этимологии. Однако в списке эвенкийских родовых названий род Долган все же значится [Василевич, 1958, с. 578]. Первые русские, появившиеся на Лене, могли узнать это родовое название от эвенов. Большое число слов от основы дул- имеется в эвенском языке. Некоторые из них образованы от производной основы дулькэн с суффиксами, восходящими к пространственным падежным аффиксам. В XVII в. русские казаки не различали эвенков от эвенов среди которых имеется этот род. Этимологию слова "дулган" повторил Б. О. Долгих [1963, с. 106].

По свидетельству А. А. Попова, общего самоназвания у долган не было [1934, с. 116]. Некоторые долганы называли себя тыа кичитэ 'лесной человек' [Попов А. А., 1957, с. 742]. Такой перевод основывается на том, что в якутском языке слово тыа имеет первое значение 'лес', однако есть и переносное значение — 'сельский, деревенский' (тыа наллара 'сельские жители', тыа сирэ 'сельская местность', тыа хаһаайстыбата 'сельское хозяйство') [Якутско-русский словарь, 1972]. У долган этому слову соответствует значение 'все, что не вода', которое в 1957 г. указала автору Н. М. Просткинина.

В работе "Происхождение долган" Б. О. Долгих также дает это самоназвание: "Сами долганы... называют себя и соседних эвенков еще тыа (мн. ч. тыалар) или тыа кихи (мн. ч. тыа кихилэр), т. е.

лесные люди' или 'кочевые люди' (ср. тыагагылар 'кочующие в стожоне пастухи'). В настоящее время так называют себя иногда даже потомки затундринских крестьян. Говорят, например, тыабын - я долган, тыа тыла или тыа сангата - долганский язык и т. д." [Долгих, 1963, с. 105]. Здесь слово тыа имеет два значения: самоназвание долган (тыабын 'я долган', тыалар 'долганы') и обозначение местности (тыа-таагылар 'находящийся в местности тыа').

В произведениях Огдо Аксеновой [1973] употребляется два названия долган - дулгаан и тыа кһитэ. В 30-х годах слово "дулган" было названием одного из основных родов долган и этой народности в русском языке, а тыа кһитэ - самоназванием норильских долган. В значении 'говорить по-долгански' употреблялись глаголы тылаа-һакалаа-. Глагол һакалаа- - собственно якутский глагол сахалаа- 'говорить по-якутски', а глагол тылаа- в якутском языке означает: 1) 'выезжать в лес'; 2) 'выезжать в село, сельскую местность'; долган он еще имеет значение 'направиться в сторону от воды'. В стихах Огдо Аксеновой встречается выражение "Дьэ оннук эрэ дьэ || Дулгаанныр дойдубун" - 'Ну так не говори же про страну, где я говорю по-долгански' [Огдо Аксенова, 1973, с. 18]. Причастие дулгаанныр, по-видимому, свидетельствует, что есть глагол дулгааннаа- 'говорить по-долгански'. Но слово дулгаан встречается редко. В нем появилась долгота на месте ударного гласного. Это говорит о том, что оно заимствовано из русского языка. Тыа кһитэ как самоназвание долган употребляется чаще всего в изафетном сочетании с определяемыми кһи 'человек', дьон 'народ' и һир 'земля': тыа дьоно 'долганы', тыа һирэ 'земля долган' (досл. земля, суша). В последнем сочетании слово тыа указывает на национальность, а не на пространство: тыа кһитин быһыпта 'обычай предков' (досл. обычай долгана); тыа дьонун быһытын барыгыт ылын 'все вы примите обычай долган' [Огдо Аксенова, 1976, с. 51].

Чаще всего слово тыа имеет аффикс принадлежности, выражающий отношение говорящего к названию, - тыам һирэ 'моя долганская земля'. Выступая в роли определения, оно образует сложное сочетание: тыам һирин отторо 'травы долганской земли', тыам һирин һанаата 'душа земли моих долган'. Имеются и производные слова от тыа: тыабын 'по-долгански', тыалы ырыаннан тынабын 'долганскими песнями сыну' [Огдо Аксенова, 1973, с. 37] и др.

Процесс формирования долганской народности был сложным. Язык ее очень отделился от якутского. Некоторые долганы говорят и по-долгански, и по-якутски. В редкие приезды якутов нам приходится слышать их разговоры с норильскими долганями. Пока речь шла об обычных предметах, они понимали друг друга, хотя при этом бы-

ло много недоразумений. Например, когда долганка принесла стужное молоко, приезжий якут спросил, молоко ли она принесла, назвав молоко по-якутски үүт. У долган же слово үүт употребляется только в значении 'отверстие'. Собеседникам пришлось прибегнуть к помощи русского языка, чтобы понять друг друга. Этот же якут выступал на собрании с приветственной речью. Слушавшие его уверяли в том, что они ничего не поняли. Правда, тут кроме фонетических, морфологических и отчасти морфологических особенностей затруднить понимание могли ораторские приемы выступавшего и некоторая витиеватость его речи, а также большое количество еще не известных тогда долганам терминов, заимствованных из русского языка.

В пограничных районах расселения долган, где происходило их соединение с представителями других национальностей, наблюдалось двуязычие и даже трехязычие. Многие норильские долгане владели двумя языками: долганским, который считали родным, и эвенким. Многие также говорили на местном говоре русского языка. Этноязычие имело существенное значение для языка долган и в значительной степени объясняет появление языковых особенностей данной группы населения.

Процесс перехода представителей других народностей на язык долган, который становится родным, идет очень быстро. В Норильско-Пясинском кочевом Совете можно было назвать две-три семьи, в которых представители старшего поколения не владели долганским языком и говорили на своем родном; их дети, породнившиеся с долганцами, считали своим родным долганский язык, но знали также язык родителей; а третье поколение владело уже только языком долган. Примером может служить семья затундринского крестьянина Филимона Луткова, в которой бабушка, привезенная сюда восьми лет из Вятской губернии, говорила совершенно правильно по-русски, но так и не научилась по-долгански, хотя все хорошо понимала. Дети свободно владели долганским языком, а по-русски говорили только на местном маном диалекте (так наз. "говорка") внуки уже учились русскому языку (местному), будучи подростками.

Среди норильских долган такой же была семья эвенка Д. Д. Сирягина (эвенк. род Нирээгин), который с двумя воспитанниками-племянниками и семилетней дочерью переселился на Таймыр во время гражданской войны из Илимпейской тундры. Кочуя с долганцами, дети хорошо усвоили долганский язык. Племянники считали своим вторым языком эвенкийский, которым пользовались только в разговорах приезжими эвенками и Д. Д. Сирягиным (он понимал долганскую речь, но говорил с большим трудом). Дочь же вышла замуж за долгана и говорила только по-долгански, но понимала и эвенкийскую речь. Оче-

любопытны ее разговоры с отцом. Он обращался к ней по-эвенкийски, она отвечала по-долгански. Восемилетний внук Д. Д. Сирягина по-эвенкийски знал только отдельные слова [Убрятова, 1956, с. 86; 1966, с. 44]. К. Н. Суслов был привезен на Таймыр отцом с Нижней Тунгуски (Туруханский р-н). Он овладел долганским языком и считал его родным, а эвенкийский - вторым, который использовал только при сношениях с эвенками. Все члены его семьи говорили между собой по-долгански, но знали также хорошо и эвенкийский язык.

Н. А. Большаков, эвенк из рода Тытатыр, был привезен подростком в Дудинку (на Енисее). Оставшись круглым сиротой, он воспитывался у старухи-долганки. В 30-х годах совершенно не знал эвенкийского языка и считал родным долганский, как и его жена, затундринская крестьянка с Пясинского озера, которая по-русски почти не умела говорить.

Даже в тех группах, в которых эвенкийский язык был широко распространен, и большинство населения владело им совершенно свободно, общим являлся долганский. Из 29 чел., опрошенных в феврале 1937 г., все считали себя эвенками по происхождению и владели эвенкийским языком, но только четверо из них называли его родным, остальные считали родным долганский язык. Любопытно, что в тех случаях, когда собиралось несколько человек, из которых для одних родным языком являлся эвенкийский, для других - долганский, беседа шла сразу на обоих. Каждый говорил на том языке, которым владел. Переводы требовались очень немногим, так как большинство друг друга свободно понимало. Такие разговоры на двух языках в среде норильских долган можно было наблюдать даже в одной семье.

Норильские долганы населяли самую юго-западную часть Таймырского национального округа и жили в непосредственной близости к эвенкам Хайтайского и Потаповского кочевых Советов. (Это "пограничное" с эвенками положение делает особенно интересным язык норильских долган.) Кочевали они в южной части Пясинского кочевого Совета Дудинского р-на Таймырского национального округа в районе больших норильских озер: Мелкого, Глубокого, Кеты, Ламы. Основным источником доходов населения - песцовый и рыбный промыслы. Оленей у норильских долган было очень мало. Лишь два хозяйства имели их свыше 50 (с телятами), в то время как по решению окружных организаций количество оленей в личном пользовании членов колхоза стремились довести до 200 (с телятами). Сами долганы так объясняли причины отсутствия у них оленей: "Давно когда-то, меня еще на свете не было, мне только рассказывали, были у нас два человека. Они куда-то вверх учиться ездили. Потом пришли. Сильно грамотные были

люди. Один-то у нас работал писарем. Надо князю какую-нибудь бумагу написать - он напишет. Ему платили. Ну ничего, все-таки жил ладно. Другой-то опять купцом стал. Войлошников-то. Здесь в Часовне век сидел.

Раньше люди в шестовых чумах жили. Нартяных чумов не знали. Придет болезнь - все заболело. Больные мерзлую рыбу едят, не бегутся. Оспа в то время была. Много-много народу умерло. В каждом чуме почти что. Вот весной Войлошников-то стал долги собирать а собирать-то и не с кого. Он взял тогда оленей собрал. У кого 20 шт., у кого и боле. Большой табун собрал - тысячи четыре, однако, будет. С этим стадом на свою землю подался. А там на четыре табуна, говорят, разбил его. Эти олени там век ведутся. Парен-то его живой. Там живет.

А здесь после того так и не могут развести оленей. Природные олени увели, так какие олени будут? Так и живут люди без оленей (записано от Константина Наумовича Сулова, оз. Глубокое, Норильско-Пясинский кочевой Совет, февраль, 1937 г.).

К этому можно прибавить следующее. Большинство жителей этой местности перекочевало сюда недавно. Почти все переселенцы вынуждены были батрачить у русских купцов в Часовне и Дудинке (ни купцов, ни кулаков из среды самих норильских долган не было). Только революция освободила их от полной экономической зависимости.

Все немногочисленное население норильских долган до 1937 г. жило несколькими обособленными группами. Наиболее крупную из них составлял колхоз им. Красной Армии, объединявший 24 семьи (мужчин - 30, женщин - 24, детей - 30) по преимуществу коренных долган этой группе преобладали люди с родовым именем Эдзээн) и в незначительном количестве примкнувших к ним энцев (юраков), нганасан, эвенков, русских. По своей внутренней организации труда, тяге к культуре и передовой роли в среде окружающего населения колхоз им. Красной Армии являлся типичным колхозом. Все передовые люди этой местности были его членами. В колхозе насчитывалось несколько кандидатов в члены ВКП(б), комсомольцев, пионеров. Все дети школьного возраста еще до введения всеобщего посещения школы. Училилось и взрослое население, несмотря на все сложности, связанные с кочевым образом жизни. Были и такие, как М. Д. Чуприн, который, не имея возможности посещать школу ликбеза, перешел на "заочное" обучение, т. е. приезжал время от времени к учителю, получал от него задания, а потом занимался самостоятельно.

В тысячах деталей общественной и личной жизни колхозники отличались от окружающего населения. Колхозницы, например, первыми из местных женщин начали обращаться при родах к врачу. Так как

в подавляющем большинстве члены колхоза были старожилами, то двуязычие в их среде имело меньшее распространение.

Второй группой норильских долган до 1937 г. являлась так называемая "артель". Ранее ее называли тонустар 'тунгус'. Группа эта не очень многочисленна — всего 30 чел., но к ней тяготели и примыкали более мелкие группы, что вместе составляло около 60 чел. Во время проведения всех хозяйственно-политических кампаний на нее всегда составлялся самостоятельный план как на особую хозяйственную единицу. Члены этой группы называли себя "артель", хотя формально до 1937 г. не были даже простейшим объединением. Местные работники называли их "дикой артелью". Все входившие в состав этой группы эвенки, преимущественно из родов Гэкчэн и Угдакагир, поселились здесь в разное время. Одни уже не помнили, когда переселились их предки, другие приехали недавно. Между собой члены "артели" говорили по-долгански, но знали и эвенкийский язык, которым пользовались при сношениях с эвенками. Дети, например, охотно слушали как долганские, так и эвенкийские сказки и сами могли рассказывать и те и другие.

В общественной жизни "артель" участвовала очень слабо. Если колхоз охотно принимал в свой состав представителей других национальностей, то "артель" жила замкнуто, стараясь держаться подальше от колхоза и от ст. Часовня с их хозяйственно-административными учреждениями. Браки заключались преимущественно с эвенками или между членами "артели". Даже кладбище у них было свое на одном из островов оз. Мелкого.

Жилища старались устраивать так же, как и колхозники. Зимой жили в нартяных чумах (нечто вроде вагона на нартах, иногда значительных размеров) [Попов А. А., 1952, с. 169]. Но по своему виду жилища их резко отличались от жилищ колхозников. Если в колхозе большинство хозяев старается надеть на деревянный остов нартяного чума под меховую покрывку (нюк) чехол из светлого узорчатого ситца, от чего в чуме бывает светло и уютно, выскоблить до белизны полы, почистить медную посуду и развесить ее по стенке у чонгала (часть чума, где хранятся хозяйственные принадлежности), то в "артели" это встречалось как редкое исключение. В случае заболеваний члены "артели" к врачу обращаться избегали.

Особенно резко выявилась отсталость членов "артели" в их нежелании обучаться грамоте. До 1936 г. туда вообще не удавалось послать ни одного работника ликбеза. Всякие попытки кочевого Совета в этом отношении наталкивались на упорное сопротивление. Дети в школу также отдавали очень неохотно, а если и делали это после многократных уговоров и просьб (всеобщее тогда еще не был вве-

ден), то сразу же под теми или иными предлогами брали их назад. До 1936 г. ни один из учащихся из этой группы населения не доучился до третьего класса, хотя школа в Норильско-Пясинском кочевом Совете была открыта еще в 1929 г. Когда же, наконец, осенью 1936 удалось открыть в "артели" красный чум со школой ликбеза, то оказалось, что люди взялись за учебу с большим желанием и выявилось немало способных и одаренных людей. Вместе со взрослыми приступили к учебе и дети.

До 1937 г. "артель" являлась центром, к которому тяготели все остальные единоличники Норильско-Пясинского кочевого Совета. Она поддерживала довольно оживленные отношения с эвенками Хантайского и Потаповского кочевых Советов, отдельные представители которых время от времени присоединялись именно к этой группе населения.

Таким образом, "артель" являлась такой группой населения Норильско-Пясинского кочевого Совета, в которой главным образом шел процесс присоединения эвенков к долганам, усвоения ими долганского языка.

Это обстоятельство делает особенно интересным язык этой части населения, так как в нем рельефнее всего видно, как формируется диалект при усвоении какой-либо народностью языка другой народности, какие элементы бывшего родного языка входят в состав вновь приобретенного, что в этом последнем подвергается переделке и видоизменению.

Нам удалось записать пять сказок (около 150 с.) от К. Н. Солова, руководителя "артели" и признанного мастера-сказочника. Кроме того, были записаны тексты от И. Ф. Попова, А. З. Поповой, А. З. Сусловой, С. Яродского, Ф. В. Яродской, Х. В. Яродской (в "артели"); А. К. Сидельниковой, Г. Н. Щукина, М. К. Сидельниковой, А. Н. Щукиной, Э. Н. Щукиной, Ф. Г. Васильевой, С. Г. Васильева (в колхозе им. Красной Армии). Всего 50 сказок, 49 песен, 112 загадок (около 500 с. текста). На основании изучения этих текстов и было составлено описание языка норильских долган.

Остается пока неясным время перехода эвенков на якутский язык и образования долганской народности и ее языка. По описанию Б. О. Долгих, долганы появились в XVII и даже в XIX в., причем каждая группа имела в своем составе эвенков, которые могли знать якутский язык и передать его остальным членам группы [Долгих, 194 с. 107-127]. Но что собой представлял якутский язык, распространенный в каждой из этих групп, неизвестно. Записей по языку нет собственные имена, попавшие в русские документы, пока изучаются. Язык норильских долган, описанный в настоящей работе, сопоставлен

современным якутским, по сравнению с которым имеет очень большие отличия исторического характера. Основа грамматического строя якутского языка, отраженная в грамматике О. Н. Бётлингга, вышедшей в середине прошлого века, совпадает с современными грамматическими описаниями. Следовательно, якутский язык в начале XIX в. же был таким, каким мы знаем его сейчас. У Бётлингга можно отметить некоторую неполноту описания, поскольку было мало текстов всего один информант. Но то, что вошло в описание, представлено в современном языке и его диалектах, в том числе в северных. Язык долган, в основе которого лежит якутский язык, отличается от последнего и в фонетике, и в морфологии, и особенно в лексике, что будет показано ниже. Для таких изменений нужен был длительный срок изолированного развития, который позволил перестроить диалект в особый язык, каким сейчас является долганский. Сохранение в нем некоторых особенностей древних тюркских языков, представленных в якутском как рудименты, дает основание отнести начало формирования основы языка к более раннему периоду — не позднее конца VI в.

ФОНЕТИКА

Записи образцов языка долган были сделаны на слух. Поэтом отмеченные особенности дают лишь общую характеристику составу звуков долганской речи и основных фонетических закономерностей. Там, где это возможно, сделано сопоставление с аналогичными явлениями якутского и эвенкийского языков.

В настоящее время звуки якутского [см.: Барашков, 1953 и Дьячковский, 1971, 1977 и др.; Алексеев, 1973] и долганского [Битикова, 1975, с. 36; 1976а, с. 43; 1976б, с. 68; 1976в, с. 3; 1977, с. 59; 1980, с. 156-163; Надеяев, 1982, с. 3] языков глубоко разносторонне исследуются методами экспериментальной фонетики. К сожалению, это невозможно сделать в отношении языка норильских долган. Поэтому автор счел необходимым изложить свои краткие наблюдения.

Г л а с н ы е

Состав гласных

В языке норильских долган восемь гласных: а, ы, о, у, э, е, γ^I , которые на слух совпадают с соответствующими звуками якутского языка.

а - широкий неогубленный гласный заднего ряда: ас- 'толкун', ага 'отец'.

ы - узкий неогубленный гласный заднего ряда: ыс- 'орыттар', бары 'все'.

о - широкий огубленный гласный заднего ряда: ол 'тот', 'дитя', олоро 'сидя'.

^I В работе приняты знаки практического письма якутов с делением знаков фонетической транскрипции: j, j̄ (носовой), э, ʒ, d', и др.

у — узкий огубленный гласный заднего ряда: утуйбутум 'я уже
гал'.

э — широкий неогубленный гласный переднего ряда: эба 'бабуш-
' , элэтэ 'конец (речи)'.

и — узкий неогубленный гласный переднего ряда: ис 'опухоль',
иһи 'человек'.

е — широкий огубленный гласный переднего ряда: ес 'рассказ',
эс- 'кочевать', бере 'вслк'.

ү — узкий огубленный гласный переднего ряда: үс 'три', үгүс
много', үһү 'говорят' (частица).

Все гласные могут быть в любом слого и находиться в ударной
позиции.

Гласные е и ү отсутствуют в эвенкийском и русском языках,
в которых в долганский заимствовано много слов. Но в этих заим-
ствованиях звуки е и ү появляются по требованию гармонии гласных
см. с. 21): үрүүмкэ < рус. римка (р'умка); Педүе — (уменьш.) от
рус. Федосья; элдүүн 'ник, покрывка на чуме' < эвенк. əld'un, лит.
слун.

Гласные языка норильских долган, как это свойственно тюрк-
ским языкам, противопоставлены по месту образования (задние а, и,
у — передним э, и, е, ү), по степени раскрытия рта (широкие а,
э, е — узким и, у, и, ү), по участию губ (огубленные о, у, е,
— неогубленным а, и, э, и). На этом противопоставлении построе-
на гармония гласных якутского языка, которая у норильских долган
то сохраняется механически (см. с. 21).

Все гласные долганского языка могут быть краткими (а,
о, у, э, и, е, ү) и долгими (аа, ны, оо, уу, ээ, ии, ее, үү).
Длигие гласные делятся на первичные и вторичные. Первичные быва-
ют лишь в корневом слого, их пять: аа, ны, уу, ии, үү : аат 'имя',
ныс 'девушка', уу 'сон', биир 'один', үүт 'отверстие'. Вторич-
ные долгие гласные, образовавшиеся в результате выпадения соглас-
ных, могут быть в любом слого, их восемь: аа, ны, оо, уу, ээ, ии,
еэ, үү.

Долгота гласных у долган на слух имеет разную степень протя-
нности. Иногда она воспринимается как двойной гласный: төрөөбүт
'родной' от төрөө- 'родиться'.

В языке долган, как и в якутском, имеются четыре дифтонга:
йо, уо, иэ, үе. Дифтонги йо, иэ, үе встречаются в корневом слого
на месте тюркских широких гласных о, э, е: уон 'десять', тюрк. он;
э- 'есть', тюрк. је-; күөл 'озеро', тюрк. кэл. В этом случае
долганские дифтонги, как и якутские, соответствуют первичным дол-

гим гласным корневого слога. В языке норильских долган дифтонг произносится по-разному.

Иногда дифтонгам соответствует дифтонгоид, у которого первый компонент настолько краток, что подчас едва уловим. Условно обозначается над буквой, означавшей второй компонент: Уон 'дес. як. уон; Уөр 'стадо', як. үөр; дь^{нэ} 'чум, жилище', як. дьээ 'ще'.

Иногда якутскому дифтонгу у норильских долган соответствует рокий долгий гласный: оол 'юноша', көөл 'озеро', як. уол, куөл. произносят якутские дифтонги уо, үө эвенки Якутии [Романова, реева, Барашков, 1975, с. 50-52].

Бывают и такие случаи, когда дифтонг переходит в узкий гласный: уулун 'его сына' (вин. пад.), но уола 'его сын', ср. як. лун - уола. По-видимому, это происходит под влиянием последующего узкого гласного: диэбит 'сказал' эм. диэбит; кэликипит 'приде' эм. кэл^нэпит; күтүүтүн 'его зятя' эм. күтүөтүн; көрүүкүт 'мы посмотрим' эм. көрүөкүт. Это явление частично можно наблюдать и в литературном якутском языке, например в формах косвенных падежей вопросительного местоимения туок 'что', тугу 'что', тутунан 'что' [Харитонов, 1947, с. 161]. Норильские долганы в указательных местоимениях в дательном падеже постоянно произносят узкий долгий гласный: манныга ∞ мунууга 'этому', як. маннаха; онууга 'тому', як. онуоха.

Якутскому дифтонгу у долган часто соответствует сочетание гласных одинаковой длительности и отчетливости. Это наблюдается в группе слов, которые постоянно произносятся именно так, независимо от принадлежности носителя к той или иной группе населения: уо: уоһа 'его губа, губы';

үө: күтүө 'зять', күэмэй 'пищевод', Педүө (уменьш.) 'Федос';

иэ: һиэн 'поев', иккиэн 'вдвоем'.

Различное произношение дифтонгов приводится в примерах текстов. В парадигмах дается условное обозначение: на, уо, иэ,

Дифтонги встречаются как в основах, так и в аффиксах. Некоторые аффиксы имеют в своем составе дифтонги:

- аффикс формы будущего времени (-на, -уо, -иэ, -үө);

- аффикс формы причастия и будущего времени на -нах, -уох, -иэх, -үөх;

- сложные аффиксы повелительного наклонения I-го лица множественной формы -на-х, -уо-х, -иэ-х, -үө-х 'мы с тобой включительной формы -на-ҕ-инҕ, -уо-ҕ-унҕ, -иэ-ҕ-инҕ, -үө-ҕ-унҕ 'тобой и вы', т. е. 'мы все' [Убрятова, 1962, с. 121; Menges, с. 140];

- аффикс собирательных числительных (-на, -уо, -из, -үө);
- аффикс собирательных наречий (-на-н, -уо-н, -из-н, -үө-н).

Гармония гласных

Закон гармонии гласных, строго соблюдаемый в якутском языке, действует и в речи долган, но с некоторыми нарушениями.

В якутском языке гармония гласных состоит в том, что в слове:

- могут быть гласные только или задние а, н, о, у и дифтонги на, уо, или передние э, и, е, ү и дифтонги иэ, үө;
- после неогубленных гласных идут неогубленные;
- после широких огубленных гласных - огубленные;
- после узких огубленных гласных - узкие огубленные и широкие неогубленные;
- после огубленных дифтонгов уо, үө гармония гласных идет, так после узких огубленных гласных.

Впервые закон гармонии гласных в якутском языке был сформулирован О. Н. Бётлингом [Böhtlingk, 1851, § 28-38].

В языке долган более последовательно этот закон соблюдается в словообразовании и словоизменении. В основах он часто нарушается даже в словах якутского происхождения.

Выше (с. 20) говорилось о переходе дифтонгов в широкий долгий или в узкий долгий гласный под влиянием последующих гласных. Очевидно, это свидетельствует о том, что закон гармонии гласных якутского языка у долган, сохраняясь по инерции в словах и формах, уже перестал действовать как обязательная закономерность. Это особенно отчетливо видно на неякутских по происхождению словах. Часть русских и эвенкийских слов подчиняется действию закона гармонии гласных, другая - не подчиняется. Состав гласных в словах эвенкийского происхождения, подчинившихся гармонии гласных: икэптин 'палка над очагом в чуме' < эвенк. икэптун; эйдүн 'покрышка на чуме' < эвенк. элдун ~ элгун 'нижний нук на чуме'.

Слова эвенкийского происхождения, не подчинившиеся гармонии гласных: Гекчан - назв. рода < эвенк. гэкчән 'сокол'; болгикта - назв. кустарника < эвенк. болгикта 'кедр-стланник'; гуруми - вид обуви < эвенк. гурумий 'ноговицы' (гамаша из ровдуги).

То же самое можно наблюдать и в заимствованиях из русского языка. Состав гласных в словах, подчинившихся гармонии гласных:

һәркэлэ < рус. 'зеркало'; чокло < рус. 'стекло'; гүлээйдээ- 'п
вать' < рус. обл. 'гулять'.

Слова без изменения огласовки: лучинка < рус. лучинка; н
трууска < рус. обл. натру́ска; як. нотурууска ≈ диал. натыры́ска
(охотничья принадлежность); учител' < рус. учитель, ср. як. учу

Механизм установления гармонии гласных не вполне ясен. Ино
гда, видимо, гармония гласных устанавливается как бы по гласном
первого слога: икэптин 'палка над очагом в чуме' < эвенк. икэпт
һуукна < рус. сукно; иногда по ударному гласному: һәркэлэ < рус
зеркало.

Дифтонг на устанавливается вместо ударного е, если остальные
гласные слова задние: артал < рус. артель; Арсан < рус. Арсе
н(ий); дьнала < рус. дело.

Ударный а после палатальных согласных, передаваемый в рус
языке буквой я, долганами, так же как в якутском, воспринимает
как долгое эа и придает всему слову переднерядную огласовку:
лээйдээ- 'гулять, пировать' < рус. гуляй; кинээс 'князь'.

В речи норильских долган встречаются слова (катун 'госпожа
почтенная женщина', каннук 'какой'), в которых нарушение гармон
гласных очень напоминает порядок гласных в древних тюркских язы
ках [Древнетюркский словарь, 1969]^I.

В якутском языке двусложные слова тюркского и монгольского
происхождения с таким порядком следования гласных дали два вари
анта произношения: огубленное (хотун 'госпожа', дойду 'страна')
и неогубленное (хатын, дайды). По установившейся традиции это
явление некоторые исследователи называют "оканьем" и "аканьем"
[Кулаковский, 1946, с. 89; Барашков, 1953, с. 73; Иванов, 1980
с. 1]. Это неверно, так как образование огубленных и неогубленн
вариантов в диалектах якутского языка шире и связано с установ
лением гармонии гласных в словах, не отвечающих порядку следовани
гласных по правилам ныне действующей гармонии гласных или по
гласному второго слога (огубленные варианты): др.-тюрк. катун -
як. хотун, или по гласному первого слога: др.-тюрк. катун - як.
хатын [Убрятова, 1960а, с. 39-49]. Аканье в диалектах русского
языка является неразличением гласных не верхнего подъема в пред
ударном слоге; различие называется оканьем, ср. мьлоко и молок
[Русская диалектология, с. 66].

В последнее время появилось стремление связать образование
огубленных и неогубленных вариантов якутских диалектов типа хат
-хотун с близостью эвенков ("оканье") и эвенгов ("аканье") [Роман

^I На это обратил мое внимание С. Е. Малов.

за и др., 1975, с. 28]. Но это позднее смешанное географическое расселение якутов, эвенов и эвенков совсем не имеет к данному вопросу никакого отношения.

Так называемое "оканье" и "аканье" в диалектах эвенкийского языка Г. М. Василевич связывает с реализацией эвенкийского гласного смешанного (среднего)ряда э (э - а, э - о) [1948, с. 92, 140, 183; Цинциус, 1949, с. 78], который в диалектах якутского языка, судя по материалам, приведенным сторонниками этого предположения, взаимодействует в той огласовке, какую он имеет в диалектах эвенкийского языка (ср. элдүн - лит. элдун 'нижняя покрывка чума'; нээме - лит. нама 'верховое седло') [Романова и др., 1975, с. 172 и др.]. У долган э в эвенкийских словах чаще всего переходит в ээ (иктэээ 'трехлетний олень-самец', эвенк. иктэээ и др.), если этому не препятствует гармония гласных (см. выше с. 20).

Нарушение гармонии гласных в языке долган, показанное выше, создает впечатление, что гармония гласных якутского языка была воспринята долганами механически и возможно даже перестала функционировать.

Из приведенных выше сопоставлений можно сделать и еще один вывод. Долганские материалы содержат только огубленные варианты слов, имеющих в якутском языке оба варианта. А это означает, что якутский язык, на основе которого сложился язык долган, должен был быть определен как "окающий диалект". Иными словами, долганский язык сложился после образования одного из двух древних основных диалектов. Это подтверждается и исторически. На территории, где жили в XVII в. долганы (на правом берегу р. Лены, против устья р. Зилка) и в наше время распространен "окающий диалект" [Иванов, 1980, с. 72] якутского языка.

С о г л а с н ы е

В языке норильских долган имеются следующие согласные: б, г, ɣ, д, дь¹, [ɟ']², й, к, к', л, ль, м, н, н', п, р, с, ʈ, т, ть (см. табл. I).

¹ дь, ть, нь - условное обозначение среднеязычных смичных согласных. Обозначения дь, нь приняты в современной якутской письменности.

² Звонкая аффриката [ɟ'] наблюдается только в индивидуальном произношении.

Т а б л и ц а I

Классификация согласных звуков I

По способу образования		По месту образования		Губно-губные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Увулярные	Фарингальные
Смычные	Сонанты		м	н	нь	н'	(н)		
	Шумные	Чистые	б, п	д, т	дь, ть	г	г, к		
		Аффрикаты				ц, ч			
Проточные	Шумные			с					
	Сонанты	Серединные			й ²				
		Боковые		л					
		Дрожание		р					

В консонантизме долганского языка, как и якутского, обращает на себя внимание бедность состава проточных согласных, особенно шумных. Язык долган даже беднее якутского, в котором проточными являются и язычковые г, х. Эта особенность лишь отчасти может быть объяснена влиянием тунгусо-маньчжурских языков, так как в них проточные представлены и губнозубными, чего нет в якутском долганском. В остальном же состав согласных языка долган очень близок составу согласных эвенкийского языка [Цинциус, 1949, с. 53], который содержит общую для всех языков севера Сибири черту — слабое развитие проточных [Убрятова, 1976а, с. 59].

¹ Таблица построена по образцу известной таблицы Л. В. Щерба [Щерба, 1982, Вопросы языкознания, № 5, с. 123] с небольшим отличием. Чтобы подчеркнуть стройность системы смычных, смычные сонанты поставлены выше шумных.

² Буква й в современной письменности обозначает j во всех положениях и носовой j̄.

Согласные языка долган подчиняются следующим правилам I:

- в начале слова не может быть сочетания двух согласных;

- в конце слова не может быть сочетания двух согласных, за исключением -лт, -рт;

- в середине слова не может быть сочетания трех и больше согласных;

- звонкие смычные согласные в сочетании с глухими оглушаются;

- в начале слова не употребляется й и редко употребляется с, р встречается только в заимствованных словах;

- в конце слова не употребляются звонкие смычные согласные

ч.

Согласные могут быть палатализованными или непалатализованными. Основным условием палатализации является состав гласных данного слова.

Если в слове передние гласные, то согласные палатализованы. Исключением из этого правила является т и иногда г, которые перед и произносятся твердо: тийс 'зуб', тийн 'белка', ини 'он', гелбэс 'блеск'.

Исключение в отношении т может быть объяснено влиянием венкийского языка, в котором т перед и произносится аналогичным способом [Василевич, 1934б, с. 10]. Во всех остальных случаях т, как и г, в сочетаниях с передними гласными палатализуется: түүн 'ночь', түөс 'грудь', үтүс 'много', э', итэн э эдьигэн родовое название Эджиген.

Конечные согласные основ с передними гласными палатализации подвергаются не всегда: биир 'один', кир 'грязь', көр- 'смотреть', үүр- 'дуть', күн 'день', бүтүн 'весь, целый', кал- 'приодить', кэтэбул 'охрана', бил- 'знать', но бииркээн 'только один', дим 'сеть', киэн 'широкий', эн 'ты', кэлин 'зад', үс 'три', эт мяско', һөп 'ладно', күлүк 'тень, изображение'.

Если же в основе задние гласные, то согласные выступают как непалатализованные. Исключением являются среднеязычные согласные, всегда палатализованные, оказывающие влияние на соседние согласные: булт 'промысел, охота', но булт'чут 'промышленник' (из булт -сут < -чут); алтан 'медь', но алтан'һыт 'медник' (из алтан -һыт); нал 'житель, селение', но нал'дһыт 'гость' (из нал + сһыт); огонһор 'старик' (у Пекарского есть пример и огон'јор Пекарский, с. IX]); чорч'охот 'короткая меховая обувь'. Поэтому

I В словах, заимствованных из русского языка, эти правила часто нарушаются.

при дальнейшем изложении палатализация будет отмечаться знаком ' лишь в тех случаях, где она появляется вопреки основному правилу, т. е. в словах с задними гласными. Во всех остальных случаях подразумевается, что в сочетаниях с передними гласными согласные (за исключением т и г перед и, которые произносятся твердо — палатализованные, в сочетаниях же с задними гласными — непалатализованные. Палатализация согласных в зависимости от состава гласных есть одно из проявлений сингармонизма, характерного для тюркских языков [Дмитриев, 1939, с. 12]. В литературном языке якутов сингармонизм проявляется гораздо ярче, чем у долган.

Губные согласные

Губных согласных в языке норильских долган три: б, п, м.

б — губно-губной звонкий смычный согласный, соответствующий русскому б в слове был. Употребляется в начале слова, между гласными и в сочетаниях со звонкими согласными: быс — 'резать', кабис — 'бросать', кырбаа — 'ударить', бил — 'знать', һап — 'закрывать', но һабын — 'закрывание, крышка'.

В якутском языке по диалектам наблюдается чередование б ∞ (п ∞ к). Например: тубут ∞ тутут 'оленок', тубуста ∞ тутуста 'улучшилось', уба ∞ ута 'рукоятка-его'.

Норильские долганы в одних якутских словах сохранили г, других — б. Например: тутут 'оленок', ул 'рукоятка', һүгэ үб 'топориче'.

В диалектах эвенкийского языка есть чередование в ∞ г: вта ∞ гота 'загородка', дову-ми ∞ догу-ми 'переносить', двукта 'оса' ∞ догукта 'пчела'.

В эвенкийских словах долганы в произносятся как б. Например: бота 'загородка', дүбүктэ 'оса'.

В заимствованных словах долганское б замещает русское п и б, эвенкийское б и в. Например: бутуулка < рус. бутылка, як. бытыылка, бопруос < рус. вопрос, як. бошпуруос; б^Уона 'граница' < эвенк. бона; һабул 'правда' < эвенк. хаба́л.

В аффиксах этот звук встречается очень часто (падежные фиксы лично-притяжательного склонения I-го лица ед. и мн. числ. причастия прошедшего времени и т. д.). При этом начальный б фикса претерпевает изменения, оглушаясь после глухих и назализуясь после носовых, т. е. произносится как п и м. Сочетаясь с непонязычными, он полностью ассимилирует их, например в аффиксе притяжательного

астия прош. вр. на -быт (и т. д.): бар-быт 'ушедший' от бар-уходить'; бнс-пыт 'отрезавший' от бнс- 'резать'; һоп-пут 'стертый' от һот- 'стирать'; һуумит 'вымывшийся' от һуун- 'мыться'.

Иногда аффикс, начинающийся на б, выступает в оглушенной форме (-пыт и т. д.) после сонорных согласных р, л, м, например: һэр-пыт 'напоивший', ил-пыт 'унесший', каам-пыт 'ушедший' (пешком). Здесь оглушение начального согласного аффикса объясняется влиянием выпавшего т.

п - губно-губной глухой смычный согласный, соответствующий русскому п в слове пасть. В отличие от якутского п довольно часто встречается в начальных позициях, сохраняясь, как правило, в начале заимствованных слов, а также между гласными. В этих словах долг. п ~ эвенк. п ~ рус. п и ф: бааптин 'жертва', эвенк. ааптин; падалка 'костяная пряжка на мауте' (аркан для ловли оленей), рус. петелька, як. биэтилэ 'петля'; һапаас, рус. запас, як. апаас; Пээдэр, рус. Федор, як. Сүөдэр; һапыйан 'пояс в упряжке леня', рус. сафьян, як. сапыйаан 'сафьян'. (В старых якутских заимствованиях из русского интервокальное -п- удваивалось.)

В аффиксах п встречается только как оглушенный б. В этом случае он полностью ассимилирует предшествующий т конечный согласный основы: ат 'лошадь', ап-пын 'мою лошадь' из ат + -бын, но в положении перед т не ассимилирует его полностью. Например: ап- 'закрывать', һап-ты-м 'я закрыл', уп 'рукоятка', уп-тар 'рукоятки'.

м - губно-губной носовой сонорный смычный согласный, соответствующий русскому м в слове мы. Встречается в любой позиции: анна 'здесь', эм^иэ 'опять', илим 'сеть'.

В словах, воспринятых из эвенкийского и русского языков, соответствует эвенк. м и рус. м: мабут 'аркан для ловли оленей', эвенк. маут ~ мавут; коһномо 'темная масть оленя', эвенк. конг-омо 'черный'; маасла, рус. масло, һэмэн, рус. Семен, луом, рус. ом.

По диалектам якутского языка наблюдается соответствие б ~ м основах убай- ~ умай- 'гореть', буус ~ муус 'лед'. Норильские олганы произносят убай-, буус-. В аффиксах м особенно часто выступает начальным согласным, ассимилированным конечным -н основой. Например, тураһ-мын 'я вставши' из тураһ-бын.

Будучи конечным согласным основы, -м требует после себя перепада начальных л, т, с^I, б, г- аффиксов в носовые. Например:

^I Аффикс -сыт восходит к тюрк. -чы.

илим-нээк 'имеющий сеть' из илим + -лээк; илим-нэ - частный падеж от илим + -тэ; илим-ньит 'рыбак' из илим + -сит'; илим-мэр 'в моей сети' из илим + -бэр; илим-нэр 'в твоей сети' из илим + -гэр.

Но иногда после конечного -м основы в этих же аффиксах вместо ожидаемого носового выступает глухой вариант тех же согласных: эм-тээк 'имеющий лекарство' из эмп + -лээк; эм-тэ - частный падеж от эмп + -тэ; эм-чит 'лекарь' из эмп + -чит; эм-пэр 'моему лекарству' из эмп + -бэр; эм-кэр 'твоему лекарству' из эмп + -гэр. Это объясняется влиянием выпавшего второго конечного глухого согласного (як. эмп).

Переднеязычные согласные

Переднеязычные согласные в языке норильских долган: д, т (смычные), с (проточный), л (боковой) и р (дрожаший).

Смычные

д - переднеязычный звонкий смычный ротовый согласный, соответствующий с русским д в слове дым. Никогда не бывает в конце слова, а также в сочетаниях с глухими согласными. В аффиксах происходит озвончение как т, а также вместо л после р и й (см. ниже). В словах, заимствованных из русского и эвенкийского языков, соответствует русскому и эвенкийскому д: дуума < рус. дума, халдаат < рус. солдат; кэдэрэ 'скребок для выделки кожи' эвенк. кэдэрэ 'кожемялка'.

В словах эвенкийского происхождения д в сочетаниях -дд, -нд не ассимилируется. Например: элдун 'ник' (меховой чехол) < эвенк. элун ≈ элун 'нижняя часть юбки'; олдон 'крышка котла над очагом' < эвенк. олдон ≈ олон; амдунда 'наледь' < эвенк. амунна ≈ амунда.

т - переднеязычный ротовый глухой смычный согласный, соответствующий рус. т в слове тыл: тыл 'язык, речь', тут- 'держат, ловить'.

В словах, заимствованных из русского или эвенкийского языков, соответствует рус. т и эвенк. т. Например: толкуй 'разговор' < рус. толкуй 'мысль, дума' < рус. толкуй 'толковать'; пистон < рус. пистон; паракот < рус. парокот; тонолдо 'блок в упряжи оленя' < рус. тонолдо 'блок в упряжи оленя'.

эвенк. тонголю 'замкнутый круг, кружок'; хутака 'мешок, сумка'
эвенк. хутакан 'мешок, котомка, сумка для спичек'; чаныт 'разбойник, беглый' < эвенк. чангит 'враг, бродяга, разбойник'.

При присоединении аффикса, начинающегося на согласный, т в конечных сочетаниях -лт, -рт выпадает, оставляя следом своего присутствия оглушенность начального согласного аффикса. Например: лт- 'нести, вести', лпэктээ- 'нести скорей', лпхитэ 'уже придет'; тарт- 'тянуть', тарпактаа- 'тянуть скорей', тарпыта- 'уже вытянул'.

При присоединении аффиксов, начинающихся на гласный, конечный -т сочетаний -лт, -рт переходит в д. Например: булт 'промысел', булд-у (вин. пад.), бэрт 'лучший', бэрд-ин (вин пад. личноритяж. скл.).

В аффиксах начальное т- подвергается различным изменениям. В некоторых из них начальное т- частично или полностью ассимилируется конечной согласной основы, например в аффиксе глагола прош. вр. -ты, -ди, -ли, -ну: эт-ти-м 'я сказал', бар-ды-м 'я шел', утуй-ду-м 'я спал', кэл-ли-м 'я пришел', нуун-ну-м 'я мыл-я'. То же можно наблюдать и в аффиксах частного и сравнительного падежей имен существительных (см. II6, I24).

Во многих аффиксах начальное т- является видоизмененным д после глухих согласных. Например, в аффиксах множественного числа лар, -тар (бас-тар 'голови', ат-тар 'лошади', уп-тар 'рукоятки'); тменных глаголов -лаа (мас-таа 'заготавливать дрова'; Уот-таа 'разводить огонь', уп-таа 'приделать рукоятку'); обладания -лаак бас-таак 'имеющий голову', ат-таак 'имеющий лошадь', уп-таак 'имеющий рукоятку').

Начальное д- аффикса множественного числа -лар иногда после конечных -н и -р переходит в т, уподобляя себе и конечный согласный основы. Например: унут-тар 'длинные' от унун 'длинный', дотот-тор 'друзья' от догор 'друг' (объяснение см. с. II2).

Наряду с этим есть аффиксы, в которых начальное т- совершенно не ассимилируется несмотря на то, что они присоединяются к основе без соединительной гласной. Таков аффикс исходного падежа -тан: к'эл-тэн 'из озера', нал-тан 'от жителя', каллаан-тан 'с зеба', кир-тэн 'из грязи'. Такая разница в судьбе одного и того же звука в современном языке долган, как и вообще в якутском языке, может быть объяснена в каждом отдельном случае различными историческими причинами. В данном случае выпадением второго т аффикса. В самом языке долган ассимиляция т предшествующим согласным не является фонетической необходимостью, так как сочетания -лт, -нт, -рт, -йт встречаются в основах. Например: алта 'шесть', кэл-

тэгэй 'хромой', онтон 'откуда, затем', орто 'середина', кайта 'как, каким образом'. Точно так же в языке распространены сочетания: -дд, -нд, -рд (о чем упоминалось выше).

Иногда якутское т (а вслед за ним и долганское т) воходит в состав большого числа различных по своей фонетической природе тюркских согласных. Так, если сравнить с материалами других тюркских языков, то окажется, что в них якутскому т часто соответствуют: т, д, с, з, j, ш. Например:

як.	тюрк.
ат 'лошадь'	ат
аат 'имя'	ад
отут 'тридцать'	отуз
кэт- 'надевать'	кэт- ∞ кей- ∞ кис-
-быт - афф. причастия прош. вр.	-мыш
-тар - афф. условного накл.	-сар ∞ -са

н - переднеязычный смычный носовой сонорный согласный, соответствующий с рус. н в слове надо: нөнүө 'следующий, другой', аны 'перья', каан 'кровь'.

Он, как и л, особенно ясно обнаруживает на себе следы влияния сингармонизма, выступая в основах с передними гласными палатализованным, в основах с задними гласными непалатализованным.

В словах, заимствованных из русского и эвенкийского языков соответствует русскому и эвенкийскому н. Например: наада < рус. надо, кырааснай < рус. красный, пылаан < рус. план, ниптэ 'бревно, на котором рубят дрова около чума' < эвенк. ниптэ 'подставка из веток (при свежевании зверя)', үнэкэн 'верхняя покрывка чума' < эвенк. унэкэн 'верхняя полость из замши для покрывания юрты'.

Конечный -н основы при присоединении аффикса, начинающегося на губной согласный, назализует этот последний, а затем полностью уподобляется. Например: гын- 'делать', гын-мыта (гын-быт-а) 'сделал'; баран 'уйдя' (деепр.ч.), баран-мын 'уйдя-я' (из баран-бын).

Широко распространен в речи долган переход конечного -н предшествующего слова в м под влиянием последующего слова, начинающегося на звонкий губной согласный. Например: аһаам баран 'окончив есть, поевши' вм. аһаан баран; б^Уорсам баран барбыта 'убивши (медведя), ушел', вм. б^Уорсан баран барбыта.

Но при присоединении к конечному -н основы аффикса, начинающегося на заднеязычный, наблюдается только назализация этого последнего. Например: каллаан-һа 'на небо, небу', як. халлаан-һы 'зимний', як. кыһыһы; баран-һын 'уйдя-ты' (деепр.ч. як. баран-һын).

Как показывают якутские формы, язык норильских долган в этом случае обнаруживает расхождение с литературным якутским языком, в котором переднеязычные согласные -т и -н в конечной позиции оказываются одинаково неустойчивыми и при присоединении аффиксов, начинающихся на губные согласные (переходят в губные), и при присоединении аффиксов, начинающихся на заднеязычные согласные (переходят в заднеязычные). У долган это можно отметить только в отношении т (см. выше, с. 29). Что касается конечного -н, то он оказывается неустойчивым только при присоединении губных согласных, при присоединении же аффиксов с начальным заднеязычным согласным остается без изменения.

В аффиксах н встречается довольно часто (аффикс возвратных глаголов, деепричастий, творительного и винительного падежа безличного склонения в основах, оканчивающихся на гласный) и выступает как ассимилированное л и т (см. с. 29).

Проточные

Среди шумных проточных согласных в языке долган выделяется один глухой с, который в неизменном виде встречается преимущественно в сочетаниях с согласными и в конечной позиции. Например: нпсы 'щель', кмыс 'девушка'.

В положении между гласными и в начальной позиции с, как правило, переходит в h. Например: ас 'пища', аһа 'пища-его (ее)', һымнагас 'смирный', як. сымнагас.

В потоке речи начальное с может сохраняться, если ему предшествует глухой согласный. Например: атас сакалар һаңалара, доҕоро бии ^и энэ һанабыт 'атас 'друг' - слово якутов, доҕоро 'друг его' - наше слово'.

В записанных от долган текстах есть случаи, когда h встречается в двух соседних слогах, чего в якутском языке не бывает [Харитонов, 1947, с. 70]. Например: Мунтан һоһуйан чыпчаага һинини түһэрибит (фольк.) 'Испугавшись этого, птичка его уронила', як. Мунтан соһуйан чыпчаага кинини түһэрибит. 'Вздвогнув от этого, птичка его уронила'.

Любопытно, что в песнях с, вопреки правилам, сохраняется. Так в шуточной песне, сочиненной по поводу того, что один из колхозников чуть не вышел из колхоза им. Красной Армии, с во всех случаях сохраняется:

Ара, Наһим, Армияттан араган барда,
Уойар, Пасын, кыраасныйга кыттыбата,

Сео^Иэскэйгэ сатамата,
Ба куулуга куустуспата
Микиисэбит Паасакаана.

Ой, Налим (прозвище), из Армии, расставшись, ушел,
Ой, Паша, к Красной не присоединился,
В советском не ужился,
В этом законе не обнялся,
Нашего Микиши Пашенька.

В словах, заимствованных из русского языка, с замещает л ряд проточных согласных: з, ж, ш, -ч, ц, щ. В этом случае в интервокальном положении часто сохраняется. Например: кус^ава н < рус. хозяин, к^уоса < рус. кожа, масына < рус. машина, бонныса < рус. больница.

В начальной позиции чаще переходит в н. Например: хаакыр < рус. сахар, хио^Иэсэй < рус. свежий. Но в некоторых случаях этого перехода нет: сэо^Иэт < рус. совет, сэо^Иэскэй < рус. советский.

В словах, заимствованных из русского языка, с начальными ж, ш, ц также вместо с часто встречается н. Например: һэркала 'зеркало, сурнаал < рус. журнал, һолко < рус. шелк, һэркэл 'совня' < рус. церковь.

В словах якутского происхождения замещение с в начальной позиции и между гласными н протекает более последовательно.

Переход начального и интервокального с в н характерен некоторых диалектов эвенкийского языка [Василевич, 1934а, с. 1948, с. 63, 95, 116 и др.]. Эта диалектная особенность сохраняется в языке долган в словах эвенкийского происхождения, пример: һугэ, эвенк. лит. сука, диал. һука 'топор'; һ^Ианан, эвенк. лит. сентан, диал. хенган 'налим'; һэкирэ, эвенк. лит. сентан, диал. һенкирэ 'можевательник'.

Вполне возможно, что переход начального с в н-, часто наблюдаемый в языке долган и составляющий его отличительную черту по сравнению с литературным якутским языком, развился в нем под влиянием именно этих диалектов эвенкийского языка.

У долган, как и в якутском языке, с замещает тюркские -нч. В определенных условиях эти звуки или сочетания звуков, в результате и все их соответствия, восстанавливаются. Так, например, начальное -с- аффикса -сыт, восходящего к тюркскому -с в интервокальном положении переходит в -н-, как и положено якутскому -с-. Например: балыксyt 'рыбак' от балык 'рыба'^I, олонко

^I В песне собственного сочинения, присланной Н.В.Яродским

сказочник' от олонко 'сказка'. Но после конечного -с основы начальный -с- аффикса -сыт переходит в -ч-: аччыт 'мастер готовить пищу' от ас 'пища', тааччыт 'название собаки, грызущей одежду' от таас 'одежда'.

После конечных сонорных -р и частично -л начальное -с- аффикса переходит в -дь-. Например: тимирдьыт 'кузнец (мастер по железу)' от тимир 'железо', ыалдьыт 'гость' от ыал 'сосед, жилец'.

После конечных носовых согласных начальное -с- аффикса -сыт переходит в -нь-. Например: илимньыт 'рыбак, ловящий рыбу сетью' от илим 'сеть', таабрунньыт 'мастер загадывать загадки' от таабрун 'загадка', як. таабрынньыт. Исключение составляют слова, в которых конечные сонорные основы входили или входят в сочетания со смычными согласными (-мп, -лт). Выпадение конечного согласного вызывает оглушение начального согласного аффикса, который выступает в этом случае как -ч-: эмчит 'лекарь' от эм (як. эмп) 'лекарство', як. эмчит 'фельдшер, врач'; бульчут 'охотник' от булт 'пронесел'.

Все эти переходы начального -с- аффикса -сыт представляют собой исторические чередования, объясняющиеся происхождением этого звука. Точно так же историческим чередованием является переход конечного -с некоторых глагольных основ в -нь-: ас- 'толкать', ынбар 'толкает' (ср. др.-тюрк. санч- 'проткнуть, пронзить'), мус- собирать', мунбар 'собирает'.

В этих глаголах конечное -с > -ч > -нч. При присоединении аффикса с начальным гласным (-ар) происходит последовательная ассимиляция (частичная - озвончение и полная - назализация) в сочетании -нч < -нч' -ар < -нь- -ар [Böhtlingk, 1851, § 171].

Все эти примеры показывают разную судьбу -с в сочетаниях с различными согласными. Из них видно, что современное -с якутского языка подвергается различным изменениям в сочетаниях с другими гласными не по определенному фонетическому закону, а в силу исторических традиций, установившихся в каждом отдельном случае особым образом, так как современное -с якутского языка исторически восходит к нескольким совершенно различным звукам. В работах О. Н. Бётлингера [1851, § 182-186], С. В. Ястремского [1900, с. 23], В. В. Радва [1908, s. 12], Б. Я. Владимирцова [1929, с. 327] это показано в многочисленных сопоставлениях с различными тюркскими языками. Следовательно установили, что якутское -с соответствует в тюрк-

олган, член колхоза им. Калинина), слово балыксыт, употребленное три раза, почему-то во всех случаях написано балыкчыт.

ских языках: в начальной позиции $\underset{j}{j}$, в середине и конце слова $\underset{з}{з}$, $\underset{ч}{ч}$, в конце слова $\underset{нч}{нч}$, во всех позициях $\underset{ш}{ш}$; начальное $\underset{с}{с}$ — тюркских языков в якутском чаще всего утрачивается. О. Н. Бётлингк метил также якутское соответствие внутри основы $\underset{-с}{-с} \sim \underset{-э}{-э} \sim \underset{-н}{-н}$. Он сделал попытку рассмотреть все соответствия в системе, но для выяснения их происхождения тогда еще не хватало данных: не были известны материалы тюркских языков Сибири. Это сделал позднее В. В. Радлов, начавший изучение тюркских языков Южной Сибири в конце 50-х годов XIX в. На основании своих исследований он написал оригинально-историческую фонетику [1882-1883], в которой свел все соответствия в систему. Позднее в исторической грамматике якутского языка [1908, с. 12-14] на основе анализа соответствий он попытался выявить отношение якутского языка к другим тюркским языкам и его происхождение. Из общетюркского классификационного соответствия начальных $\underset{j}{j} \sim \underset{ч}{ч} \sim \underset{з}{з} \sim \underset{с}{с}$, которое В. В. Радлов считал особенно важным для выяснения отношения якутского языка к монгольскому и тюркским языкам [1908, с. 2], в языках Сибири представил лишь часть: $\underset{j}{j} \sim \underset{ч}{ч}$ и только в некоторых словах тувинском $\underset{ч}{ч} \sim \underset{с}{с}$. В словах тюркского происхождения начальные $\underset{j}{j}$ - и $\underset{ч}{ч}$ -якутского языка дали $\underset{с}{с}$; в монголизмах аялаутный $\underset{j}{j}$ перешел в $\underset{ч}{ч}$, а $\underset{ч}{ч}$ сохранился. На основании этого В. В. Радлов делает вывод о поздней тюркизации древнего языка якутов. С ним не согласились тюркологи [Самойлович, 1908, с. 254, Малов, 1941, с. 63-64], монголисты [Казиуўскі, 1961, с. 7]. Но теперь, когда об отношении якутского языка к языку орхонских тюрков известно больше [Ува, 1960б], когда широко изучаются тунгусо-маньчжурские языки прежде всего эвенкийский с его диалектами [Василевич, 1940, 1 Романова и др., 1975, с. 13], выявляется отношение фонетики якутского языка к фонетическим особенностям языков Севера Сибири [Рятова, 1976б, с. 59-61], следует с большим вниманием отнестись к наблюдениям В. В. Радлова, хотя они получают иное объяснение. Он установил, что в якутском языке все члены соответствия $\underset{j}{j} \sim \underset{ч}{ч} \sim \underset{з}{з} \sim \underset{с}{с}$ неодинаково распределены в словах разного происхождения. Напр. в тюркских словах начальный $\underset{j}{j} \sim \underset{с}{с}$; в монгольских $\underset{j}{j} \sim \underset{ч}{ч} \sim \underset{з}{з} \sim \underset{с}{с}$ — дь- \sim нь- [Radloff, 1908, s. 12].

К этому можно добавить, что в словах эвенкийского происхождения оно также есть: $\underset{j}{j} \sim \underset{ч}{ч} \sim \underset{з}{з} \sim \underset{с}{с}$ — дь- \sim нь- [Цинциус, 1949, с. 250]. Соответствие в монгольских и эвенкийских словах живое, как оно проявляется и в новых заимствованиях, а в тюркских — историческое. Замещение одних согласных другими происходило в разное время и было вызвано разными причинами. Так, начальный $\underset{j}{j}$ — в

вах тюркского происхождения после оглушения перешел в ч^I. Произошло это, по-видимому, на территории Южной Сибири, где переход *j - в ч является широко распространенной тенденцией [Radloff, 1908, s. 12-13]. Позднее в якутском языке ч в тюркских словах во всех позициях перешло в с. Предположение В. В. Радлова об участии нетюркских элементов в формировании якутского языка впоследствии подтвердилось в результате исследований тунгусо-маньчжурских языков, особенно эвенкийского с его диалектами. Примером может служить утрата начального с в словах тюркского происхождения и общезычковое соответствие -с ~ -h.

Наличие соответствий с ~ h-, -с ~ -h-, с ~ с' в диалектах эвенкийского языка позволяет предположить, что два из них, ставшие общезычковой особенностью якутского языка, появились под влиянием диалекта языка тех эвенков, с которыми контактировали древние тюрки - предки якутов, в местах первоначального расселения, современной центральной Якутии. Именно в этот ранний период формирования якутского языка, в условиях длительного взаимного двуязычия эвенкийский язык (местный его диалект) оказал воздействие на формирующийся якутский.

Переход с в с' распространен только в словах тюркского происхождения, следовательно, это произошло до появления монголских слов, возможно, еще в тюркском языке-предке. Это историческое соответствие, ставшее общезычковым в якутском и в долганском, как и переход интервокального -с в -h.

Дрожащий р - сонорный переднеязычный согласный. В начале слов не встречается. Заимствованные из русского языка слова, начинающиеся на р, получают предшествующий гласный звук (урука 'рука', явица 'явица') или в них происходит метатеза р с последующим гласным (кырбаакы 'рубаха').

Как и другие согласные, р палатализуется в сочетании с передними гласными: биир 'один', киир'эр 'он входит'.

Внутри основы он может сочетаться в предшествующей позиции с глухими, так и со звонкими согласными (за исключением сонорных нь, л, н, ц, ж): кырбаа- 'ударять', кырпалаа- 'резать'; бирс 'другой, иной', бииркээн 'только один'; кабарга 'горло', кысаркай 'красный'; ордук 'излишек, остаток', ортоку 'средний'; тирдыт 'кузнец'; карчы 'деньги'.

Приведенные примеры показывают, что р у долган является усложненным согласным, чего нельзя сказать про этот звук в литературном якутском языке.

^I Это предположение высказал в личной беседе А. П. Дульзон, его поддержал В. М. Наделяев.

Большое количество разнообразных сочетаний р с согласными дали русские слова: Миитрэй < рус. Дмитрий, Онуурай < рус. Онурий, бопр^уос < рус. вопрос.

В некоторых заимствованных русских словах, имеющих в своем составе сочетания взрывного согласного и р, можно наблюдать рестановку р с последующей гласной и появление нового сочетания: р + взрывной согласный. Например: кырбаат < рус. кровать, Гирго < рус. Григорий, турбаа < рус. труба, Митарпэн < рус. Митрофан.

При присоединении аффиксов, начинающихся на согласный, конечный р основы требует после себя звонкого согласного (если нет после него выпадающего т, о чем говорилось выше на с. 29) например: олор-бактаа- 'садиться скорее', но олор-пактаа- 'показывать скорее' (из олорт + бактаа).

Начальные т и л аффиксов, которые присоединяются к основе, оканчивающейся на р, замещаются д (см. выше, с. 29). При этом они могут ассимилировать конечное -р основы. Так, например, аффикс понудительных глаголов -тар после р переходит в -дар, но иногда он не только переходит в -дар, но и ассимилирует конечный согласный основы: киир- 'войти', но кииллар- 'заставить войти, вести'; кер- 'смотреть', но келлер- 'заставить посмотреть', ср. як. кердер-.

Боковой л - переднеязычный сонорный согласный, сходный с л в слове долото. У долган, как и в якутском, да и во многих тюркских языках [Дмитриев, 1930, с. 12], собственно имеет два л: одно непалатализованное, употребляемое в основах с задними гласными (ыл- 'взять', балык 'рыба', олор- 'садиться', ул- 'великий, большой'), другое палатализованное, употребляемое в основах с передними гласными (лэнкэй 'лунь', лөр^уе 'бабочка', илии 'рука', бил- 'знать'). Кроме того, в сочетаниях с дь и ч л переходит в среднеязычный согласный ль. Это заставляет рассматривать л и ль как комбинаторные варианты одной фонемы.

В якутском языке в начальной позиции этот звук встречается редко, у долган его можно встретить в начале слова гораздо так как немало слов, заимствованных из русского и эвенкийского языков, начинается на л. Этот звук в языке долган сочетается с подавляющим большинством согласных (исключая сонорные р, м, и в этих сочетаниях стоит перед согласными и очень редко после) например: албун 'ложь', кулгак 'ухо', элбэй 'прозвище', калка 'загородить', тонолдо 'блок' (в упряжи оленя), булчут 'промышленник', алтаң 'медь', налдыар 'болит'.

В словах, заимствованных из русского и эвенкийского языков

долганское д совпадает с эвенкийским и русским д: лаапкы < рус. лавка, пэдэлкэ 'пряжка на мауте' < рус. петелька, маасла < рус. масло, болгикта 'название кустарника' < эвенк. болгикта кедр-стланец, тальник; лөрүө 'бабочка' < эвенк. лэрэдэ, лэрук-лаан 'бабочка', лорукии 'мотылек'.

При выпадении узкого гласного между д и последующими согласными внутри основы д может ассимилировать последующий согласный: алын- 'просачиваться', алыбыт- 'просочился', но может быть ассимилированным: илин 'перед', инн-э 'перед-его'; алын 'низ', сир анна 'подземелье', но аллара 'низ, внизу'. Бывает и так, что последующий согласный переходит в шумный т: алын- 'запирать (о небесных телах)', алты 'затмение'.

Среднеязычные согласные

В языке долган имеются следующие среднеязычные согласные: ть, нь, ('), ч, й.

Смычные

дь - звонкий ротовый смычный согласный, выступающий в языке долган, как и в якутском, вместо аффрикаты 'ч'.

Как и все звонкие шумные согласные, дь употребляется в начальной, интервокальной позициях, в сочетаниях со звонкими согласными и не бывает в конце слова: дьизэ 'жилище', дьуукээнди 'мужское седло', эдьий 'старшая сестра, тетка', бадьарак 'склон' < рус. буерак (буерак), нальдьыт 'гость', күрдьэк 'лопата'.

В языке долган, как и в якутском, дь в начальной позиции встречается в словах монгольского, эвенкийского и русского происхождения вместо д, например: дьан 'болезнь' (эпидемия), ср. монг. *ᠵᠠᠨ*, дьүһүн 'масть' (животного), ср. монг. *ᠵᠢᠰᠦᠨ*; дьуупка < рус. юбка (юпка), Дьогтор < рус. Егор (Егор).

В словах эвенкийского происхождения долганское начальное дь обычно соответствует эвенкийскому дь (орфографически д + йоти-данные гласные), например: дьүбүктэ 'оса' < эвенк. дьүбүктэ, дьү-дэ 'выдра' < эвенк. дьүдун.

В якутском языке начальное дь в словах тюркского происхождения наблюдается только в тех из них, которые относятся к числу арко-монгольских, например: дьыл 'год' наряду с сьл 'год', дьо-дьыс 'маленький, аккуратный', согус - служебное слово, выражающее

снижение качества. В языке долган эта особенность сохраняется. Ср., например: дыл 'год', ныл 'год'; дьогус 'легкий', ногус - жабное слово, выражающее снижение качества.

ть - глухой среднеязычный ротовый смычный согласный. Наблюдается преимущественно в индивидуальном произношении вместо ч (меры см. с. 39). Эта особенность, по-видимому, связана с влиянием эвенкийского языка, в котором имеется аналогичное соответствие [см., напр.: Василевич, 1948, с. 6].

нь - носовой среднеязычный смычный согласный. Встречается в начале слова, между гласными и в сочетаниях с носовыми, например: ньоогу ∼ ньуугу 'вожки', эвенк. нѳѳу 'передовой олень' (в употреблении), нь^уора 'форель', куньүктэ 'вид овода', эвенк. куякта (кута) 'личинка овода'.

Этот звук в языке долган соответствует якутскому нь и эвенкийскому н, а также монгольскому н, например: огонньор 'огоньрик', як. оҕонньор; ньама 'женское седло', эвенк. няма; ньырай 'новорожденный ребенок', як. ньырай 'новорожденный теленок', монг. *nirai* ∼ *nirāi*.

В словах русского происхождения нь употребляется тогда, когда в русском слове палатализованный н сочетается с задними гласными, например: т^уонья < рус. тоня (место ловли рыбы), аньыска < рус. онучка (разг. анучка).

В языке долган нь выступает вместо якутского й (носовой йот). Например: иньэ 'мать', як. ийэ ∼ ийэ ∼ иньэ; аньын 'трех', як. айын ∼ айын ∼ аньын; куньяас 'жара, зной', як. куяаас ∼ куяаас ∼ куньяас; каньыс- 'оглядываться', як. хайыс- ∼ хайыс- ∼ ханьыс-; аньяк 'рот', як. айах ∼ айах ∼ аньях; мэньии 'голова', як. мэйии ∼ мэйии ∼ мэньии 'мозг, голова'.

В косвенных формах личных местоимений - мин 'я' и эн 'ты' в которых в якутском языке конечное -н переходит в й, а н выпадает, долганы произносят нь: миньигин 'меня' (вин. падеж), як. минигин (лит.) ∼ мийигин ∼ мийигин [Böhtlingk, 1851, § 180, 426; Убрятова, 1960а, с. 75, 93]; як. эйигин (лит.) ∼ эйигин 'тебя'. В этом случае переход н в нь ∼ й ∼ й фонетически обусловлен действием гласного и. Это соответствие наблюдается в якутском языке и в других случаях и принадлежит к числу древнейших [Рясянен, 1955, с. 177-188]. Оно засвидетельствовано в языке орхонских памятников. Ср., ајуу - айуу 'алой, дурной' лов, 1951, с. 356, 359], як. айны (лит.) ∼ айны [Пекарский, 1960, с. 101, 102]. Ср., аньны 'трех, отступление от установленных правил'.

Аффрикаты. В языке норильских долган имеются две аффрикаты: ч и ч. Они всегда мягкие. В сочетаниях с другими согласными аффрикаты всегда палатализируют их.

ʃ – звонкая среднеязычная аффриката. В языке норильских долган этот звук произносится в очень немногих словах, например: оллоок 'счастливы́й', ʃон 'наро́д'. Иногда его можно также услышать в словах ʃактар 'женщина', ʃалʃнт 'гос́ть'. Но в большинстве слов, содержащих в якутском языке эту аффрикату, вместо ʃ произносится дь – среднеязычный ротовый звонкий смычный согласный. Это наблюдается и в самом якутском языке [Пекарский, стб. 763]. Распространено такое произношение и в эвенкийском языке [Цинциус, 1949, с. 210].

ч – глухая среднеязычная аффриката [Дьячковский, 1977, с. 31]. В отличие от других глухих согласных никогда не употребляется в конце слова. В индивидуальном произношении (довольно часто наблюдаемом) ч произносится как среднеязычный смычный глухой ть, например: чому́йа ~ чөмү́йэ ~ тьөмү́йэ 'палец'.

В словах эвенкийского происхождения аффриката ч соответствует эвенкийскому ч, например: чээлкээ ~ тьээлкээ 'белый', эвенк. олко 'седой, белый, светлый'; чо́нал ~ ть^уо́нал 'часть чума, где ранится домашняя утварь', эвенк. чб́нгал; чаны́т ~ тья́нт 'разбойник', эвенк. чангит.

В словах, заимствованных из русского языка, ч соответствует русскому ч в начальной позиции и между гласными, например: чээ́рс ~ тьээ́рс 'название местности, по которой переезжают из реки в озеро' < рус. через; учита́л ~ утьи́тал < рус. учитель.

Русское ч в конечной позиции и в сочетаниях с согласными переходит у норильских долган в с, например: күлү́с < рус. ключ, с'ка < рус. ручка.

В слове чокло (рус. стекло) ч образовалось из ть на основе действующего в языке долган соответствия ч ~ ть.

Как показывает "Словарь якутского языка" Э. К. Пекарского, ч тюркских языков в якутском перешло в с (см. с. 35). В словах монгольского происхождения, в изобилии имеющих в якутском языке, ч сохраняется (см. выше, с. 34), встречается в аффиксах, например а – аффикс приблизительных числительных (отутча 'около тридцати'); –чаан – аффикс уменьшительных имен < эвенк. –чаан (улчаан 'аренек').

Проточный согласный

В языке норильских долган имеется один среднеязычный проточный сонорный согласный й.

Как и в якутском языке, й у долган в начале слова не встре-

чается [Böhtlingk, 1851, § 148]. Лишь изредка в индивидуальном изношении его можно встретить в начальной позиции в таких словах как дыктар ~ йактар 'женщина', дыабала ~ йабала 'тяжи' (меховые чулки).

В середине и в конце слова этот звук очень распространен. Часто встречается он в сочетаниях с согласным, например: дойд 'страна', нйга 'месяц', кайтак 'как, каким образом', байка 'нарты', кыйнар- 'кипятить', байгал 'море'.

Из этих сочетаний особенно интересно сочетание -йн-, так в якутском языке в этой позиции й обязательно переходит в н. Ср., например: як. кыннар- 'кипит', долг. кыйнар-.

Гораздо реже встречается й после согласного (преимущественно в заимствованных словах), например: каби^накан 'куропатка', напйаан 'кожаный пояс в упряжи оленя' < рус. сафьян (сафьян), в этой позиции чаще ассимилируется предыдущим согласным или выделяется от него вставным гласным: нибинньэ ~ сибинийа < рус. нья (свинья).

Во многих случаях й после д переходит в дь (''): ыль ~ ыль^да < рус. Илья (Илья).

В языке долган так же, как в якутском, имеются различные изменения (исторического характера) й в сочетаниях с согласным. Например:

- выпадение конечного й основы при сочетании с аффрикатой с начальным согласным: утуй- 'спать', утут- 'заставлять спать'
- переход сочетания -рый в -рдь: кырий- 'стареть', кыригас 'старый' или -льдь- (кырий- 'болеть' - кыльдяр 'болит')

Заднеязычные согласные

В языке норильских долган имеются три заднеязычных согласных: г, к, н.

г - заднеязычный, ротовый звонкий смычный согласный. В языке долган употребляется в начальной позиции в отличие от литературного якутского языка, в котором г в начале слова встречается редко, например: гини 'он, она', як. кини; гытта 'вместе', як. та ~ гытта; гедэра 'скребок' (для выделки шкур), як. кэдэрэра бэс 'моментальный блеск', як. кылбэс.

В середине слова г употребляется в сочетаниях с гласными некоторыми звонкими согласными (за исключением носовых), например: биһиги 'мы', агыс 'восемь', бигэ 'крепкий', кыйган- 'сердиться', үөгэр 'ругает', иргэ 'мозг', өрөгө 'живот рыбы', ыгын 'младший'

Этот звук в языке долган никогда не бывает в конце слова.

В словах, заимствованных из эвенкийского и русского языков, как правило, сохраняется, например: угучак 'верховой олень' < венк. угучак; элгэбун 'караван оленей' < эвенк. элгэвун; бутиска 'крупнопятнистая масть оленя' < эвенк. бугды I) 'исключительно большой', 2) 'особой окраски'; гүлээйдээ- < рус. 'гулять, шествовать'; кинигэ < рус. книга.

В интервокальном положении после задних широких гласных долганское г приобретает оттенок щелевого увулярного: оуо 'дитя', уа 'отец'.

к — заднеязычный ротовый, глухой смычный согласный. Встречается в любой позиции: күн 'день', күлүк 'тень', кулгаак 'ухо', хүрөк 'сердце'.

Перед и после широких задних гласных звучит как увулярный смычный (см. ниже, с. 42).

В словах эвенкийского и русского происхождения к сохраняется, например: күкэйи 'бодливый олень', эвенк. күкэйи; ааку олень, приученный к хлебу', эвенк. аку; дьукча 'брошенный чум', венк. дикча 'старый остов чума'; мөкчүкэ 'доха', эвенк. мукчүкэ 'парка' (верхняя меховая одежда с завязками); чылки 'предплечье', венк. чилки 'мышцы'; куйка 'кожа на голове человека', як. куйаха 'кожа головы', 2) 'выделанная шкура (головы, ног)', эвенк. куй- 'череп'; урука 'рукавица' < рус. рука; д^уоска < рус. доска.

В заимствованиях из русского и эвенкийского языков к иногда замещает другие согласные (г, х): дьулкак 'сожитель по чуму' эвенк. дьулкак; ирбаакы < рус. рубаха.

н — заднеязычный носовой смычный согласный. Встречается в любой позиции. Например: насса 'курительная трубка' ∼ як. хамса, сэйиэ 'подбородок' ∼ як. сэйиэ, тоң 'мерзлый' ∼ як. той, олонко 'шаровая шапка' ∼ як. олонхо 'былина'.

Нередко н чередуется с г: тигилэк ∼ тинилэк 'пятка'. В словах эвенкийского происхождения соответствует эвенкийскому н, передается сочетанием нг: ч^уоңгал 'место в чуме для посуды и прочих домашних вещей', эвенк. ч^уоңгал 'пепелище, оставшееся от чума'; сэйиңчан 'комолый олень', эвенк. сэйиңч^эн 'дикий олень зимой' (седьмое название).

Увулярные согласные

Увулярные смычные согласные в языке норильских долган следующие: г, к (специального обозначения в практической письменности не имеют), н.

Увулярный звонкий смичный согласный ɣ представляет собой комбинаторный вариант звонкого заднеязычного ɣ, так как слышится только в положении между широкими гласными: ого 'дитя', догор 'друг', ага 'отец', агай 'снаружи', багана 'столб'. Во всех остальных случаях слышится обычный заднеязычный смичный ɣ. Этим являясь норильских долган отличается от якутского, в котором перед широкими гласными и после них и дифтонгов звучит ɣ – звонкий проточный увулярный согласный: орус 'восемь', буолуора 'будет'.

По-видимому, здесь сказалось влияние эвенкийского языка, в котором увулярное ɣ не является фонемой и появляется лишь в некоторых случаях [Василевич, 1934а, с. XIII; 1948, с. 6, 25, 63, 95, 141, 163, 186].

к – смичный глухой увулярный согласный. Встречается чаще всего в начале и конце слов перед и после широких задних гласных. В якутском литературном языке ему соответствует увулярный проточный х. Например: карак 'глаз', якут. харах; бар^нак 'пойдем-ка', якут. бар^нах; онок 'печь', якут. онок.

В интервокальном положении к встречается редко. В качестве примера можно привести слово *haka* – название якутов, в середине 40-х годов – самоназвание (якут. саха). Обычно в интервокальном положении к переходит в ɣ или в ɣ заднеязычное: атагын 'его' от атак 'нога'; бар^нага 'пойдет' от бар^нак 'тот, кто пошел'; аа^нан 'прочтешь-ты' от аак- 'читать, считать'.

В индивидуальном произношении иногда можно услышать и проточный увулярный х, а чаще к^х: к^харак^х 'глаз', бар^нак^х 'пойдем-ка', онок^х 'печь'.

В словах с широкими передними гласными к не встречается. В языке долган отличается от якутского, в котором после широких передних гласных и дифтонгов обычно бывает х. Этот звук часто произносится то как проточный, то как смичный. По наблюдениям, которые велись в Вилуйском и Олекминском районах Якутской АССР, якутское население не различает х и к и произносит и то и другое. По-видимому, и в самом якутском языке еще окончательно произошло вытеснение смичного увулярного к проточным увулярным х, хотя несомненно преобладающим является х. В отличие от якутского, в языке норильских долган почти повсеместно распространены смичный увулярный к и лишь только изредка в индивидуальном произношении можно услышать проточный увулярный х (подробнее см. [Убрятова, 1960а, с. 79]).

Во время диалектологической экспедиции к долганам летом 1957 г. некоторые записи сделал долган В. Н. Яродский. Он не знал якутской орфографии и записал так, как ему казалось правильным. Увулярный

его обозначено русской буквой к, а букву х он использовал для обозначения фарингального h. Например: тэл хоту хир этүтэ (т^hал хоту хир эттүтэ) 'сторона земли в направлении ветра', як. хотал хоту сир эттэ; туһак 'петля из проволоки на зайца' (туһак), як. туһак; караһаһый 'название декабря' (хараһаһый), як. ахсынны; каар 'снег' (каар), як. хаар. Не различает заднеязычных и увулярных Огодо Аксенова [1973].

Таким образом, в языке долган несколько иное соотношение между заднеязычными и увулярными согласными. А так как и в самом якутском языке оно существенно отличается от соотношения заднеязычных и увулярных согласных в большинстве тюркских языков, то на этом следует остановиться более подробно.

Как известно, в тюркских языках в подавляющем большинстве заднеязычные смычные согласные сочетаются с передними гласными, а увулярные смычные согласные — с задними гласными. В якутском языке увулярный проточный согласный х в начальной позиции употребляется только перед широкими задними гласными. Язык долган в этом случае отличается от якутского только тем, что глухой увулярный согласный у них смычный. Ср., например: каал- 'остаться', як. хаал-, тюрк. кал-; кыс 'девушка', як. кыс, тюрк. кыз; кон- 'ночевать', як. хон-, тюрк. кон-; кулут 'раб', як. кулут, тюрк. кул; кэл- 'приходить', як. кэл-, тюрк. кел-; кир- 'входить', як. кир-, тюрк. кир-; кес- 'переселяться', як. кес-, тюрк. кеч-; күл- 'смеяться', як. күл-, тюрк. күл-.

Несколько по-другому разграничены эти согласные в конечной позиции. Ср., например; кулгаак 'ухо', як. кулгаах, тюрк. колак; охок 'очаг', як. оһох 'печь', тюрк. очаг; керек 'нужное', як. кэрэх 'жертва', тюрк. керек; бөгөк 'сытый', як. бөгөх, тюрк. бек- 'наедаться'. Как видно из примеров, в якутском языке увулярное проточное -х выступает после всех широких гласных, тогда как у долган после передних широких гласных звучит заднеязычное -к, а после задних широких гласных увулярное смычное -к.

Перед дифтонгами в языке долган, как и в якутском, может быть только заднеязычное к (как перед всяким узким согласным), тогда как после дифтонгов в якутском языке во всех случаях — увулярный проточный х, у долган после задних дифтонгов — увулярный смычный к, после передних — заднеязычный смычный к. Ср., например: кыак 'мощь', як. кыах; һоок 'нет, отсутствующий', як. суох; сэх 'рукав', як. сизэх; күөк 'синий, голубой', як. күөх.

Таким образом, у долган глухой увулярный смычный к выступает преимущественно после задних дифтонгов, перед и после широких задних гласных. В якутском литературном языке ему соответст-

вует увулярный проточный х, который в начальной позиции бывает только перед широкими задними гласными, а в конечной позиции — перед всеми широкими гласными и дифтонгами.

В интервокальном положении якутское х бывает редко (ср. 'якут', нарахан 'тяжелый'). При этом в некоторых словах в длительном произношении оно удваивается (нарахан, улахан). У долган этих слов выступает увулярный глухой смычный согласный к: ка 'якут', наракан 'тяжелый', улакан 'большой', хокуй 'сокуй' (звание зимней меховой одежды с капюшоном).

Звонкий увулярный смычный согласный у долган в своем употреблении также не совсем совпадает с употреблением звонкого увулярного проточного в якутском языке.

В якутском языке проточный звонкий увулярный согласный реализуется:

1) между широкими гласными: аҕа 'отец', долг. аҕа; оҕо долг. оҕо; баҕаһэ 'вчера', долг. баҕаһэ; бөҕө 'силач, сильный', долг. бөҕө;

2) после широкой гласной в интервокальном положении: аҕыс 'восемь', долг. аҕыс; тоҕус 'девять', долг. тоҕус;

3) в положении между сонорным и широким гласным: кыһалга бота', долг. кыһалга; суорган 'одеяло', долг. h^vорган;

4) при озвончении конечного х перед аффиксом, начинающим гласного: атаҕа 'нога-его', долг. атаҕа; атаҕын 'ногу-его', долг. атаҕын; оһото 'печь-его', долг. оһото; оһотун 'печь-его' (вин. долг. оһотун).

Как видно из примеров, увулярный звонкий смычный согласный у долган встречается только в положении между широкими задними гласными.

В словах, заимствованных из русского и эвенкийского языков у долган увулярные согласные к, г не встречаются. В литературном эвенкийском языке буква х используется для обозначения рингального h, h̄.

Ассимиляция согласных

В языке долган ассимиляция согласных в основе своей совпадает с якутской. Как и в якутском языке, у долган можно наблюдать все ее виды: непосредственно соприкасающихся звуков и межсловную прогрессивную, регрессивную; прогрессивно-регрессивную; полупрогрессивную, которая выражается в оглушении, озвончении, назализации. Встречается иногда и сложная ассимиляция с элементами диссимиляции и заменой сонорных.

В языке долган, как и в якутском, чаще всего ассимиляция происходит на стыке конечного согласного основы и начального согласного аффикса. Следовательно, это ассимиляция непосредственно соприкасающихся звуков. Например: маска 'к дереву' (мас + -га), илимнээк 'имеющий сеть' (илим + -лээк).

В приведенных примерах ассимиляция по направлению — прогрессивная, по результатам — частичная. В первом примере ассимиляция выражена в оглушении начального согласного аффикса -га конечным глухим согласным основы мас, во втором — начальный согласный аффикса -лаах назализован конечным носовым согласным основы илим.

Все вышеуказанные переходы звуков не произвольны, обусловлены системой смычных (и частично сонорных) согласных. Она характеризуется тем, что каждый из смычных согласных представлен глухим, звонким, носовым (см. с. 24). Поэтому начальный согласный аффикса -га может переходить в к и н; начальный согласный аффикса -т — в д и н, а также в сонорный л того же места образования.

Регрессивная ассимиляция наблюдается главным образом внутри основы слова при выпадении узких гласных в последнем закрытом слоге после присоединения к нему некоторых аффиксов. Например: тагыс — 'выходить' — таксар 'выходит' (афф. -ар), як. таксар; нымс — 'спланиваться, соединяться' — ыпсым 'сочленение, стык' (афф. -ны).

Прогрессивно-регрессивная (по Л. Н. Харитонову — взаимная или сложная) ассимиляция происходит при сочетании конечных переднеязычных согласных основы -т, -н с начальными согласными аффикса: смычными губными б, п, м или заднеязычными к, г, н. Конечный переднеязычный согласный в этой позиции либо оглушает (т), либо назализует (н) начальный согласный аффикса, а сам переходит рядом с губными в губной смычный согласный, рядом с заднеязычным — в соответствующий заднеязычный согласный, например:

ат 'лошадь':

ашпар 'лошади-моей' (ат + -бар), як. ашпар

акпар 'лошади-твоей' (ат + -гар), як. акпар

атыгар 'лошади-его' (ат + -ыгар), як. атыгар

аан 'дверь':

ааммар 'двери-моей' (аан + -бар), як. ааммар

ааннар 'двери-твоей' (аан + -гар), як. ааннар

ааныгар 'двери-его' (аан + -ыгар), як. ааныгар.

В отличие от якутского языка, конечное -н основы в языке долган только назализует начальный г-аффикса, но само не переходит в заднеязычный носовой согласный. Ср., например: дьонно

'народу, людям', як. дьонно; нөнүө күннэ д^нэри 'до следующего дня', як. нөнүө күннэ дэри; бу кэлэн иһэннин 'вот приходит-ты як. бу кэлэн иһэннин.

Таким образом, в языке долган при сочетании переднеязычных смыхных согласных с губными происходит полная взаимная ассимиляция. В сочетаниях же переднеязычных смыхных согласных с заднеязычными (и увулярными) полная взаимная ассимиляция происходит только между -т и -к-. При сочетании н с заднеязычными происходит частичная ассимиляция (назализация). В якутском языке в этом случае обязательна полная взаимная ассимиляция.

Межслоговая ассимиляция внутри слова проявляется в назализации. Она состоит в том, что звонкие смыхные согласные переходят в соответствующие носовые под влиянием носового согласного в другом слоге данного слова. Это можно наблюдать в индивидуальном изношении: нини 'он' (из гини), як. кини; кыйнан- 'сердиться' (кыйган-), як. кыннбан- ~ кыйнан- [Пекарский, стб. 1370].

Однако межслоговая ассимиляция в языке долган не имеет такого широкого распространения, как в некоторых диалектах центральной Якутии. Поэтому в тех словах, в которых прослеживается это явление в "Анжете по изучению говоров якутского языка", у долган назализация отсутствует. Ср., например: матага 'сума', як. лит. матага, диал. матага ~ матана; багана 'стол', як. лит. багана, диал. багана ~ матана ~ манана.

В Олекминском районе ЯАССР встретился случай назализации, при котором носовой согласный, назализуя смыхный согласный, сам при этом утрачивал носовой характер [Убратова, 1960а, с. II7]. Среди материалов, собранных с помощью "Анкеты по изучению говоров якутского языка" в 1956 г., оказались записи, позволяющие судить о том, что языку долган частично свойственна эта черта. Так якутское слово тогонок (лит.) 'локоть' записано в следующих вариантах: тогонок ~ тононок ~ тонолок. В одном варианте - простая назализация носовым согласным соседнего смыхного чистого согласного (тононок), в другом - она сопровождалась утратой носового характера у назализирующего согласного (тонолок).

В языке долган довольно широко распространена ассимиляция конечного согласного предшествующего и начального согласного последующего слова. Так, например, в текстах очень часто можно встретить такие записи: кэлбик киһи 'пришедший человек' вм. кэлбит киһи; аһаан-сиэм бүтэн 'закончив есть' вм. аһаан-сиэн бүтэн. В первом примере происходит полная регрессивная ассимиляция конечного переднеязычного -т начальным заднеязычным к- (ср. прим. на с. 45), во втором - переднеязычный носовой -н переходит в губной носовой.

По установившейся традиции к ассимиляции согласных обычно относят то, что было бы лучше назвать правилами сочетаемости сонорных согласных между собой и другими согласными, так как один и тот же звук в одних и тех же фонетических условиях может вести себя по-разному. (Подробнее об этом см. [Убратова, 1960а].)

Сложная ассимиляция с элементами диссимиляции и заменой сонорных наблюдается иногда при образовании некоторых форм повелительного залога: кэллэр- 'вводить' (из киир- 'входить' и афф. повелительного залога -тар, т. е. заставить войти), кэллэр- 'показать' (из кер- 'смотреть, видеть' и -тар афф. повелительного залога), як. кердэр-. Якутская форма показывает, что долг. кэллэр- имела несколько последовательных ступеней образования: 1) прогрессивная частичная ассимиляция, выразившаяся в озвончении начального согласного афф. -тар (кер-дэр-); 2) прогрессивная частичная ассимиляция, выраженная появлением сонорности (-лар), с последующей полной ассимиляцией конечного согласного основы глагола кер- 'смотреть, видеть', кэл-лэр- 'показать'. При образовании формы условного наклонения (афф. -тар) кэл-лэр-дэр 'если покажет' начальный согласный аффикса переходит в -д- (частичная прогрессивная ассимиляция, озвончение с утратой сонорности) кер-лэр-дэр, во множественном числе кэллэрдэл-лэр 'если они покажут' начальный афф. 3-го лица мн. числа -лар (восходит к афф. мн. числа -лар) полностью ассимилирует конечный согласный афф. -дэр (регрессивная ассимиляция). Таким образом, в одной словоформе оказались два аффикса: -тар с разными значениями (повелительный залог и условное наклонение) и аффикс множественного числа -лар: кэллэрдэллэр.

Основу лексики языка норильских долган составляют якутские слова. Однако изолированная жизнь долган в иных географических, хозяйственных, общественных и культурных условиях вызвала утрату многих якутских слов (например сельскохозяйственной и животноводческой терминологии), изменение значений некоторых сохранившихся якутских лексем. Долганам осталась неизвестной новая научная и политическая терминология. Это привело к тому, что якутский язык стал для них малопонятным [Убрятова, 1966, с. 54–68].

Лексика якутского языка давно и систематически изучается. Первый словарь якутского языка составлен акад. О. Н. Бётлингом [Böttlingk, 1851], который объединил все словарные материалы своих предшественников почти за 150 лет и собранные им самим. С помощью А. Я. Уваровского, владевшего якутским языком с детства, были установлены звучание и значение якутских слов, записанных О. Н. Бётлингом в разработанной им транскрипции. При обработке слов были сделаны, где оказалось возможным, сопоставления с аналогичными словами современных тюркских языков. О. Н. Бётлингк выделил монгольские слова, в чем ему помогли казанские монголисты и особенно бурятский ученый Доржи Банзаров [О. Н. Бётлингк и его труды, 1973, с. 24].

В. В. Радлов на базе словаря и грамматики Бётлинга создал историческую грамматику якутского языка [Radloff, 1908, S. 1], в которой продолжил исследование лексического состава якутского языка по происхождению и установил процентное соотношение в слов тюркских (32,5%), монгольских (25,9) и неизвестных (41,6%).

В наше время эти цифры утратили свое значение, так как значение неизвестных слов велось очень внимательно многими исследователями [Антонов, 1973а; Попов Г. В., 1976] и количество их уменьшалось. Но В. В. Радлов распределил слова на группы по происхождению и сделал очень важные выводы о том, что тюркские и монгольские слова в якутском языке имеют значительные различия в составе переднеязычных проточных (см. выше, с. 33–35) и их соответствий. Большие фонетические изменения в словах тюркского происхождения позволили В. В. Радлову высказать предположение о более позднем проникновении их в язык якутов. Хотя этот вывод был отвергнут тюркологами и монголистами, сам прием раздельного исследования слов разного происхождения применялся и дальше при изучении лексики якутского языка. Но это было уже в советское время после завершения издания "Словаря якутского языка" Э. К. П.

рского, после широкого изучения северных тунгусо-маньчжурских языков.

В 1897 г. начал издаваться знаменитый "Словарь якутского языка" Э. К. Пекарского, который явился итогом собрания и изучения якутской лексики за период свыше 200 лет, так как в него Э. К. Пекарский включил словарь О. Н. Бётлингга, все то, что с 1845 по 1896 г. собрал Д. Д. Попов, что в течение 50 лет собрал сам. В этой "Словарь якутского языка" Э. К. Пекарский включил и долганские слова, выбранные из разных изданий о долганах [стб. 192]. Поскольку Э. К. Пекарский располагал рукописными и печатными текстами (переводы на якутский язык и публикации фольклора), он сделал подробный грамматический анализ каждого слова, снабдив его иллюстративным материалом. Благодаря этому словарь стал богатейшим лингвистическим источником для изучения якутского языка. В то же время он является подлинной энциклопедией якутской культуры, так как содержит очень много описаний предметов материальной и духовной культуры, названия которых было невозможно перевести. Таким образом, "Словарь якутского языка" Э. К. Пекарского — богатейшая сокровищница знаний, которой постоянно пользуются все специалисты-лингвисты. Ему посвящено много публикаций (статьи, рецензии и т.п., подробно анализирующие словарь). Сведения об этом можно найти в книге Е. И. Оконешникова [1982]. Многие вопросы истории якутов, их географии, фольклора и другие изучались по словарю Э. К. Пекарского. Примером может служить использование его материалов для выяснения происхождения якутов, их отношения к другим народам А. П. Окладниковым в первом томе "Истории Якутской АССР" [1955]. Отдельные главы этого тома написаны на основе якутской лексики, представляющей собой общетюркские названия предметов и явлений (свойственных тюркским народам южных стран), которых нет и не может быть в якутском языке и которые тем не менее живут в якутском языке, напоминая о его истинной родине.

В заключительной главе раздела "Якутия до присоединения к Российской империи" А. П. Окладников отмечал: "Языку, как известно, принадлежит особо важное место в постановке вопросов, связанных с изучением происхождения того или иного народа. Как уже было показано выше, якутский язык донес в своей лексике до нашего времени драгоценные следы прошлого якутского народа, сведения о его древней культуре и жизни" [История Якутской АССР, 1955, 277]. Можно только добавить, что А. П. Окладникову удалось удивительно искусно и тонко ввести в свою книгу сотни тюркских слов, которые в контексте исследования дают яркую картину исторического прошлого якутов.

Лексика как историческое свидетельство связи языков и культур прослеживается в работе Н. К. Антонова [1971]. Как носитель языка и тонкому знатоку деталей материальной культуры якутов удалось выявить сходство их названий в тюркских и монгольских языках. Нередко это позволяло делать очень важные выводы. Так, некоторые термины по коневодству совпали с тюркскими, термины же по держанию крупного рогатого скота и по оседлому скотоводству оказались монгольскими. На основании этого Н. К. Антонов сделал вывод о том, что монголы поселились на территории современной Якутии раньше якутов.

Выяснению отношения лексики якутского языка к монгольскому посвящен ряд специальных работ. В 1961 г. вышла в свет книга Ст. Калужинского о монгольских элементах в якутском языке. Работа построена на материалах "Словаря якутского языка" Э. Карского. Она состоит из двух разделов. В первом рассматривается фонетика заимствований, в другом — словообразование. Примеры, приведенные в этих разделах, даются в сопоставлении (по возможности со всеми монгольскими языками, а в случае необходимости и с тунгусскими, тунгусо-маньчжурскими и др. Расположенные в алфавитном порядке, они делают книгу не только очень важным историческим источником якутских монголизмов, но и безукоризненным справочным дополняющим, а часто и уточняющим "Словарь якутского языка" Э. Карского. Продолжением этого исследования служит небольшая книга Ст. Калужинского [Kałużyński, 1962].

Отношению якутского языка к монгольским посвящены работы П. П. Барашкова и В. И. Рассадина [Барашков, 1958, с. 176-201; Рассадин, 1973, с. 167].

Статья П. П. Барашкова содержит сопоставление монгольских слов в якутском языке. В статье В. И. Рассадина разбираются бурятские слова в якутском языке. Вопрос об отношении якутского языка к бурятскому ставился исследователями неоднократно. Наиболее подробно и подробно об этом писал Ст. Калужинский. Он считал невозможным делать какие-либо выводы об отношении якутского и бурятского языков, так как, по его мнению, вопрос осложняется многодиалектностью бурятского языка и отсутствием более ранних источников по этому вопросу. Современные характерные черты бурятского языка не отражены в якутском, а те слова, которые имеются только в якутском и только в бурятском, могли относиться к какому-то третьему языку. Сильнейшим веским доказательством связи якутского и бурятского языков считает Ст. Калужинский, могли бы быть якутские слова в бурятском, но их он не нашел [1961а, с. 128-129]. Правда, другие исследователи отмечают в бурятском языке якутские слова [Антонов, 1973а].

В. И. Рассадин поддерживает мнение Н. К. Антонова [1966, 12] о том, что Якутию первоначально освоили и заселили монгольские племена [Рассадин, 1973, с. 169].

Спор о монгольских элементах, вероятно, будет еще долго продолжаться, так как в анализе самих монголизмов в якутском языке много неясного. В частности, по-видимому, необходимо выяснить тунгусо-маньчжурских языков (эвенкийского и эвенского), как возможного посредствующего звена в передаче монголизмов в якутский язык, о чем можно судить по очень интересной статье В.И.Цинца [1976, с. 117-128].

Эвенкийскую лексику в якутском языке начал выявлять в своем труде Э. К. Пекарский. Но это были единичные слова (туру 'шаманское дерево' и некоторые другие). В конце 30-х годов А. А. Попов передал в распоряжение автора небольшой словарь языка долган (на точках). В это время уже были изданы словари Е. И. Титова [1929] и Г. М. Василевич [1934б], что позволило найти в рукописном варианте долганского языка явные эвенкизмы, часть из них опубликована позднее [Убрятова, 1966]. В 60-х годах были изданы работы якутских диалектологов, в которых эвенкизмы приводились в составе лексиконной лексики [Афанасьев, 1965, с. 117]. В 1975 г. вышла колоссальная монография, посвященная взаимодействию эвенкийского и якутского языков [Романова и др., 1975]. В специальных разделах описаны лексико-семантические группы существительных, заимствованных из эвенкийских говоров Якутии из якутского языка" [там же, с. 98] Влияние на якутский язык (материалы об эвенкийских элементах в диалектах якутского языка)" [там же, с. 158] показано, что количество эвенкийских слов в якутском языке не сопоставимо с числом эвенкийских слов в эвенкийских говорах. По наблюдениям П. А. Афанасьева, эвенкийская лексика чаще встречается в северных диалектах якутского языка, тогда как в центральных говорах или в таких изолированных, как говор верхоянских якутов, процент заимствованной эвенкийской лексики меньше [Афанасьев, 1965]. Якутоведы и монголисты проделали огромную работу по уточнению состава якутской лексики [Антонов, 1936; Попов Г.В., 1976; Каџуџуџки, 1961; Рассадин, 1973, 1980]. Основания анализа лексики и истории культуры якутов А.П.Окладников [История Якутской АССР, 1955] окончательно доказал ложное происхождение якутов, завершив спор, продолжавшийся свыше 250 лет. Он положил начало направлению в истории культуры якутов, которое вытекает из исторического истолкования лексики [Окладников, 1949; История Якутской АССР, 1955; Антонов, 1971]. Исследования состава слов якутского языка известного происхождения подтвердили предположение В. В. Радлова [1908, с. 2] и С. Е. Малова [1941, с. 64] о том, что среди них

много слов тюркских и монгольских [Попов Г.В., 1974]. Выявлены и эвенкийские слова (см. с. 65). Но все еще много слов, происхождение которых пока не установлено. Однако можно уже сказать, никакого древнего народа — предка древних якутов, который сначала омонголен, а потом отюречен" [Radloff, 1908, s. 2]. Относительно В. В. Радловым присутствие в якутском языке чего-то чуждого [1908, s. 29] объясняется проникновением в него через эвенкийский язык фонетических особенностей языка народов Севера Сибири [Цирус, 1949; Убрятова, 1976]. Однако, как ни много сделали тюркологи и монголисты в области исторического истолкования лексики якутского языка, собственно историческое и этимологическое ее изучение протекало несколько изолированно от общих лингвистических исследований у нас в стране и за рубежом. 60-70-е годы были временем, когда работа в области лексикологии велась очень широко. Почти по всем языкам алтайской группы были даны двуязычные словари, по многим тюркским языкам появились моноязычные словари (например, Казак тілінің түсіндірме сөздігі, 1973; Татар теленең аялтамалы сүзлеге, Казан, 1977). Имеются лексикологические словари. В конце 1960-х годов появилось одновременно несколько исторических словарей [Doerfer, 1963, 1964; Древнетюркский словарь, 1969; Севортыя, 1974; 1978; 1980; Татарский словарь..., 1975, 1977]. Располагая таким богатым материалом, можно многое уточнить, особенно в области этимологии.

Собирание долганской лексики началось с появлением первых описаний населения Таймыра и Енисейской губернии. Здесь можно назвать упомянутые выше труды А. Ф. Миддендорфа [1878], П. Ф. Стрובה [1857], Н. Ф. Кривошапкина [1865] и многих других первооткрывателей и ученых. Все эти записи долганских слов (долганские, как называл их Э. К. Пекарский) вошли в "Словарь якутского языка" [Пекарский, с. X]. Э. К. Пекарский использовал не только печатные работы. В списке источников упоминаются материалы экспедиций. Например: Васильев В.Н. Якутские названия разных предметов собранных им среди долгано-якутов Енисейской губернии для антропологии и этнографии при имп. Академии наук. Из Хатангской экспедиции имп. Рус. Геогр. общества 1905 г. [Пекарский, с. X].

Известный советский этнограф А. А. Попов во время своей экспедиции к долганам в 1931–1932 гг. все свои наблюдения составил в виде записей долганских слов. Они использованы им во всех своих работах [см. библиографию]. Наблюдения по отличиям долганской лексики

утской были изложены Е. И. Убрятовой в статье "О языке долган" 966].

Изучение лексики языка долган проводит З. П. Демьяненко. Принадлежит к школе А. П. Дульзона, уделявшего большое внимание генетическим отношениям современных языков аборигенов Сибири к древним енисейским языкам [Дульзон, 1966, с. 75; 1969, с. 5; 1973, 93-104 и др. статьи], З. П. Демьяненко следует этому направлению. В тезисах доклада "Лексический материал как источник по истории долган и якутов" [1973а, с. 176-177] автор выделяет наличие более древних тюркско-кетских лексических совпадений, которые считает исконно общими элементами. Многочисленные эвенкийские основы разделены ею на субстратные и заимствованные. Небольшое число энгельских элементов свидетельствует, по мнению автора, о том, что эвенкийский род перешел на якутский язык группы якутов, которая не имела таких тесных контактов с монголами, как основная группа предков якутов. В докладе З. П. Демьяненко анализирует тюркско-кетские словарные общности [1973б, с. 120-122]. Примеры интересны тем, что среди них встретилось слово уу 'сон', которое было древнетюркском и якутском языках. Оно явилось одним из доказательств древности якутского языка. Соответствие с кетским словом опровергает такой вывод, поскольку в кетском языке это слово может быть давним заимствованием из древнетюркского.

В статье о вторичных и переносных значениях слов в долганском языке З. П. Демьяненко [1976в, с. 174] рассматривает образование новых слов с точки зрения отношения результатов развития значения исходной основы к значению производной. Она считает, что употребление слов в переносном значении является одним из источников образования новых слов [Там же, с. 177]. В статье "Долганские 'куйка', 'кыйка', 'кын'ка' и их связи с данными алтайских и енисейских языков" [Демьяненко, 1979а, с. 43-49] автор проводит глубокое этимологическое исследование слов, восходящих к общему источнику, но попавших в язык долган разными путями.

Работы З. П. Демьяненко выходят за рамки задач описания языка норильских долган, но они позволяют увидеть возможность использования данных этого языка в других направлениях лексикологии тюркских и шире - алтайских языков.

Слова якутского происхождения

Слова якутского происхождения являются основным фондом лексики норильских долган и по своему количеству сравнительно со

словами русского и эвенкийского происхождения и потому, что составляют основу всех разрядов долганской лексики. Но количество их значительно уступает числу якутских слов и многие из них употребляются с иным значением, чем в якутском языке.

Уменьшение собственно якутского лексического состава в языке норильских долган может быть объяснено несколькими причинами. Частично, как это было указано выше, слова якутского происхождения были вытеснены эвенкийскими или заимствованными из русского языка. Например, якутское слово маҕан 'белый' неизвестно норильским долганам, у которых в значении 'белый' употребляется эвенкийское слово чэалкээ, а второе якутское слово, обозначающее белый цвет уруҥ, имеет значение лишь светлой масти оленя (совсем так же, как эвенкийское слово конномо 'черный' стало названием темной масти оленя. Для названия черного цвета используется якутское слово ра 'черный'). Но подавляющая масса слов эвенкийского и русского происхождения является названиями предметов, отсутствующих в среде якутов и потому не имеющих у них соответствующего названия.

Особенности хозяйственного уклада, отразившиеся в языке якутов и долган, проявляются в названиях месяцев. У якутов и по количеству и по временным границам месяцы точно соответствуют временным русским, восходящим к международным. У долган в 1937 г. точного обозначения месяцев не было, хотя количество было таким же и по времени они приблизительно соответствовали русским [Попов А. А., 1937а, с. 143]. Поэтому сопоставление вполне оправдано (табл. 2).

Долганские названия месяцев в настоящее время постепенно вытесняются русскими, однако старые названия люди еще помнят. Названия месяцев у долган построены по такой же модели, как якутские названия летних месяцев (см. табл. 2). Это изафетные определения в сочетании к слову нйа 'месяц', нередко выраженные предложением. Например: кун таксар нйа 'месяц (в который впервые) выходит солнце'. Большая часть таких определений указывает на время, важное для жизни долган, или прямо на хозяйственные занятия сезона (например: торуур нйа 'месяц, когда рождаются олени', һыанан нйа 'месяц (добычи) налима'). Даже определения, выраженные названиями определенных праздников (Покруоп нйа 'месяц Покрова'), имеют значение определенного периода в жизни долган. В Хатангском районе этот месяц называют буус тонор нйа 'месяц, когда замерзает лед', т. е. время становления зимнего пути, следовательно, начало зимних промыслов. Из эвенкийских слов взято лишь название августа — ыргакта нйа 'месяц (появления) овода'. Русские слова представлены названиями некоторых праздников, в прошлом популярных у русских крестьян.

Т а б л и ц а 2

Названия месяцев

русское	Долганское	Якутское
январь	Кун таксар ыйа 'месяц, когда выходит солнце (после полярной ночи)'	Тохсунньу < тюрк. токсунчы 'девятый'
февраль	Үлэст ыйа 'месяц половина'	Олунньу < тюрк. онунчы, др.-уйгур. онунч аі 'десятый месяц'
март	Үнэһэн ыйа 'месяц (добывания) налума'	Кулун тутар ыйа 'месяц держания жеребят (при дойке кобылиц)'
апрель	Табата эмийдир ыйа 'месяц нагрубания вымени важенки оленя'	Муус устар ыйа 'месяц (когда) лед плавает'
май	Тутут төрүүр ыйа 'месяц рождения телят'	Нам ыйа 'месяц икрометания', Бииринньи 'май', *бииринчи 'первый' < др.-уйгур. бірінч(i) аі 'первый месяц'
июнь	Уу кэлэр ыйа 'месяц прихода воды'	Бэс ыйа 'месяц сосны' (ист. месяц заготовки сосновой заболони), *икинньи < др.-уйгур. акинти аі 'второй месяц'
июль	Бырдак ыйа 'месяц комара'	От ыйа 'месяц травы' (ист. месяц появления травы), үһүнньу < др.-уйгур. үһүнч(i) аі 'третий месяц'
август	Ыргакта ыйа 'месяц овода'	Атырдыах ыйа 'месяц вил', т.е. месяц заготовки сена: диал. төрдунньу < др.-уйгур. төртүнч(i) аі 'четвертый месяц'
сентябрь	Уйбаннып ыйа 'месяц Иванова (дня)'	Балаган ыйа 'месяц балагана' (ист. время переселения в зимнее жилище - балаган); диал. бэһинньи < др.-уйгур. бисінч(i) аі 'пятый месяц'
октябрь	Покруоп ыйа 'месяц Покрова'	Алтынньи < др.-уйгур. алтынч(ы) аі 'шестой месяц'
ноябрь	Митириэп ыйа 'месяц Дмитриева (дня)'	Сэттэнньи < др.-уйгур. јätінч(i) аі 'седьмой месяц'
декабрь	Караһа күн ыйа 'месяц темного дня'	Ахсынньи < др.-уйгур. сәгізінч(i) аі 'восьмой месяц'

Якутские названия месяцев сохранены в ЯАССР как официальные. Летние названия совпадали с основными занятиями якутов: май - месяц икрометания или дойки коров; июнь - месяц заготовки сосновых заболони (на случай голода, что до революции бывало нередко); июль - месяц появления травы; август - месяц выла, месяц заготовки сена; сентябрь - месяц переселения из летовья (сайылык) в зимовье (кыстык), зимнее жилище - балаган. Названия марта - кулуттар ина 'месяц держания жеребят' (при дойке кобылиц) и апрель - муус устар ина 'месяц (когда) лед плавает' - расходятся на два месяца с реальными явлениями природы Якутии. Это несоответствие названий месяцев с условиями жизни якутов послужило одним из пероч доказательств южного происхождения якутов [Ксенофонов, 1937, с. 51; История Якутской АССР, 1955, с. 227].

Зимние названия месяцев, выраженные древними порядковыми числительными, имеют соответствия с названиями месяцев древнетюркских рунических надписей на памятнике в честь Кюль-тегина [Малов, 1951, с. 33, 43] и особенно с названиями месяцев в уйгурском памятнике Мойун-Чура [Малов, 1959, с. 30]. Разница состоит в том, что тюркские названия месяцев - алтынны 'октябрь' (ист. 'шестой'), сэтти 'ноябрь' (ист. 'седьмой'), ахсынны 'декабрь' (ист. 'восьмой'), тохсунну 'январь' (ист. 'девятый'), олунну 'январь' (ист. 'десятый') - должны восходить к порядковым числительным на -нчы (в якутском окончание -нны), тогда как в транслитерациях древнетюркских памятников эти порядковые числительные передаются: алтынч, јәтинч, сәгізінч, токсунч, онунч. В якутском языке тюркским числительным на -нчы соответствуют современные порядковые числительные: алтыс 'шестой', сэттис 'седьмой', ахсыс 'восьмой', тохсус 'девятый', онус 'десятый', что свидетельствует об исторических связях по крайней мере с двумя тюркскими языками. В одном из них числительные могли оканчиваться на -нчы, в другом - на -янчы [Убрятова, 1978, с. 28].

Различия в хозяйственной деятельности долган и якутов привели к утрате в языке долган таких якутских слов, как инах 'корова', орус 'бык', торбос 'теленка', биз 'кобылица', кулун 'жеребенок'. Нет у долган и слов со значением 'ржать' и 'мычать', поэтому в текстах встречается такое: корубоа улуйбут 'корова завывла', улуй- 'выть' (о волке, собаке).

Отсутствуют в языке долган и якутские названия сельскохозяйственных продуктов: уут 'молоко' (долг. эмий 'молоко, женская грудь'), арыс 'масло' (долг. маасла). Тюркские названия молочных продуктов норильским долганам неизвестны.

Но некоторые якутские слова сохранились в речи долган несмотря на то, что предметы, которые они обозначают, были им неизвестны. Так, сохранилось слово ат 'лошадь', хотя долганы не только не разводили лошадей, но и многие из них совсем не видели их. Только в 1906-е годы в Таймырском национальном округе, главным образом на Енисее, появились лошади и коровы. Долганы называют лошадь якутским словом ат, а корову — русским словом коруба. Объясняется это тем, что лошадь занимала и занимает большое место в якутском фольклоре, который в той или иной степени унаследовали долганы вместе с якутским языком. В сказках, записанных у долган, лошадь упоминается очень часто, хотя и нередко, как отмечал А. А. Попов [1937а, с.21], отделяется свойствами оленя. Корова в них фигурирует значительно реже и всегда называется русским словом коруба.

Язык долганского фольклора гораздо беднее и проще [см.: Попов А.А., 1937а, с. 20], чем у якутов. Тексты, на которых построено описание языка норильских долган, представляют собой сказки. Их язык, как и в якутском фольклоре, обычно близок к разговорному.

На то, что долганы употребляют в своей речи многие якутские слова с несколько измененным значением, указал еще А. А. Попов в своей работе "Материалы по родовому строю долган" [1934, с.132]. Следует лишь отметить, что это наблюдается довольно часто. Такое явление может быть объяснено тем, что якутские слова принимают у долган все значения, свойственные аналогичным эвенкийским словам [Убрятова, 1966, с. 66].

Некоторые якутские слова-синонимы изменили значение и без такой видимой причины. Так, в якутском языке есть два слова со значением 'рожать детей' (вообще): *төрөө-* и *оҕолон-* I 'иметь детей'; *төрөө-* 'рожать' (о женщине). У долган с этим значением сохранилось только слово *оҕолон-*, а *төрөө-* употребляется лишь в отношении животных. В этом случае произошло перераспределение и закрепление значений за двумя синонимами якутского языка, по-разному используемыми у долган. Кроме того, можно отметить и полное изменение значения якутского слова у долган, например: як. *арҕалаа-* 'идти на запад, склоняться к западу' (о солнце), долг. *арҕалаа-* 'повернуться спиной'; як. *аһылк* 'корм', долг. *аһылк* 'ягода' отсюда *аһылктаа-* 'собирать ягоды'; як. *характаа-* 'даровать зрение, видеть', долг. *карактаа-* 'увидеть после длительной разлуки'.

Некоторые якутские слова приобрели у долган наряду с прежними еще и новые, дополнительные значения, например: як. *атах* 'нога', долг. *атак* 'нога, но и обувь' (гурум *атак* 'нерасписная обувь', *атактаа-* 'чинить обувь'), як. *эмий* 'грудь', долг. *эмий* 'грудь, молоко', як. *кутурук* 'хвост', 'руль', долг. *кутурук* 'хвост, руль, юлк'.

Иногда якутские слова выступают у долган в иной форме, чем у якутов, например: як. мурун 'нос', долг. мунну; як. орун 'меч', долг. онну 'след'; як. көгүс 'спина', долг. көгүс. Таким образом язык долган, чисто якутский по своей фонетической и морфологической структуре, является обособленным от литературного якутского языка и других диалектов.

Материалы долганской лексики показывают, что преобладание слов из того или иного языка еще ничего не говорит о действительном происхождении данной народности или ее языка. В языке долганских долган преобладают слова якутского происхождения, но исторические документы и данные этнографических исследований со всей очевидностью говорят об эвенкийском происхождении этой народности, след чего в языке сохранился лишь в виде эвенкийского слоя в лексике и некоторых явлений в фонетике, морфологии и синтаксисе.

Словарный состав языка долган показывает, что они, приняв якутский язык, усваивали якутские слова, не разделяя их на легкие и трудные (односложные и многосложные) [Степанов, 1927, с. 76]. Они брали в якутской лексике все то, что было пригодно для выражения тех или иных понятий, названий предметов, действий, состояний и т.п. То, в чем якутский язык оказывался недостаточным, дополнялось материалами эвенкийского языка или входило в язык вместе с предметами, заимствованными при общении с другими народами.

Формирование лексики у долган представляет собой образец одного из способов образования словарного состава языка, создавшегося во взаимодействии двух различных языков.

С л о в а э в е н к и й с к о г о п р о и с х о ж д е н и я

Исторически долганы — оякученные эвенки. Поэтому эвенкийский язык мог бы рассматриваться как субстратный по отношению к долганскому. Однако так прямолинейно делать это нельзя, поскольку во взаимодействии эвенкийского и древнего тюркского языка — предка якутского — началось на несколько столетий раньше возникновение якутского долган. Тогда в условиях длительного двуязычия сложился древнеякутский язык, сохранивший тюркскую основу. Он также взаимодействовал с эвенкийским языком, постепенно вытеснил его и начал распространяться во всех направлениях. При этом двуязычны были разные группы эвенков, постепенно переходившие на якутский язык. Возникли якутские говоры северных якутов и долган, последние в условиях изоляции превратились в особую народность со своим

зм. Такое многократное взаимодействие якутского и эвенкийского языков не позволяет установить время проникновения в язык долган эвенкизмов. Некоторые из них вошли в якутский язык задолго до образования языка долган. Сами долганы, даже те из них, которые владеют местным говором эвенкийского языка, не всегда замечают эвенкизмы долганского языка. Это постоянно приходилось наблюдать во время сбора материала по языку долган. Так, записывая от К. Н. Сулова текст, автор отметила, что одно из встретившихся слов эвенкийское. Но К. Н. Сулов, хорошо знавший эвенкийский язык, утверждал, что данное слово долганское. За этим последовало пространное объяснение, что тонус *һаната* (эвенкийское слово) — это одно, *тыа һаната* (долганское слово) — это совсем другое. И, действительно, в некоторых долганских словах не сразу увидишь эвенкийское слово, так как оно нередко подвергается фонетической переработке [см. раздел "Фонетика"], принимает различные новые словообразовательные и словоизменительные аффиксы, а иногда употребляется в несколько ином значении. О некоторых эвенкийских словах долганы говорят, что тот или иной предмет у них называется так же, как у эвенков. Это бывает только при полном совпадении слов. Но даже тогда, когда эвенкийское слово звучит у долган так же, как и в эвенкийском языке, не всегда скажут, что оно эвенкийское. Это объясняется тем, что некоторые эвенкийские слова попали в долганский язык давно и совсем из другого диалекта, ем тот, на котором говорят ближайшие соседи-эвенки, и тот, которым владеют сами долганы.

Слова эвенкийского происхождения у долган можно разбить по значениям на группы.

Родственная терминология. Термины родства у норильских долган все якутские. Исключение составляют два из них: *инэрээн* 'мачеха' < эвенк. *эниэрээн* ↔ *як. кииринньэн ийэ, маачаха ийэ*; *мираан* 'отчим' < эвенк. *амираан* ↔ *як. кииринньэн аҕа, маачаха ҕа*.

Как показывает сопоставление, в якутском языке собственно нет специального термина для обозначения понятий "мачеха" и "отчим", их заменяют определительные сочетания от слов *ийэ* 'мать' и *ҕа* 'отец'. Вводя эвенкийское слово, долганы заполнили пустое место известным им точным термином.

Оленеводческая терминология. Оленеводческая терминология у олган развита, так как оленеводство является важной отраслью их хозяйственной деятельности. Якуты занимаются оленеводством лишь северных районах, где также преобладают оячуженные эвенки. Поэтому и там те же эвенкийские слова в оленеводческой терминологии.

Однако термины, обозначающие основные понятия оленеводства, как и вообще в якутском языке, тюркские и монгольские, мер: таба 'олень' <тюрк. tevä 'верблюд', ср. монг. tem(e)n 'блюд'; тыны 'важенка' (самка оленя) <тюрк. tiïi 'женщина, самка'; буур 'самец-олень' <др.-тюрк. buura 'верблюд-производитель'; нетюркский словарь, с.120], монг. буур [Поппе, 1938, с.345]; 'оленинок' <монг. тугал 'теленочек' [Лувсандэндэв, 1957, с. 42].

Использование основной терминологии по верблюдоводству обозначения главных понятий по оленеводству (так называемая национальная семантика) свидетельствует, по-видимому, о том, проникновение ее в якутский язык произошло в начальный период распространения древнего тюркского языка среди эвенков (когда термины еще не были утрачены), так как они являются общими на территории распространения якутского языка и вошли в его литературный язык.

Общетюркской является большая часть анатомической терминологии: эт 'тело, мясо', каан 'кровь', бас 'голова', атак 'ноги' и т.п.; эвенкийские возрастные названия оленей самцов: абалаакаан 'двухгодовалый самец', эвенк. абалаакаан 'олень до года'; иктээнэ 'трехлетний олень-самец', эвенк. иктээнэ 'олень-бык двух-трехлетнего возраста'; ньогаркаана 'четырёхлетний олень-самец', эвенк. неегаркаан 'трехгодовалый олень-бык'; амаряна 'пятилетний самец', эвенк. амаряна 'олень-бык от пяти лет и старше, медведь-самец от пяти лет и старше'.

Для названия оленя-производителя употребляется якутское атыр, которое и в самом якутском языке и в других тюркских языках имеет значение 'жеребец', эвенк. атыр 'самец нехолощенный'. Для этого термина, существует еще другой: нара 'нехолощенный бык' (олень), эвенк. нара^I. Важенки (самки домашнего оленя) не имеют особых возрастных названий. Когда нужно указать возраст важены то говорят иски төрөөбүт тыны 'дважды родившая важенька', т.е. трехлетняя [Попов А.А., 1935, с. 203], или түөрт сыллаак тыны 'четырёхлетняя'; байгай 'бесплодная', эвенк. ванггай; анни 'важенка отелившаяся раньше двух лет', эвенк. энни.

Кроме этих терминов, у долган имеются еще названия (эвенкского происхождения) оленей по их использованию в работе или по другим качествам, например: костур 'левый боковой олень', эвенк. костур; ньогунут 'передовой олень', эвенк. нёёгу 'передний'; утучак 'верховой олень', эвенк. угучак; күкэйи 'бодливый олень', эвенк. күкэйин; нинчаан 'комолый олень', эвенк. нингчээн 'дикий олень'.

^I Указан аспирантом Института народов Севера Н. В. Салатинским.

мой); ааку 'ручной олень', эвенк. аки; тарагай 'теленос дикого оленя до года', эвенк. тарагай 'теленос до года'.

Названия некоторых мастей в языке долган также эвенкийского происхождения: конной 'очень темная масть оленя', эвенк. конно 'черная'; чалка 'белая', эвенк. чалка 'седой, светлый'; бутска 'крупнопятнистая масть оленя', эвенк. бутдыска-бутды 'песный, пегий'. Пастбище оленей называется у долган эвенкийским словом онко, эвенк. онко.

Много слов эвенкийского происхождения можно найти у долган названиях упряжи оленя: мабут 'аркан', эвенк. маут ~ мабут; тиктин 'летняя кожаная подпруга', эвенк. тынгэптун; нуакаан 'ременная веревка из кожи дикого оленя', эвенк. суна 'поводок, ремень (для привязывания собак)'; ала 'лямка упряжи', эвенк. ала; лок 'блок в упряжи оленя', эвенк. чалак; тонолдо 'блок в упряжи оленя', эвенк. тонголю 'колечко'; нама 'вьючная сумка', эвенк. ма 1) 'навьючивание', 2) 'седло', 3) 'маленькая женская вьючная сумка'; ньоту 'возжи', эвенк. ньёту 'передний, возжи'; күүлээн 'отало', эвенк. күүлээн конгаалээн 'ботало, колокольчик'; хорон уки седла, эвенк. хорон 'деревянная часть седла'; һамһыт 'дыккур', эвенк. самһтин; ньори 'женский посох для езды на олене', эвенк. нёри.

Караван оленей во время летних кочевок, совершаемых верхом, как и у эвенков, называется элгёбүн, эвенк. элгэбуун (зимний караван оленей называется якутским словом кёс). Прием перевозки кладей частями называется ирэбүнкүлүүр от глагола ирэбүнкүлээ- 'перевезти частями', эвенк. ируувуун 'телега, повозка, волокуша'.

От этих именных основ у долган образовано много глаголов, обозначающих пользование этими предметами или их изготовление. Некоторые из них употребляются наряду с аналогичными якутскими глаголами, например, глагол угучак-таа- 'ехать верхом на олене', образованный от слова угучак 'верховой олень' - наряду с глаголом миинхат, сидеть верхом'. Но первый из них относится только к оленю, второй же употребляется во всех случаях.

Названия жилища и его частей. Большинство связанных с жилищем названий - эвенкийского происхождения. Слова чисто якутские употребляются при этом у долган в несколько ином значении, например: як. дьэ 'дом, здание, жилище', долг. дьэ 'жилище вообще'; як. ураһа 'летнее жилище', долг. ураһа 'шест, употребляемый для постройки чума'. Зимнее жилище называется у долган һымрэ дьэ 'нартенный чум' (досл. 'сани-дом'), летнее - ураһа дьэ 'летний чум' (досл. 'шест-дом'). Из лексического материала якутского языка долганы создали новые термины для названия своих лет-

них и зимних жилищ: слова якутские, но сочетание их долганское. Объяснить это, по-видимому, можно только тем, что само устройство жилища долган другое. Нартяной чум появился у них совсем недавно. Все названия его основных частей и всяких деталей были большей частью перенесены из шестового чума [Попов А. А., 1952, с. 15], который у долган делается как у эвенков. По-видимому здесь, и в оленеводческих терминах, все то, что было пригодно в якутском языке для названия самого жилища и его частей, было использовано в языке долган. Некоторые детали, появившиеся в долганском чуме, не были известны эвенкам и потому не имели своих названий в эвенкском. Такими новыми предметами в нартяном чуме явились окно, печь, и долганы использовали для их обозначения имеющиеся якутские слова или частично русские. Например: туннук 'окно', як. туннук 'но', тюрк. тундук 'верхний деревянный круг остова юрты'; оһоһо 'железная печь', як. оһох 'камин, камелек', тюрк. очаг, рус. очаг, орон 'нары', як. орон 'нары, заменяющие скамьи и кровати' 'пол', як. муоста, рус. мост.

Кроме перечисленных выше можно привести еще названия жилищ в которых долганы помещаются в особых случаях: голомо 'землянка', эвенк. голомо 'юрта из жердей, крытая корьем и окопанная землей'; дукакан 'чум роженицы', эвенк. джукокан 'юрточка' [Титов, 1930, с. 56]; дьукча 'брошенное чумище', эвенк. джкча 'старый остов чума'. (С эвенкийским словом ду 'чум' связано и долганское слово дьулкак 'тот, кто живет в чуме напротив, через огонь' [Титов, 1930, с. 56], эвенк. дьлгак 'сосед по квартире, комнате, чуму' < яки дьукаах.)

Названия частей чума и различных его принадлежностей: чум 'место для посуды и домашней утвари в чуме', эвенк. чоонгал; на 'связка чумовых шестов вверху', эвенк. хоона 'остов чума — четыре основные жерди'; һонан 'дымовое отверстие в шестовом чуме', эвенк. хоона; үнэкээн 'верхний ровдужный ник (покрышка чума)', эвенк. унэкээн; өлдүн ' меховой ник', одеваемый как на нартяной чум, так и на шестовой, если в этом последнем живут эвенки; эвенк. элдун ~ элдун 'нижний ник'; һаран 'новое место для чума', эвенк. харан 'место для жилища, место очага, очаг, стоянка', харан 'костер в чуме, место у костра'; икэптин 'поперечная палка над очагом, на которую вешается крик для котла', эвенк. икэптин; чимка 'жердь посреди чума, на которой укрепляется икэптин', эвенк. чимка; олдон 'крик для котла над очагом в шестовом чуме', эвенк. ольон; колтир 'доска в шестовом чуме у двери, порог', эвенк. колтир; ниптэ 'бревно, на котором рубят дрова около чума', эвенк. ниптэ; үнүр 'вещевая сумка', эвенк. унярук 'чехол для ложек'

эчээн 'сумка с женскими вещами', эвенк. эмэхэкээн 'вещевая сумка', эмэк 'вьючная сумка'; нөкү 'склад вещей, ненужных в данное время, оставляемых на месте при откочевании', эвенк. нээку.

Названия одежды. Среди названий одежды также есть слова эвенкийского происхождения. Эвенкийские термины употребляются для наименования национальной одежды и ее частей: мөкчүкэ 'доха', эвенк. укчүкээ 'парка, зимняя верхняя одежда'; мукалкан 'мужская бисерная доха', эвенк. мука 'доха из шкур взрослого оленя', мукалкан 'имеющий доху'; интыка 'шапка с песцовым хвостом', эвенк. интыкаа 'шапка из шкуры с головы оленя'; тэлэги 'мужской зимний пояс', эвенк. тэлэги; кукчу 'одеяло, спитое в ногах', эвенк. кукчума 'закрытое со всех сторон', 2) 'одеяло-мешок', купчу 'спальный мешок-одеяло'; гуруми атак 'зимняя обувь без вышивки', эвенк. гуруми 'ноговицы (гамаша) из ровдуги', куруму 'высокие унты'; кунау 'бисерная обувь', эвенк. кунету 'весенне-осенняя обувь с ноговицами'; олоочу 'летняя обувь из оленевой замши (ровдуги)', эвенк. лочии 'рабочие короткие унты на меховой подошве', локоми 'ровдужные летние унты'; инэри 'складки летней обуви на месте соединения подошвы с головкой', эвенк. иннир 'узел'.

Промысловая терминология. Большое количество эвенкийских слов имеется среди названий принадлежностей промысла, а также предметов домашнего обихода. Например: алын 'набег диких оленей, устой песок', эвенк. алин 'ходовой зверь' (белка, соболь), алин 'перейти, перекочевать' (о белке, соболе), ирба 'время метания икры рыбой', эвенк. ирбэ 'нерест'; дьүлбикки 'охотничий педник из собачьей шкуры', эвенк. дьлбанткки 'чехлы на обувь из собачьего меха (надеваемые на охоту)'; кинглэ 'лыжи, голицы', эвенк. кинглэ; гилди 'праша', эвенк. гилди 'кольцо, привесок'; ирээмки 'острога для ловли рыбы', эвенк. кирамки; икирэ 'удочка для ловли налима', эвенк. икиими 'замутить', 'мутить'; ишчэкээн 'ложка для вытаскивания рыбы из котла', эвенк. ишкээн 'большая деревянная ложка'; ирибун 'железный крюк для вытаскивания мяса из котла', эвенк. иривун 'волокуша', 'охотничья нарта'; күгэ 'топор', эвенк. сукэ, як. сүгэ; күгэчээн 'топорик', эвенк. сүкэчээн 'топорик, молоток', күкүчэ 'брошенный, сломанный топор'; халка 'молоток', эвенк. халка 'молот'; кэдэра 'скребок для выделки оленьих шкур', эвенк. кэдэрэ; хутага 'мешок, сумка', эвенк. хутакан 'мешочек для мелких вещей'; даһына 'коврик из шкур с оленьих голов, который кладут на седло', эвенк. дасин ~ дасийтын 'покрышка'.

Названия животных, птиц, рыб, насекомых, растений. Эта па слов очень богата: токи 'лось', эвенк. токи; тыбда, дьукдра', эвенк. дьукун 'выдра', тыбдякин 'рысь'; долбаки 'названием-то маленькой птички', эвенк. доколии 'маленький кулик'; кй 'глухарь', эвенк. хороки; һомка 'ворона', эвенк. һумка, 'филин'; кукти 'кукушка', эвенк. кукти; һаканан 'большая щука', эвенк. саканан; накачээн 'окунь', эвенк. нэкэчээн; һананан 'ананас', эвенк. сэнган; һириктэ 'муравей', эвенк. ириктэ; атаки 'паук', эвенк. атакй; һунмүктэ 'мошка', эвенк. һунмиктэ; иргакта 'овод', эвенк. иргакта; куликан 'червяк', эвенк. куликтан 'черевишка', водяной жук, насекомое'; күнүктэ 'личинка овода', эвенк. куякта 'личинка овода в шкуре оленя'; дьүбүктэ 'оса', эвенк. буктэ; сэпсэкии 'кузнечик', эвенк. сивсикун 'кобылка, кузнечик' [Титов, 1929, с. 130]; гидулуун 'стрекоза', эвенк. гидулуу; иргакта 'бабочка', эвенк. лурекии 'бабочка, мотылек'; болгикта 'название кустарника', эвенк. болгикта 'кедр-стланник'; һэнкирэ 'можжевельник', эвенк. хэнгиирээ; мөчүктэ 'шишка дерева', эвенк. мучүктэ 'лиственничная хвоя'; һимиктэ 'брусника', эвенк. химиктэ; итэ 'красная смородина', эвенк. игэликтэ; дэгинмэктэ 'гриб', эвенк. дэгингээктэ ~ дэгинмээктэ; лабукта 'мох, растущий на дереве', лавикта ~ лаалбукаа 'мох-ягель'; илэксэ 'кора тальниковая', эвенк. илэксэ 'тальник'.

Названия, относящиеся к рельефу местности и явлениям природы. тээн 'большая лайда, ровное место в тундре', эвенк. тээн 'район'; алдыс 'скала, утес', эвенк. элдэнги 'скала отвесная', алдыс 'скала'; укси 'щеки - скалы по обоим берегам', эвенк. уксил 'скалы'; чокчэкэ 'кочка', эвенк. чокчо; амдунда 'нагорье', эвенк. амнинна ~ амнунда; уоран 'порог', эвенк. ооран 'пороговое место на реке, быстрина'; һоктокит 'тропинка', эвенк. токит; с'уона 'град', эвенк. боона 'град, мелкий снег, снежная пелена'.

Названия частей тела человека и животных: иргэ 'мозг', эвенк. иргэ 'мозг, рассудок'; һутука 'спинной мозг', эвенк. хутука 'спинной мозг'; һэнгэ 'бородавка', эвенк. хэнгтэ; эннэ 'коленная чашечка' (у оленя), эвенк. эннгэжкээн ~ иннэжкээн 'коленная чашечка'; һылукта 'кишка', эвенк. хилукта ~ силукта 'кишка'; хача 'околокишечный жир'; кишки, покрытые рогами; элда 'верхушка черепной коробки (основания рогов у оленя)', эвенк. элдэн 'мужская бисерная шапка'; лапча ~ лаптя 'рыбий плавник', эвенк. лапча.

Архаизмы. В 1931–1933 и 1936–1937 гг. на Таймыре проходила этнографическая экспедиция А. А. Попова по изучению долган. А. А. Попов ознакомился со всеми сторонами их жизни и изложил свои наблюдения в многочисленных статьях [см. библиографию Попова А. А.] .

Он родился в Якутии и с детства владел якутским языком, что помогало в общении с долганами. А. А. Попов записал, а потом изложил фольклорные тексты в собственном переводе [1937а]. Особый интерес он проявил к изучению верований долган [1958, с. 5–121].

А. А. Попов собрал большую коллекцию для Музея антропологии и этнографии по быту долган вообще и в частности по их верованиям. Им был составлен рукописный словарь, в который вошли названия разных предметов и обычаев, связанных с древними верованиями долган. Для современного языка – это, если даже не архаизмы в полном смысле слова, то во всяком случае слова, известные далеко не всем. Многие из них по происхождению эвенкийские, что свидетельствует о влиянии культуры эвенкийского народа на культуру долган.

Эвенкийские слова из рукописного словаря А. А. Попова удалось прослушать для уточнения записи и получить некоторые объяснения их значений в 1936 г. у К. Н. Сулова и в 1956 г. у Н. М. Простокиши-

ной (пос. Курья). Последнее подтверждало, что эти слова были еще известны. Среди них: аркалаан 'привеска шаманского костюма, идущая поперек спины', эвенк. аркалаан 'шаманская накидка, покрывающая грудь и спину'; арка 'плечо', аркан 'лопатка, углубление между лопатками'; ар'н 'нечистая сила, злой дух', эвенк. аринка ∞ аринки 'дьявол, злой дух', аринтка ∞ арантка 'злой дух, черт'; аштин 'кровавая жертва', эвенк. вааштин (этно.) 'жертва (олень, принесенный в жертву духу перед началом охоты)'; дьолоштин 'камни, обкатанные водой и получившие причудливую форму, употребляют при лечении', эвенк. дёло 'камень', -штин – суфф. существительных; лүгдүнки 'души умерших, превратившиеся в злых духов', эвенк. глукэ 'старое большое дерево (с большим пучком веток на стволе и сучьях)'; һинкан 'приманка для духов' (изображения животных и птиц), эвенк. хингкээн (по суеверным представлениям) 'дух – хозяин места охоты, дух – хозяин диких животных', сингкээн 'дух – хозяин охоты ничьей территории'; һөчүкэ 'название семьи, в которой играют дети', эвенк. сучэкин 1) 'болезненный, хилый' (о человеке), 2) 'несчастный, неудачник'; һэмэкээн 'деревянное изображение человека', эвенк. хэмэкээн (рел.) 'изображение человека – амулет охоты', хэмэкээг (уст.) 'место около чума, где некогда стояли изображения человека'; туруу 'шаманский столб', эвенк. туру 1) 'столб', 'мачта', 3) 'шаманское дерево, вершиной достигающее до неба',

4) 'жердь, выходящая верхним концом через дымовое отверстие для камлания'; тэлба 'деревянное изображение пальмы (орудие ты), закрывающее отверстие для пролезания больного', эвенк. 'настил из веток' (на который кладут тушу убитого зверя во время свежевания ее); эксээн 'заветная вещь', эвенк. эксэин 'благодать', эксэри 'бог'.

Слой эвенкийской лексики в языке долган обширный и не ограничивается названными группами, в которые не вошли многие слова эвенкийского происхождения, например: набун 'вдова', эвенк. ∞ навун 'вдовец, вдова'; хаабул 'правда', эвенк. хаавал 'верно? правда? действительно так?'; темүү 'плот', эвенк. тээму 1) 'паром'; 2) 'шаманский бубен'; чанит 'разбойник', эвенк. чанит (фольк.) 'бродяга, разбойник, враг'; чомбирэ 'зря, бестолково, глупо', эвенк. чомби-ми 1) 'чирикать, петь' (о птицах), 2) 'сделать вздор', чомирэлээ 'говорить куда попало'; укчаари 'гнилой дерево', "где огонь топили" (Н. М. Простокишина), эвенк. укча 'гнилой пень', укчама 'что-либо, сделанное из гнилой бересты'; үлүктэ 'мясо дикого оленя, сушеное мелкими кусочками', эвенк. үлүктэ; ургаан 'большие куски мяса, копченые над очагом', эвенк. урган 'вяленое мясо'; тана 'высохшая старая кость оленя', эвенк. танга 'побеленные от ветра кости'; гоёобун 'рана', эвенк. гоёо 'горбатый', эвенк. никчукия; бали 'слепой', эвенк. бали. Как показывают приведенные примеры, большинство слов эвенкийского происхождения в долганской лексике — это названия предметов. Глаголов, непосредственно связанных с эвенкийскими глаголами, нет.

При сохранении эвенкийского слова в речи долган его грамматическая структура становилась совершенно безразличной. Так, слово угучак 'верховой конь' от эвенк. угучак, являющееся в этом языке производным от глагола угуча-ми 'ехать верхом', у долган в свою очередь глагольную форму угучактаа — 'оседлать оленя, ехать верхом'.

Некоторые из эвенкийских слов приобрели совершенно новое значение, например: таму 'засека по краям леса для ловли диких животных', эвенк. таму 'конец веревки'. При наличии слова с аналогичным значением вошедшие в обиход долган эвенкийские образы с ними парные слова, например: тээн алыны 'лайда, большое ровное пространство', як. алыны 'долина, узкая и длинная местность', эвенк. тээн 'равнина на водоразделе'; чакыр чэлкэ 'совершенный', як. чакыр 'белый' (масть лошади), эвенк. чолго ∞ чэлкэ 'белый' (о масти); кирдык-хаабул 'истинная правда', як. кирдык 'правильно', эвенк. хаавал 'правда? верно? действительно так?'

Иногда эвенкийское слово, синонимичное якутскому, употребляется только в определенной синтаксической конструкции. Например, эвенкийское слово асун 'сколько' (о пространстве, об однородном веществе, о времени) используется только в отрицательных конструкциях со значением 'нисколько' (о времени): Ба оҕо олорбут. Нун до олорботок. Юнно танара дьэтитгэр кылэрбиттэр. 'Этот де-тина сел. Нисколько не посидел. Тут же в церковь ввели'. В положительных синтаксических конструкциях употребляется якутское слово төһө 'сколько'. Некоторые эвенкийские слова имеют у долган еще более узкое употребление. Например, основа эвенкийского глагола чун-ми 'замолкать' (о шуме) у долган служит междометием: учу эн тише, тн'.

Иногда эвенкийский аффикс становится у долган служебным словом. Например, эвенкийский аффикс усиления каакун ~ каэкун ~ ке-ун стал служебным словом тоже с усилительным значением: таба ке-ун и таба кеекунэ 'много оленей' (способ связи - примыкание и зафет), тынны кеекун 'очень холодно', үгүс кеекун 'очень много'.

С л о в а , з а й м с т в о в а н н ы е и з р у с с к о г о я з ы к а

Этот раздел лексики норильских долган чрезвычайно любопытен. Многие слова эвенкийского происхождения связаны с предметами и явлениями, которые сохранились (в том или ином виде) в быту долган их прошлого и настоящего, то (слова русского происхождения попали в язык вместе с развитием новых общественных отношений, появлением новых понятий, предметов. Взаимодействие долган и русских началось в XVII в. (см. Введение). Характер этих взаимоотношений в течение 300 лет несколько раз менялся. До революции долганы не только знали русских как купцов, миссионеров, урядников, всякого начальство, но также имели дело с местным русским населением казаками, поселенными царским правительством на северных окраинах, взаимоотношения с которыми были, конечно, иными, чем с официальными представителями самодержавия. Потомки казаков и пашенные, так называемые затундринские крестьяне, сейчас совершенно слились с долганами по языку, оставив в их лексике русские слова, также по хозяйственному быту и культуре. Многие из них, особенно женщины, не знают русского языка. А тех, кто говорит по-русски, всегда поймут русские, приехавшие из центральных районов страны, настолько сильно изменился их родной язык под влиянием долганского. Выработался особый говор русского языка, так называемая

"говорка", без шипящих, часто без в и ф, с заимствованным языком долган гласными, новым синтаксическим строем речи, многими словами долганского происхождения. Все это указывает на то, что в языковом взаимодействии долган и русских не было одностороннего заимствования.

Все, кто описывал культуру долган, обращал внимание на смешанный характер и на особенно глубокое влияние русской культуры во многих сторонах их жизни [Миддендорф, 1878, с. 693; Гих, 1929, с. 63; Попов А. А., 1937 б, в; Окладников, 1948, с. 113].

В долганском фольклоре очень прикотливо сплелось местное национальное и народное русское. Произведения назывались по-русски, но по содержанию это были волшебные сказки. Героями были пааснай уола (кыһа) 'крестьянский сын (дочь)', баай купца уола (кыһа) 'сын (дочь) купца', ыраактаагы уола (кыһа) 'сын (дочь) царя', которые, добывая себе жен или мужей, боролись с злыми силами. Соломон мударас очень походил на якутского аба и устраивал всякие козни. В сказках иногда затрагивались и философские проблемы добра, зла, счастья, несчастья. Это нашло отражение и в названиях сказок, например: "Дьоллоок күн, сордооб" 'Счастливым днем, несчастным днем'".

Русизмы попадали в язык норильских долган различными путями из различных источников и поэтому неодинаково усваивались и подвергались переработке.

От дореволюционной эпохи в языке долган сохранились (в том числе и в фольклоре) следующие заимствованные слова: купунас < рус. 'купец', як. атыһыт; кинээс < рус. 'книжка' > як. кинээс; кусайын < рус. 'хозяин' > як. хаһаайын 'хозяин', бас билээччи, иччи 'дух-хозяин'; пааснай 'крестьянин', баайнай < рус. 'пашенный'; истэрээпкэ < рус. 'стрижка' [Элиава, 1980, с. 396], як. астааччы; лаапкы < рус. 'лавка, магазин' > як. лаапкы, магаһын; һалдаат < рус. 'солдат' > як. саллаат; байнаас < рус. 'война', отсюда глагол байнаалас - 'воевать', як. сэрийи 'война', риилэс - 'воевать'. Сюда же примыкают слова, обозначающие предметы и явления, тесно связанные с ними: һаймуу < рус. 'взаимы', як. 'долг', иэска ыл - 'взаимы брать'; һаклаат < рус. 'заклад, һакка' 'спорить об заклад' > як. сакалаат 'спор, пари', сакалааттаабы 'спаривать пари'; һолкобай 'рубль' < рус. 'целковый' > як. солкуобай; карты < рус. карты > каартылаа - 'играть в карты', як. хаарты 'карты', лаа - 'играть в карты'; испирут < рус. спирт > як. испирут.

После Октябрьской революции в язык норильских долган

Большое количество русских слов для обозначения новых общественных отношений и явлений с ними связанных. В записи 30-х годов эти слова были переданы так: Сэбиэскэй былаас < рус. Советская власть > як. Советскай былаас¹; сэбиэт 'совет'; присидаател < рус. 'председатель', присидатыллаа- 'председательствовать'; колхоз < рус. колхоз, колхозтаа- 'вступить в колхоз'; колхозсньик < рус. колхозник > як. колхозтаах; артыал < рус. артель; партийнай < рус. партиец, партийный > як. партийнай, партиялаах; комсомолус < рус. комсомолец, комсомол, як. разг. комсомол уол 'комсомолец', комсомол кыыс 'комсомолка'; пийэнар < рус. пионер; кандидат < рус. кандидат; силиэн, силиэттер (мн. ч.) < рус. член > як. чилиэн, чилиэннар (мн. ч.); устаап < рус. устав > як. устаап; кансытуссийа < рус. конституция; дэпутат < рус. депутат; даклаат даклааттаа- 'делать доклад, докладывать' > рус. доклад > як. акылаат, дакылааттаа-; бопруос < рус. вопрос > як. бошрууос проблема' (ийиты 'вопрос'); Краснай Армия < рус. Красная Армия, як. Кыһыл Армия; кыраснай дьэ < рус. красный чум, но кыһыл (кычаркай пылаат 'красный платок'; кулаак < рус. кулак > як. кулаак, улаакты 'кулацкий', кулаак аймах 'кулачество'; батраак < рус. батрак > як. батарак, уст. хамначчыт; подкуласньик < рус. подкулачник; пасыыс < рус. фашист; прокуруор < рус. прокурор; правленье < рус. правление; пылаанум < рус. пленум; нитыграл < рус. интеграл (кооператив, магазин интегральной кооперации); дьээсли ясли < рус. ясли; балныһа < рус. больница > як. балыһа; дохтур < рус. доктор; пьарсал < рус. фельдшер > як. биэлсэр; пылаан < рус. план > як. былаан; саданья < рус. задание, як. соруудах.

Большое количество слов, заимствованных из русского языка, вошло в язык долган вместе с предметами хозяйственного и бытового обихода. При этом довольно часто можно встретить явления смещения семантики. Например, заимствовав из русского языка слово стекло (чокло), долганы обозначают им только ламповое стекло, а всякое другое называют һээркэлэ < рус. зеркало. Заимствованное русское слово рука (урука) имеет в языке долган значение 'рукавица'. Фабричные нитки на катушках называются ниткэ < рус. нитка, а пряжа для вязки сетей и неводов - муот < рус. моток, в якутском языке русское слово моток означает 'катушка' - мотуок сап 'катушка ниток'.

¹ В якутском языке заимствованные из русского языка термины часто сохраняют русское литературное написание. В этом случае они приводятся.

Среди слов, обозначающих предметы домашнего обихода, на-
 такие: кумната < рус. комната (только о домах русского типа,
 чем наряду с названием дьэз 'дом'), например: эдьийэ атын дьэз
 барьнта 'старшая сестра его в другую комнату (букв. дом) уи-
 як. хос; муоста 'пол' < рус. мост > як. муоста I) 'мост', 2)
 остуол < рус. стол; устуул < рус. стул; түбүрээткэ 'табуретка'
 рус. сиб. обл. тубаретка, як. олошос 'табуретка'; камыайка
 рус. скамейка > як. искомыйка; кырбат < рус. кровать > як. кы-
 баат; ханабуус < рус. занавес (в шестовом чуме от комаров),
 быыс 'занавес' (например, на сцене), сабын 'занавес' (на окнах)
 һундуук < рус. сундук; дьаайык < рус. ящик; коруопки < рус. ко-
 ка в знач. штатунка; миэник < рус. веник (отсюда глагол мэннэ
 'мести')^I; бочуку < рус. бочка > як. буочука; масына < рус. са-
 шина > як. масына, диал. марсына; һамубар < рус. самовар, со-
 сылабаар; чайныык < рус. чайник; истакаан < рус. стакан; ча-
 < рус. чашка > як. чаасы, сэлээнэй, хончоҕор; бүлүүсэ < рус. бу-
 лодце > як. бүлүүһэ; мииска < рус. миска > як. мииска, кыты-
 бутуулка < рус. бутылка > як. бытыылка; үрүүмкэ < рус. рюмка
 илкэ < рус. вилка; луоска < рус. ложка > як. ньуоска, хамыа-
 лизркэ < рус. тарелка > як. тэриалкэ; таасык < рус. тазик
 < рус. таз > як. таас; лампа < рус. лампа > як. лаампа; пича
 рус. фитиль > як. битийл; һитэ 'решетка на горелке' < рус. ст-
 > як. сийдэ 'сито, решето'; испискэ < рус. спичка > як. испит,
 испискэ маһа; һэбичи ~ һэбитыи < рус. свеча > як. чүмэчи; кер-
 < рус. керосин > як. кыраһын.

Встречаются русские слова и в названиях одежды, например:
 урубакы ~ ырбаакы < рус. рубаха > як. ырбаакы; куопта < рус. ко-
 та; дьуупка < рус. юбка > як. дьуупка; һапагы (мн. ч. һапагыр
 < рус. сапоги > як. сапыкы; пылаат 'платок' < рус. плат > як. э-
 лаат; һаал < рус. шаль > як. саал, саал былаат; бараан 'полу-
 бок' < рус. баран > як. кылгас (бараан) сон; палтуу < рус. пали-
 > як. болтуо сон; тирээпкэ 'полотенце' < рус. тряпка², як. ли-
 тор; кармаан 'ящик стола', остуол карамана < рус. карман > ду-
 хармаан, сизп.

^I В текстах встречается также слово мыннык 'веник', дь-
 ннык, сипшир, харбыр.

² По поводу этого слова Н. М. Простокишина заметила:
 кэ дьэччитэ этилэр. 'Имели обыкновение говорить тирээпкэ'
 она назвала полотенце һоттор (букв. 'вытирающий').

Названия материалов, из которых шьется одежда, также заимствованы долганями из русского языка: нуукна < рус. сукно > як. сууна, һииссэ < рус. ситец > як. сиидас, һатын < рус. сатин > як. һатын, һолко < рус. шелк > як. солко, кумаас < рус. кумач (назв. материала и цвета).

Вместе с продуктами питания, привезенными в кооператив, вошли в язык их названия: килэп < рус. хлеб (отсюда килэптээ- 'печь хлеб', килэптир онок 'русская печь' (букв. 'хлеб пекущая печь'), килэптир турба 'труба русской печи') > як. килиэп, килиэби буһар- 'выпечь хлеб'; чай < рус. чай (отсюда глагол чайдаа- 'приготавливать чай'); нууска < рус. сушка > як. сууска; һукаар < рус. сухарь > як. суухара; һаакыр < рус. сахар > як. саахар; һакууска < рус. закуска > як. сокууска (кушанья), аһаһын (действие); канһат < рус. конфеты (буус канһат 'леденец') > як. кэмһиэт (дьянкир кэмһиэт); һэпэскэ < рус. лепешка > як. лэһиэскэ; алаадһа < рус. оладья > як. алаады; пирок < рус. пирог > як. бөрүөк; калаачык < рус. калачик > як. халаачык; пирээнһык < рус. пряник > як. бирээнһык; толоко < рус. толокно, жареная на масле мука (отсюда глагол тололоо- 'приготавливать толокно'), як. толокно, эбиэс бурдук.

Заимствованные из русского языка слова можно найти и среди названий различных инструментов и принадлежностей промысла: оһолко 'отточило' < рус. оселок, як. буруус; успуус 'бичева' < сиб. обл. пуск; пүлкү < рус. пуля > як. буулдһа; һистон < рус. пистон > як. һестуөн; патруон < рус. патрон > як. ботуруон; һатрууска 'охотничья принадлежность' < вост. сиб. һатрууска (ремень, к которому прикрепляются все необходимые принадлежности охоты) [Элиасов, 1980, с. 238]; пуорах < рус. порох > як. буорах; дроп < рус. дуроп > як. дуроб > як. доруоп; бирдаакы < рус. берданка > як. разг. бэрдээнтэ; һаһаата < рус. лопата > як. күрдэһ; луом < рус. лом; һаас < рус. пасть (ловушка на песцов) (отсюда һаастаа- 'высматривать, пасти') > як. һаас, һаастаа; ууд < рус. удочка (уудалаа- 'ловить рыбу удочкой'), як. күөгү, күөгүлээ- 'удить'; бырыһан < рус. брезент > як. бириһэн; һымалаа < рус. смола > як. һымала, һабарһай 'древесная смола'; долото < рус. долото > як. долоту, чүчү.

Новые средства передвижения, вошедшие в жизнь долган, также имеют названия, взятые из русского языка: луотка < рус. лодка (отсюда глагол луоткалаа- 'делать лодку'), як. оһоһо (воен.) 'лодка'; катыр < рус. катер; паракот < рус. паропход > як. борокуот; тыһар < рус. трактор; дьараһлаан < рус. аэроплан (сиб. обл. һараһан).

Названия единиц измерения, употребительные в языке, также за-

имствованы из русского языка: пуут < рус. пуд (отсюда пууттаа 'пудовый') > як. уст. буут (бууттаах); пуунта < рус. фунт > муунта; килэ < рус. килограмм, кило (разг.) > як. киилэ (разг.); арсын < рус. аршин (употребляется для названия меры, равной расстоянию между раздвинутыми большим и указательным пальцами — версть) > як. уст. арсын; биэрэтэ < рус. верста > як. биэрэтэ; мизтрэ < рус. метр.

Проникновению в язык долган русских слов способствует то, где с первых же своих шагов учащиеся долганы сталкиваются с новыми, неизвестными им прежде предметами. Для многих из этих предметов заимствуются в языке собственные названия, например: тийс кыра тыр 'зубная щетка' (букв. 'зуб чистящий'), хоттор 'полотенце' ('вытирающий' от хотун — 'вытираться'). Но большинство предметов осваиваются вместе с их русскими названиями. По мере овладения русским языком учащиеся усваивают русское произношение этих слов. Но у взрослого населения сохраняется первоначальное искаженное произношение, что можно было наблюдать в речи Н. М. Простокоровой: оскола < рус. школа > як. оскуола, учиттал < рус. учитель > як. учуутал, учительнииса < рус. учительница > як. учуутал ученик < рус. ученик, як. үөрөх оҕото, үөрэнээччи, кылаас < рус. класс > як. кылаас, тэтэрэткэ < рус. тетрадка, як. тэтэрээт < рус. тетрадь, кинигэ < рус. книга > як. кинигэ, урууска < рус. ручка > як. уруучука, чэрнилэ < рус. чернила > як. чэрэниилэ, карандаас < рус. карандаш > як. хараңдаас, миэл < рус. мел > як. миэл, дбска < рус. доска > як. дуоска, дьусуурнай < рус. дежурная > як. дежурунай, остолубай < рус. столовая > як. остолубай, тэрнаат < рус. интернат, пэримэнэ < рус. перемена, уроок < рус. урок, чаас < рус. час, эбиэт < рус. обед, садаача < рус. записка < рус. буква, букубаар < рус. букварь, баанньа < рус. баня > як. баанньык.

Часть слов, заимствованных из русского языка, попала в язык долган Нюльских в результате деятельности миссионеров. Особой чертой этих слов является то, что они, по сравнению с другими заимствованиями, подверглись гораздо большей фонетической и семантической переработке. Например: пуоп < рус. поп, як. аҕабыт (букв. 'отец-наш'), пуоп архилэй < рус. ерей, лабаслабанныя < рус. благословенье, як. былаҕастабынныя; һээркэп 'часовня' < рус. церковь. В текстах, записанных в Нюльско-Пясинском кочевом Совете, центр которого называется эркэп 'Часовня', в значении 'церковь' употребляется таһара дьуоһо 'божий дом', как в современном якутском языке. Праздник у долган называется таһара күнэ 'день бога', откуда таһара күннээ 'праздник'. як. бараһынньык < рус. праздник, быраһынньыктаа — 'праздник'.

Долганам были известны названия церковных праздников и имена популярных в народе святых: пааска 'пасха', Дьогуор гыраабтый 'Егор храбрый', Ыдья проруок 'Илья пророк'. Народный долганский календарь назывался паскаал < рус. церк. пасхалия [Попов А. А., 1937б, с. 14].

Особенно большой след оставила миссионерская деятельность в собственных именах долган. Все они носят русские имена, например: Анна 'Анна', як. Аана¹; Барбаа 'Барвара', як. Балбаара; Басынай 'Василий', як. Байылай; Биэрэ 'Вера', як. Биэрэ; Гирг^Уорай 'Тригорий'; Гирго, як. Киргизэлэй; Даньыла 'Данила', як. Дайыыл; Дьогуор 'Егор', як. Дьэгүөр; Лисэбиэтэ 'Елизавета', як. Сэбиэ; Лукса 'Александра', як. Элексөөндөра; Олунаас 'Афанасий', Олуныа, як. Охонооһой; Ориина 'Ирина' (из Орина), як. Өрүүнэ; Олүөтэ 'Елена', як. Олүөнэ; Элөөс 'Алексей', як. Элексөй; Паабыл 'Павел', Пааса, Паасакаан, як. Байбал; Палагнай 'Пелагея', як. Алагыай; Пээдэр 'Федор', як. Сүөдэр; Подүөссэ 'Федосья', уменьш. Пөд^Уө, як. Сөдүөччүэй; Пээккэ 'Фекла', як. Бүөкүлэ; Пэргизэй 'Сергей', як. Сэргэй; Пэман 'Семен', як. Сэмэн; Пийдэр 'Сидор', як. Ийдэр; Максым 'Максим', як. Махсым; Марына 'Марина', як. Маына; Маарпа 'Марфа', як. Маашпа; Маарыйа 'Мария', Маасса, Мааһа, як. Маарыйа; Матынай 'Матвей', як. Машынай; Миитрэй 'Дмитрий', як. Миитэрэй; Митарпан 'Митрофан', як. Миитэрэпээн; Настаай 'Анастасия', як. Настаа; Огдоо 'Евдокия', Дуунья, Дуньяаска, як. Огдооччуйа, Уйбаан 'Иван', як. Уйбаан; Ыдья 'Илья', як. Ыдьяа; Рамаан 'Роман', як. Арамаан; Истапаан 'Степан', як. Истапаан; Укуулаай 'Николай' (из народн. Миколай), як. Ньюкулай.

Русские фамилии давались долганам при крещении по фамилии престных отцов, затем они переходили потомкам: Василийэп 'Васильев', Бал'сакоп 'Большаков', Сидэалникап 'Сидельников', Суулап 'Суслов', Сууккин 'Шукин', Дьаруоскай 'Яроцкий'.

В своем кругу долганы часто называют друг друга прозвищами. По старым обычаям новорожденному ребенку, раньше чем выбрать официальное имя, дают прозвище, которое должно обмануть злого духа и тем самым спасти ребенка от гибели. Поэтому новорожденным давали названия самых непривлекательных предметов: кутуйак 'мышь', улбан 'сорожина' (самая последняя рыба по местным понятиям). Среди прозвищ можно встретить и русские слова: усаат 'ушат', паранту < рус. фонарь, пакаал 'бокал', хаатлай 'затхлый', короскай 'корешки' (табак).

¹ Соответствия якутских имен даны по книге: Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1979, с. 200-207.

Как правило, данное при рождении прозвище сопутствовало веку всю его жизнь, хотя нередки случаи, когда ему давали и прозвище, которое по тем или иным причинам оказывалось в данный момент более подходящим. Например, К. Н. Суслев получил прозвище Балли 'слепой' после того, как потерял зрение.

Займствованными из русского языка словами являются и долганские приветствия: дорообо < рус. здорово, доброболос — 'здорово'; драстнай < рус. здравствуй; прастыны 'прощай' (прастылас — 'прощаться') < рус. прости > як бырастыны 'прости' (обращение умершим); прассаай < рус. прощай > як. быраһаай; пасныба < рус. спасибо (пасыбалаа — 'благодарить') > як. баһыныба (баһыныбалаа — 'благодарить').

В словах, заимствованных из русского языка, преобладают названия предметов, хотя по сравнению со словами эвенкийского происхождения можно отметить гораздо большее количество глаголов: думайдаа — 'думать', направлайдаа — 'направлять', балтайдаа — 'идти', говорить пустое', прастылас — 'прощаться'. Как и в якутском языке, русские глагольные основы входят в долганский язык в форме 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения со словообразовательным аффиксом -лаа-. Из других частей речи можно отметить лагательные и наречия (об этом см. разделы "Имя прилагательное" и "Наречие"). Совсем нет местоимений и числительных (единственное слово тыһычча < рус. тысяча).

Слова, заимствованные из русского языка, частично употребляются с измененным значением. Например, русское слово сафьян (пыйаан) приобрело у долган значение 'кожаный пояс, одеваемый оленя'; словом петелька (пэдэлкэ) называется кожаная пряжка на конце маута (аркан для ловли оленей), на котором с ее помощью делается петля. Русское слово воронка (по-долгански боруонка) используется для обозначения носика чайника, в то время как в якутском языке называется якутским словом кутар < кут — 'наливать'.

Есть у норильских долган и парные слова, образованные из нов якутского и русского происхождения: например: дуума-һана — 'мысли', етүе-боскуой 'хороший, пригожий' и др.

Долганский язык, как и якутский, входит в группу тюркских языков, которая принадлежит к числу агглютинативных, т. е. все словообразование и словоизменение происходит в нем путем присоединения к основе словообразовательных и словоизменятельных аффиксов, звуковой состав которых находится в прямой зависимости от фонетического состава основы: подвергается действию законов гармонии гласных и ассимиляции согласных. Основа в процессе словообразования и словоизменения также может подвергаться некоторым фонетическим изменениям под влиянием присоединяемых аффиксов. Например, могут выпадать гласные (агыс 'восемь' + афф. порядковых числительных -ыс: акыс 'восьмой'), после чего происходит стяжение слога и оглушение г. Дифтонг может перейти в широкий гласный (уон 'десять' + афф. -ыс: онус 'десятый'). При присоединении аффикса, начинающегося на гласный, может выпасть корневой гласный основы (диз- 'сказать', диир 'говорит', афф. -иир; длаэ 'скажет', афф. -наэ; дии 'говоря', афф. -э/-ии, дии 'говорение', афф. -ии).

Выше уже говорилось, что при присоединении аффиксов, начинающихся на согласный, происходят изменения конечного согласного основы: уот 'огонь', но уок-ка 'в огне' из уот + -ка (полная регрессивная ассимиляция конечного т начальным -к- аффикса).

Иногда после таких изменений основа принимает совершенно новый вид, причем это не всегда просто объяснимо и ясно видно, например: ас 'пища', но ач-чыт 'кулинар, мастер готовить пищу' (ас + -снт).

В этих примерах переход согласных в совершенно иные звуки по способу, и по месту образования может быть объяснен только после изучения этих форм в их историческом развитии и при том в сравнении с аналогичными формами других тюркских языков как древних, так и современных. Для долган, как и для якутов, нехарактерны префиксы. Исключением являются усилительные частицы при прилагательных и местоимениях. Усилительные частицы при именах прилагательных имеют постоянную форму: повторяется первый слог, который завершается -п: кап-кара 'пречерный', кып-кытаркай 'прекрасный', п-үрүп 'пресветлый'.

При указательных местоимениях также употребляется усилительный префикс -h: һубу 'именно этот' от бу 'этот'; һол 'именно тот' (дальний) от ол 'тот'; һити 'именно тот' (большой) от ити 'тот'.

От этих указательных местоимений образовались наречия: һаман-а 'именно здесь, сюда', һонно 'именно там, туда', По-видимому, под влиянием таких форм в долганском языке образовались и другие

наречия с этим же наращением: һаныкаан 'сейчас же' от аны перь' + -каан.

В языке норильских долган можно наблюдать слитное проявление указательного местоимения бу с определяемым им словом, при указательное местоимение бу нередко подвергается регрессивному действию закона гармонии гласных. Например: бого ∞ бо ого и ого 'это дитя'.

Таковы замечания, которые можно сделать о самой структуре слова.

В настоящей работе рассмотрены следующие части речи: ме-именя, имена существительные, имена прилагательные, числительные, глагол, наречия, послелого, частицы.

Существовали различные классификации частей речи якутского языка. Автор первой научной грамматики якутского языка акад. Бётлингк расположил все грамматические формы, исходя из их изменений: склонения, спряжения и неизменяемости [Böhtlingk

Имена

Образование: 1) односложные именные основы; фиксы для образования имен — омертвевшие и жизнедеятельные соединяемые: а) к глаголам, б) к именам.

Изменение: 1) склонение, 2) наречия и послелог образованные от имен.

Числительные.

Образование.

Изменение.

Местоимения.

Образование.

Изменение: 1) склонение, 2) местоименные наречия, послелого и частицы.

Глагол.

Образование: 1) перечень неразложимых глагольных основ: односложных, двусложных, трехсложных, четырехсложных; 2) производные глагольные основы.

Изменение: 1) *verbum finitum*; 2) дееспричастия, 3) неизменяемые (наречия, послелого).

Вопросительные аффиксы.

Эта схема, внешне такая стройная, внутренне скрывает некоторую непоследовательность. В ней не учтено, что глагольные имена (причастия) имеют сложное словоизменение. Их формообразовательные аффиксы являются показателями времен глаголов, а аффиксы принадлежности и сказуемости указывают на лицо деятеля, следовательно, выражают изменение по лицам. Иными словами, глагольные имена (причастия) несут показатели изменения глагола по временам и лицам, что составляет понятие спряжения глагола. Но они еще и склоняются. Именно за это О. Н. Бётлингк и отнес их к именам и исключил из парадигмы спряжения глагола [1851, § 511]. Однако в "Синтаксисе" [там же, § 724-755] глагольные имена пришлось вернуть в систему глагола, формами которого они являются (наряду с окончательными и деепричастиями) несмотря на падежные формы.

Полностью повторил эту схему частей речи в якутском языке С. В. Ястремский [1900], в грамматике которого приведены и переводы параграфов труда О. Н. Бётлингка, содержащих обоснования. В последующих грамматиках якутского языка система глагола давалась по схеме русских практических грамматик, но в теоретической части некоторые авторы продолжали следовать схеме О. Н. Бётлингка [Поше, 1926].

Отдал дань этому и Л. Н. Харитонов [1947]. Хотя в самом изложении грамматического материала он придерживался традиционной схемы практических грамматик, в вводной части Л. Н. Харитонов все же отметил, что грамматически все слова якутского языка делятся на имена, глаголы и неизменяемые. Правда, он также указал, что между ними есть промежуточные формы. Но тем не менее в основе такого деления лежит словоизменение [Харитонов, 1947, с. 93]. Поэтому Л. Н. Харитонов выделяет глагольные имена и помещает их после глагола [1947, с. 223].

Если брать словоизменение, как единственный признак, то классификацию слов по частям речи в якутском языке провести совершенно невозможно, так как спрягаемость не является исключительной особенностью глагола, как и склоняемость не является исключительной особенностью имени. Многие группы имен могут принимать аффиксы сказуемости, образуя так называемое именное спряжение, как и многие чисто глагольные формы являются ничем иным, как падежными формами многочисленных так называемых причастий. Например:

Формы спряжения

Имя существительное

ага-бын 'я отец'
ого-гун 'ты дитя'

Глагол

бара-бын 'я уйду'
була-гын 'ты находишь'

Таксар-бар 'в моем выходе (чума)'
(место действия)

таксар-бар 'когда я выйду'
(время действия)

Степень распространения этих явлений для той или иной части речи разная. Даже склоняемость, свойственная именам, неодинакова в каждой их группе. Наиболее полно и развернуто выявляется это свойство в именах существительных, которые имеют две формы склонения: безличную и лично-притяжательную. Лично-притяжательное склонение местоимений характерно лишь для отдельных их групп. Любая падежная форма причастий, выражающих временные отношения, имеет совсем другое значение, чем аналогичная имени существительного. Кроме того, личный показатель в составе ее падежного аффикса выражает предикативные отношения. Поэтому лично-притяжательное склонение причастий может быть названо предикативным. Оно наблюдается и у прилагательных [Убратова, 1976а, 1981, с. 2]. То же самое можно сказать и о спрягаемости. Присоединение аффиксов сказуемости к именам существительным наблюдается лишь при именном сказуемом, то только в тех случаях, когда речь идет о настоящем времени, например: мин киһи-бин 'я человек', но мин киһи этим 'я человек'.

В прошедшем времени аффикс сказуемости принимает вспомогательный глагол, выражающий временной оттенок. Причем предикативность передается аффиксом, который присоединяясь к именам, является лишь личным притяжением. В глагольных формах аффиксы сказуемости многообразней и распространены гораздо больше, чем в именах, к некоторым группам которых (например, к личным местоимениям) не присоединяются. Распространенность этого явления объясняется тем, что главная роль глагольных форм в предложении — сказуемое.

Преимущественная синтаксическая роль той или иной части речи имеет решающее значение и для ее морфологического строя. Но и наоборот, одна не может быть основным признаком для отнесения слова к той или иной части речи. Для этого должны быть учтены: значение слова, его морфология, роль в предложении и способы связи с другими словами.

Вследствие того, что ранее существующие классификации основаны на словоизменении, прилагательные в них, например, до сих пор не упоминались, либо их причисляли к именам существительным и рассматривали вместе с ними. Если же взять совокупность всех признаков, то окажется, что прилагательное является самостоятельной частью речи (о чем см. на с. 129). Поэтому практически грамматика по якутскому языку выделяют прилагательное как особую

часть речи [см., например, Kunde, 1934, с. 83; Афанасьев и др., 1972, с. 42].

В настоящей работе описание частей речи долганского языка традиционно, с учетом основных признаков, характеризующих слово со стороны его морфологии, значения, роли в предложении и способа связи с другими частями речи.

Обзор частей речи начинается с местоимений, что несколько необычно для работ такого рода, но это обусловлено особенностями долганского языка. Местоимения являются у долган, как и в самом якутском языке, той частью, которая, оформляя в разной мере все другие (за исключением частиц и некоторых междометий) проникает в весь строй языка. Выделение местоимений на первое место дает возможность не возвращаться к ним в процессе дальнейшего изложения.

Рассмотрение местоимения в некоторых грамматиках якутского языка после имени существительного было неудобно тем, что фактически оно вклинивалось в имя существительное, так как после него рассматривалось лично-притяжательное склонение [Böhtlingk, 1851, § 435; Ястремский, 1900; Поше, 1926, с. 75]. Это привело к тому, что появилась особая часть речи — притяжательное имя [Kirgialejev, 1938, с. 79].

М е с т о и м е н и е

Личные местоимения

В языке норильских долган имеются следующие личные местоимения:

мин 'я'	биниги 'мы'
эн 'ты'	эниги 'вы'
гини (нини) 'он'	гинилэр 'они'.

От литературного якутского языка отличается только местоимение 3-го лица единственного и множественного числа, которое имеет в начале звонкий согласный, в то время как в якутском языке ему соответствует глухой (кини, кинилэр). Очень часто в индивидуальном произношении это начальное г- переходит в н-. В косвенных же падежах, особенно в винительном и творительном, переход начального г- в н- еще более распространен (нинини 'его', ниннэ 'ему', нининан 'им'), хотя н- в начале слова встречается очень редко.

Формы косвенных падежей личных местоимений у долган имен, которые отличия от литературного якутского языка (см. табл. 3).

Как показывает табл. 3, отличия долганских падежных форм литературных якутских фонетические. В долганском языке конечный -н основы личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа во всех косвенных формах переходит в нь-, в якутском — в носовый й [Малов, 1951, с. 356, 410, 411; Böhtlingk, 1851, § 180, 434; Харитонов, 1947, с. 157; Убрытова, 1960а, с. 96; Дьячковский, с. 37], который на письме не воспроизводится. На то, что это существует и по-разному (в диалектах) проявляется, указывают падежные формы для 1-го и 2-го лица единственного числа, приведенные в табл. 3, а также в работе Н. С. Григорьева [Kirgielejer, 1910, S. 87], где в падежных формах для 1-го лица й не передается, для 2-го передается пј, то есть как в долганском языке (нь).

Морфологические различия сводятся к тому, что у долган в именном личном местоимении отсутствуют падежные формы совместности падежа. Понятия совместности для местоимений у долган передается послелогом гытта 'вместе', управляющим винительным падежом:

миньигин гытта 'со мной'	бинигини гытта 'с нами'
эньигин гытта 'с тобой'	энигини гытта 'с вами'
нинини ∞ гинини гытта 'с ним'	гинелэри гытта 'с ними'.

Связь якутских личных местоимений 1-го и 2-го лица ед. числа с тюркскими давно обстоятельно доказана в работах О. Н. Лингга, В. В. Радлова и С. В. Ястремского. Но личное местоимение 3-го лица было и остается для исследователей загадкой. По своему происхождению оно не связано с личным местоимением 3-го лица одного из тюркских языков, в большинстве которых функцию личного местоимения выполняет указательное местоимение ол 'тот' [см., напр.: Дмитриев, 1939, с. 31]. По образованию множественного числа а также по своим формам косвенных падежей местоимение кини 'он' приближается к именам существительным.

Из попыток объяснить образование личного местоимения 3-го лица ед. числа в якутском языке интересно предположение В. В. Радлова о том, что якутское местоимение кини 'он' является новообразованием, возникшим на якутской почве из существительного кини 'человек' [Radloff, 1908, S. 33-34]. Свой вывод В. В. Радлов подтверждает совпадением форм дательного падежа существительного 'человек' и местоимения кини 'он'.

С. Е. Малов сопоставил якутское местоимение кини 'он' с существительным кини 'пуховина', к которому возвел и местоимение түү 'сам' [1951, с. 399]. Это трудно доказать из-за отсутствия ответственности гласных ä ∼ i в данных словах.

Склонение личных местоимений долганского и якутского языков ¹

Основной ²	Частный	Выявительный	Дательный	Исходный	Совместный	Творительный	Сравнительный
МИН 'Я'	-	МИНЬГИН	МИНЬЛЭХЭ	МИНЬГИГТЭН	-	МИНЬГИНЭН	МИНЬГИННЭЭГЭР
ЯК. МИН	-	МИГИНИН	МЭХЭ	МИГИТТЭН	МИГИНИН	МИГИНЭН	МИГИННЭЭГЭР
ЭН 'ТЫ'	-	ЭНЬГИН	ЭНЬЛЭХЭ	ЭНЬГИГТЭН	-	ЭНЬГИНЭН	ЭНЬГИННЭЭГЭР
ЯК. ЭН	-	ЭЙГИН	ЭЙХЭ	ЭЙГИТТЭН	ЭЙГИНИН	ЭЙГИНЭН	ЭЙГИННЭЭГЭР
ГИНИН 'ОН'	-	КИНИН	ГИНИЛЭХЭ	ГИНИТТЭН	-	КИНИНЭН	ГИНИТЭЭГЭР
[НИНН]	-	[ГИНИН]	[КИНИЛЭХЭ]	-	-	[ГИНИНЭН]	[КИНИНЭЭГЭР]
ЯК. КИНИ	-	КИНИ	КИНИЛЭХЭ	КИНИТТЭН	КИНИН	КИНИНЭН	КИНИТЭЭГЭР
БИГИЛИ 'МЫ'	-	БИГИЛИНИ	БИГИЛЭХЭ	БИГИЛИТТЭН	-	БИГИЛИНЭН	БИГИЛИННЭЭГЭР
ЯК. БИГИЛИ	-	БИГИНИ	БИГИЛЭХЭ	БИГИТИТТЭН	БИГИНИН	БИГИНЭН	БИГИННЭЭГЭР
ЭЙГИ 'ВЫ'	-	ЭЙГИНИ	ЭЙЛЭХЭ	ЭЙГИТТЭН	-	ЭЙГИНЭН	ЭЙГИННЭЭГЭР
ЯК. ЭЙГИ	-	ЭЙГИНИ	ЭЙХЭ	ЭЙГИТТЭН	ЭЙГИНИН	ЭЙГИНЭН	ЭЙГИННЭЭГЭР
ГИНИЛЭР	-	ГИНИЛЭРИ	ГИНИЛЭРГЭ	ГИНИЛЭРТЭН	-	ГИНИЛЭРИНЭН	ГИНИЛЭРДЭЭГЭР
'ОНИ'	-	КИНИЛЭРИ	КИНИЛЭРГЭ	КИНИЛЭРТЭН	КИНИЛЭРИН	КИНИЛЭРИНЭН	КИНИЛЭРДЭЭГЭР
ЯК. КИНИЛЭР	-	КИНИЛЭРИ	КИНИЛЭРГЭ	КИНИЛЭРТЭН	КИНИЛЭРИН	КИНИЛЭРИНЭН	КИНИЛЭРДЭЭГЭР

¹ Формы склонения личных местоимений в якутском языке взяты из книги Л. Н. Харитонова "Современный якутский язык. Ч. I. Фонетика и морфология" (Якутск, 1947, с. 157).

² Русские названия падежей в якутском языке - общепринятые.

Производные от личных местоимений

От личных местоимений могут быть образованы формы, которые по своему значению, роли в предложении и связи с другими словами вернее было бы отнести к прилагательным. Но они в то же время тесно связаны с личными местоимениями.

1. Личное местоимение с аффиксом **-ник** образует:

миньгинник 'такой, как я'	биһгинник 'такой, как мы'
эньгинник 'такой, как ты'	эһгинник 'такой, как вы'
гинник 'такой, как он'	гинилэрдик 'такой, как они'

Множественное число

миньгинниктэр 'такие, как я'	биһгинниктэр 'такие, как мы'
эньгинниктэр 'такие, как ты'	эһгинниктэр 'такие, как вы'
гинниктэр 'такие, как он'	гинилэрдиктэр 'такие, как они'

2. С аффиксом **-нээги** (и т.д.) образуются:

миньгиннээги 'у меня находящийся'	биһгиннээги 'у нас находящийся'
эньгиннээги 'у тебя находящийся'	эһгиннээги 'у вас находящийся'
гининнээги 'у него находящийся'	гинилэрдээги 'у них находящийся'

С этим же аффиксом **-таагы** от притяжательных местоимений **миньээнэ, эньээнэ, гинээнэ, биһээнэ, эһээнэ** образуются следующие формы:

миньээннээги 'в моей стороне находящийся'
эньээннээги 'в твоей стороне находящийся'
гинээннээги 'в его стороне находящийся'
биһээннээги 'в нашей стороне находящийся'
эһээннээги 'в вашей стороне находящийся'
гинилэрдээги 'в их стороне находящийся'

3. С аффиксом **-мсак** образуются:

миньгинмсак 'любящий меня'	биһгинмсак 'любящий нас'
эньгинмсак 'любящий тебя'	эһгинмсак 'любящий вас'
гинимсак 'любящий его'	гинилэримсак 'любящий их'

Все производные формы от личных местоимений в долганском языке указаны Ф.Г.Васильевой. Они требуют особого контекста и встречаются не часто. Все приведенные формы есть в "Словаре долганского языка" Э. К. Пекарского [см. стр. 476, 1093, 1568].

Аффиксы принадлежности

Семантически и генетически с личными местоимениями связаны аффиксы принадлежности — форманты, выражающие атрибутивные отношения по признаку принадлежности лицу или предмету в именных формах предикативные отношения в глаголе. По своему составу они совпадают с якутскими (см. табл. 4).

Аффиксы принадлежности 1-го и 2-го лица ед. числа совпадают начальной согласной аффикса сказуемости, а во мн. числе совпадают с ним полностью (см. ниже, с. 78).

К именам притяжательные аффиксы присоединяются в форме мн. числа после аффиксов мн. числа. Например: таба-лар-ы-м 'мои олени', тар-ыи 'твои собаки', аан-нар-ым 'мои двери', үөр-дэр-им 'мои гала'.

Притяжательные аффиксы 3-го лица ед. числа от имен, имеющих аффикс мн. числа, и аффикс 3-го лица мн. числа совпадают, так как притяжательный аффикс 3-го лица мн. числа состоит из аффикса мн. числа -лар и притяжательного аффикса ед. числа: табалар-а 'его олени', таба-лара 'их олени'.

Имена с притяжательными аффиксами могут иметь в качестве определения личные местоимения, но могут быть и без них. Мин огом и огом одинаково означают 'мое дитя'. Вместо личного местоимения 3-го лица гини в сочетании гини һыргата 'его нарта' можно подставить любое существительное, например эмээксин һыргата 'нарта тарухи'. При этом существительное само может иметь любые притяжательные аффиксы, например: мин агам танаһа 'моего отца одежда', и догоруһу һыргата 'твоего товарища нарта', биһиги оскуолабыт ана 'нашей школы дверь', эһиги эһэбит һассата 'вашего дедушки рубка'.

Такое сочетание является наиболее распространенным способом связи определения с определяемым словом в конструкциях, выражающих принадлежность одного предмета другому (изафет).

Если притяжательные аффиксы 1-го и 2-го лица обоих чисел все исследователями-тюркологами рассматриваются как образовавшиеся в личных местоимениях (достаточно просмотреть работы О. Н. Бётлинка, В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского, Н. Ф. Катанова, В. А. Бородицкого), то в отношении происхождения притяжательного аффикса 3-го лица единого мнения нет. Загадочным он является уже потому, что, сохраняя во всех тюркских языках одну и ту же форму (лишь фонетически видоизменяясь), не обнаруживает ни в одном из этих языков связи с личным местоимением 3-го лица ед. числа, которое во многих языках отсутствует, и в его роли выступает указательное местоимение.

Т а б л и ц а 4

Аффиксы принадлежности

После гласных

Единственное число

1-е л. -м

2-е л. -н

3-е л. -га, -тэ, -то, -тө

-ым, -эм, -ум, -үм 'мой,

-ың, -ың, -уң, -үң 'твой'

-а, -э, -о, -ө 'его'

Множественное число

1-е л. -быт (и т.д.)

2-е л. -гыт (и т.д.)

3-е л. -лара (и т.д.)

-быт (и т.д.), -шыт (и т.д.), -мыт (и т.д.) 'наш'

-гыт (и т.д.), -кыт (и т.д.), -ныт (и т.д.) 'ваш'

-лара (и т.д.), -тара (и т.д.), -нара (и т.д.), -дара (и т.д.) 'их'

Примеры

Единственное число

1-е л. табам 'мой олень'

2-е л. табан 'твой олень'

3-е л. табата 'его олень'

ытым 'моя собака'

ытың 'твоя собака'

ыта 'его собака'

үөрүм 'мое стадо'

үөрүң 'твое стадо'

үөра 'его стадо'

Множественное число

Н. Н. Поппе в своей работе "Turkisch-Tschuwasische vergleichende Studien" [1923, с. 422-427] возводит аффикс 3-го лица ед. числа к некогда существовавшему и теперь утраченному самостоятельному местоимению *i, которое сохранилось в маньчжурском языке. В. А. Богородицкий высказал гипотезу "о родстве притяжательного аффикса 3-го лица с окончанием винительного падежа" [1934, с. 103]. К. Грёнбек считал этот аффикс артиклем [Grönbeck, 1936, § 92]. Долганско-кутские материалы позволяют сделать другое предположение. В якутском языке притяжательный аффикс -тао -а принимает имя существительное при отрицании. При этом здесь он не имеет значения притяжательного аффикса 3-го лица. Например:

табата һуокпун 'оленья неимеющий я' (букв. 'оленья-его неимеющий')

буура һоккун 'быка ездового неимеющий ты' (букв. 'быка-его неимеющий-ты')

нта һуок 'собаки неимеющий-он', но и 'собаки-его нет'

агата һуокпунт 'отца-его неимеющие мы'

иньэҕэ һуоккунт 'матери-его неимеющие вы'

уола һоктар 'сына-его неимеющие они'

Если сравнить эти примеры отрицания обладания с примерами

отрицания наличия:

табаһа һуок 'мой олень отсутствует, моего оленя нет'

буурун һуок 'твой бык ездовой отсутствует, твоего быка нет'

нта һуок 'его собака отсутствует, его собаки нет'

агабыт һуок 'наш отец отсутствует, нашего отца нет'

иньэҕит һуок 'ваша мать отсутствует, вашей матери нет'

уоллара һуок 'их сын отсутствует, их сына нет',

то можно сделать вывод, что притяжательный аффикс 3-го лица в первом случае имеет значение принадлежности без указания на лицо (в данном случае именно и отрицается факт принадлежности, обладания).

В такой отрицательной конструкции могут быть употреблены и личные местоимения:

миньигинэ һуок 'без меня' биһигинэ һуок 'без нас'

эньигинэ һуок 'без тебя' эһигинэ һуок 'без вас'

гинитэ һуок 'без него' гинилэрэ һуок 'без них'

миньигинэ һуоккун 'ты без меня' (ты меня неимеющий)

миньигинэ һуок бар 'иди без меня'.

Отрицание наличия дается также в другой форме:

мин һуокпун 'меня нет' биһиги һуокпунт 'нас нет'

эһ һуоккун 'тебя нет' эһиги һуоккунт 'вас нет'

гини һуок 'его нет' гинилэр һуоктар 'их нет'.

То есть опять в первом случае аффикс -эс -та выражает безличную принадлежность, а указание на лицо во втором случае дает аффикс сказуемости, даже фактом своего отсутствия в 3-м лице ед. и мн. числа.

С таким же значением выступает этот аффикс, как увидим из (с. 90), в притяжательных местоимениях, где он подчеркивает принадлежность, а указание на лицо заключают в себе местоименные основы. Это же значение обнаруживает притяжательный аффикс 3-го лица и в сочетаниях определения с определяемым, выражающих принадлежность, о которых говорилось выше. Что это так, подтверждает и то, что после притяжательного аффикса 3-го лица ед. и мн. числа могут присоединяться аффиксы сказуемости (см. с. 89), которые после притяжательных аффиксов 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа никогда не присоединяются: эн догор-у-н 'твой друг', мин догор-бун 'я друг', мин эн догор-о-бун 'я твой друг', эниги догор-торгут 'ваши друзья', биһиги догортор-обут 'мы - ваши друзья' (и наши друзья)', биһиги эниги догортор-обут 'мы - ваши друзья'.

По-видимому, обозначение принадлежности без отношения к лицу и было более раннее значение этого аффикса, который лишь в следствии, с появлением личного местоимения 3-го лица, стал называться как притяжательный аффикс.

У долган, как и в якутском языке, принадлежность может быть много степеней выражения, например: токус таба-та 'олень эвенка', токус таба-тын һуола 'след оленя, принадлежавшего эвенку', хаа-тын каата 'чехол ружья, принадлежавшего моему отцу', кызы сон-ун сизгэ 'рукав пальто моей матери'. В этом случае принадлежность определяемых слов предшествующим определениям передается помощью аффиксов -тын, -ни, которые являются, как это доказано С. В. Ястремский [1900, с. 87], аффиксами родительного падежа.

При склонении сочетания личного местоимения с именем существительным, имеющим притяжательный аффикс, личное местоимение во всех падежах остается без изменения, а притяжательный аффикс во-первых, теряет соединительный (для 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа) гласный и подчиняется фонетическим правилам (ассимиляции согласных и гармонии гласных), во-вторых, сливается с падежными аффиксами, образуя особые аффиксы лично-притяжательного склонения.

Степень слияния притяжательных аффиксов в различных падежных формах неодинакова. Например, в дательном падеже лично-притяжательного склонения притяжательные аффиксы 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа совершенно слились с падежным аффиксом -бар, -бар, -бар, -бар, -пар (и т.д.), -мар (и т.д.), а 1-го и 2-го лица мн. числа не только не слились, но имеют еще и соединительный гласный: -бытыгар, -битигэр, -бутугар, -бүтүгэр. Например:

Основной	табам 'мой олень'	табабыт 'наш олень'
Винительный	табабын	табабытын
Частный	табатына	табабытына
Дательный	табабар	табабытыгар
Исходный	табабыттан	табабытыттан
Творительный	табабынан	табабытынан
Сравнительный	табабынаагар	табабытынаагар

О. Н. Бётлингк рассматривал падежные аффиксы притяжательного склонения как аффиксированные притяжательные местоимения [1851, § 435]. Поэтому он дал их особую парадигму сразу после склонения личных местоимений. Так же поступил С. В. Ястремский в своей "Грамматике якутского языка" [1900, с. 85]. Н. Н. Поше, следующий за С. В. Ястремским, тоже описывает падежные аффиксы притяжательного склонения в местоимениях, но называет таблицы их (сделанные по образцу С. В. Ястремского) "Склонение именных основ с притяжением" [1926, с. 77]. В практических грамматиках притяжательные аффиксы рассматриваются как особенность падежных форм.

Д. Хитров, характеризуя якутское склонение имен существительных, пишет: "Падежи в якутском языке, по значению своему, разделяются на простые или неопределенные, на притяжательные или личные" [1858, с. 12].

Термины родства с аффиксами принадлежности принимают частицы -аак (-ээк, -оок, -өөк), восходящие к аффиксу обладания -лаак, с которым выражают понятие группы людей, относящихся к лицу, выраженному термином родства. В языке норильских долган частица -аак сливается с основным словом и подчиняется гармонии гласных:

Мин агамаакка барыам. 'Я пойду к моему отцу и его семье'.

Мин иньэмээккэ барыам. 'Я пойду к моей матери и ее людям'.

Мин огомоокко барыам. 'Я пойду к семейству моего дитяти'.

Агатынаак нинини таайбаттар. 'Отец его и его семья его не узнают'.

Бу эмээхсин эһэтиээк хаһаан оморор. 'Семейство бабушки этой старухи веснует (проводит весну)'.

Для всех лиц мн. числа эти формы малоупотребительны. Притяжательные аффиксы очень часто употребляются с глаголами, например:

Прошедшее совершенное время

Единственное число

Множественное число

1-е л. мин кэлли-м 'я пришел'

биһиги кэлл-и-бит 'мы пришли'

2-е л. эн калли-н 'ты пришел'

эһиги кэлли-гит 'вы пришли'

3-е л. гини кэлл-э 'он пришел'

гинилэр кэлли-лэр 'они пришли'

По справедливому замечанию О. Н. Бётлингка [1853, с. 414] притяжательные аффиксы выступают здесь в роли аффиксов сказуемости.

В современных грамматиках их и называют усеченными аффиксами [Баскаков, 1975, с. 197].

Аффиксы сказуемости

Аффиксы сказуемости присоединяются к именному сказуемому посредством согласования с подлежащим выражают предикативные суждения в предложении:

мин балыксып-пын 'я рыбак'	бииги балыксыттар-быт 'мы рыбаки'
эн балыксык-кын 'ты рыбак'	эниги балыксыттар-гыт 'вы рыбаки'
гини балыксыт 'он рыбак'	гинилэр балыксыттар 'они рыбаки'

Они подвергаются действию закона гармонии гласных (в первом примере все гласные заднего ряда) и ассимиляции согласных I-ом и 2-ом лице ед. числа конечный т имени существительного чальные согласные аффиксов -бын и -гын подвергаются взаимной рессивно-прогрессивной ассимиляции).

В некоторых тюркских языках (тувинском) [Исхаков, Палы 1961, с. 426] вместо аффиксов сказуемости употребляются личные окончания. Это древний способ оформления сказуемого, сохранившийся от древнеуйгурского языка [Убрятова, 1980, с. 21]. В долганском языке, как и в якутском, в этом случае употребляются специальные аффиксы, которые в данных языках могут считаться поздними образованиями. Аффиксы 2-го и 3-го лица ед. и мн. числа можно возвести к аффиксам принадлежности, которые также употребляются в роли аффиксов сказуемости при некоторых глагольных формах (см. выше). Позднее во множественном числе стал употребляться аффикс -лар, который в данном случае приобрел личное значение, распространился и на другие части речи.

Аффиксы сказуемости присоединяются ко всем частям речи, употребляющимся в роли сказуемого. К именам существительным, прилагательным, именам наличия баар, отрицания суох, обладания на и некоторым другим частям речи аффиксы сказуемости присоединяются тогда, когда сказуемое выражает свойство, проявляемое в данный момент вообще присущее данному предмету. Например:

мин киһибин 'я - человек'	бииги суокут 'мы отсутствуем'
эн улаканнын 'ты - большой'	эниги оголоокут 'вы имеете дело'
кини баар 'он есть'	кинилэр иккис-тэр 'они вторичны'

Если сказуемое, выраженное данной частью речи относится к определённому времени, то оно передается глагольной связкой в соответствующем времени: мин киһи буолуом 'я буду человеком', эн баар эл 'ты был в наличии'.

Вопросительные местоимения усиливаются вопросительными (а точнее усилительными) аффиксами: Туок-кун-уй? 'Что ты есть?' [Огдо Аксенова, 1973, с. 37]. Эн канна-гын-ай? 'Ты где же?'. В последнем примере сказуемое выражено вопросительным наречием. Ответом на вопрос может быть предложение со сказуемым-наречием (исторически указательным местоимением в местном падеже): мин маннабын 'я здесь'.

В глагольных сказуемых употребление аффиксов сказуемости не имеет данного ограничения во временном употреблении, например: мин барабын 'я ухожу' (настоящее время изъявительного наклонения), эн барыккын 'оказывается ты ушел' (прошедшее результативное), гини барааччы 'он обычно уходит' (обычно совершаемое действие), биһиги барыһыбыт 'мы, по-видимому, уйдем' (возможность действия в будущем).

Большая часть деепричастий, выступающих в роли второстепенных сказуемых в простом предложении или сказуемых в зависимом, оформляются с помощью аффиксов сказуемости. Например:

Деепричастие на -ан

Бүгүн һылдыаммын тугу булбатым 'Сегодня ходив-я, ничего не нылел' (деепричастие һылдыаммын - афф. -ан).

Мин етүе буоламын элбөтүм 'Я хорошим будучи, не умер-я' (деепричастие етүе буоламын 'будучи хорошим', связка в именном зависимом предложении - та же форма на -ан).

Деепричастие на -а

Бу тэлгэнэ-тэлгэнэлэр диэбиттэр 'Вот расстилая-расстилая-они, сказали' (деепричастие на -э с аффиксом сказуемости всегда бывает удвоенным, как и в якутском языке, вероятно, для того, чтобы не совпало с формой настоящего времени).

Билимийэбин 'не зная-я' (деепричастие на -мыйа).

Аффиксы сказуемости могут присоединяться и после аффиксов принадлежности определительного сочетания, оформленного ими. Так, сочетания Гирго огото 'дитя Григория', Гирго оголоро 'дети Григория' могут принимать аффиксы сказуемости:

мин Гирго оготобун 'я дитя Григория'

эн Гирго оготогун 'ты дитя Григория'

биһиги Гирго оголоробут 'мы дети Григория'

эһиги Гирго оголорогут 'вы дети Григория'.

То же самое и при множественном числе определения:

һэттэ кутурук иньэлэрэбин 'я мать семи волков'.

Притяжательные местоимения

Эту группу местоимений С. В. Ястремский называет "самостоятельными притяжательными местоимениями" [1900, с. 75]. В якутских долган, как и в якутском, они образованы от личных местоимений путем присоединения аффикса -иэнэ: миньиэнэ 'мой', эиэнэ 'твой', гиниэнэ 'его', биһиэнэ 'наш', эһиэнэ 'ваш' [Böhtlingk 1851, § 426]. Таким же способом образовано от вопросительного местоимения кем 'кто' вопросительное же местоимение кимизэнэ 'чей'. О. Н. Бётлингк рассматривает словообразовательный аффикс притяжательных местоимений как составной, состоящий из аффикса собирательных числительных -иэн и аффикса принадлежности 3-го лица числа [1851, § 426]. Это повторено С. В. Ястремским [1900, с. 75].

В якутском языке перечисленным выше притяжательным местоимениям соответствуют: минэ 'мой', эиэнэ 'твой', киниэнэ 'его', биһиэнэ 'наш', эһиэнэ 'ваш', кимизэнэ 'чей'. Из сопоставления видно, что различия притяжательных местоимений долганского и якутского языков, как и личных местоимений, фонетические. В отличие якутских долганские притяжательные местоимения употребляются в качестве определений при имени, которое в этом случае должно иметь притяжательный аффикс. Например:

миньиэнэ убайым 'мой старший брат'

эһиэнэ эриң - миньиэнэ балтым 'твой муж - мой младший брат'

гиниэнэ корубата 'его корова'

биһиэнэ ыһаакпыт 'наш закон'

эһиэнэ наһагыт 'ваше слово'.

Как и личные, притяжательные местоимения у долган обозначают принадлежность тому или иному лицу. Разница в значении: минэ 'мой дом', миньиэнэ дьээм 'мне принадлежащий дом'. Но она настолько незначительна, что для выражения понятия 'мой дом' долгане пользуются ту и другую форму.

Притяжательные местоимения могут употребляться в роли самостоятельного: Бу дьээ - миньиэнэ 'Этот дом - мой'.

По форме и по содержанию они совпадают с притяжательными местоимениями чувашского языка, которые приводит Н. И. Ашмарин в своей книге "Материалы для исследования чувашского языка" [1891, с. 191]:

мананне, манане 'мой', долг. миньиэнэ, як. минэ;

сананне, санане 'твой', долг. эһиэнэ, як. эиэнэ;

унанне, унане 'его', долг. гиниэнэ, як. киниэнэ.

Н. И. Ашмарин, разбирая данную форму, пишет, что самостоятельные притяжательные местоимения образуются из личных местоимений

ний в форме родительного падежа присоединением притяжательного аффикса 3-го лица ед. числа, т. е. так же, как в якутском и долганском языках. В других тюркских языках [Мелиоранский, 1894, с. 41] они образуются также от формы родительного падежа личных местоимений с аффиксом -ки (бизинки 'наш'). В якутском языке это местоимение, так же как и в некоторых других тюркских языках, употреблялось как личное, почему и вошло в состав якутских личных местоимений. Оно явственно выступает в местоимении 1-го лица мн. числа (биһиги 'мы' < тюрк. бизинки) [Ястремский, 1900, с. 76] и формах косвенных падежей местоимений 1-го и 2-го лица ед. числа (миньигин 'меня', эньигин 'тебя'). Поэтому аффикс притяжательных местоимений -ан в якутском (долганском) языке можно рассматривать как стяженную форму утраченного родительного падежа от этих местоимений на -ти-н. Аффикс принадлежности 3-го лица ед. числа -э выполняет в данном случае только словообразовательную функцию - образование притяжательных местоимений. Использование притяжательных аффиксов для образования притяжательных местоимений в тюркских языках известно [Исхаков, 1956а, с. 232]. Лицо, к которому относится принадлежность, выражается личным местоимением. В "Грамматике современного якутского литературного языка" [1982, с. 210] объясняется происхождение притяжательных местоимений от личных присоединением частицы принадлежности киэнэ. В долганском языке притяжательный посделог восходит к возвратным местоимениям kendim и т.д. [Gabain, 1974, s. 101], сохранившимся в разговорной речи долган (см. с. 92).

Таким образом, долганы из материала якутского языка создали форму притяжательного местоимения, аналогичную эвенкийской.

В текстах, записанных у долган, эта форма имеет широкое распространение. И трудно определить, кто употребляет ее чаще: те, кто считают себя тунгусами, но говорят по-долгански, или те, кто считают себя настоящими долганами. Но долганка Ф. Г. Васильева указала, что так говорят тунгусы (имея в виду эвенкийскую группу долган).

Кроме этих притяжательных местоимений в языке долган есть другая форма притяжательного местоимения, которую можно назвать самостоятельной. Она образуется из сочетания личного местоимения со словом гиэн-, имеющим значение 'принадлежащий', 'принадлежность' и принимающим при этом притяжательный аффикс:

- мин гиэним 'мой, мне принадлежащий',
- эн гиэнин 'твой, тебе принадлежащий',
- гини гиэнэ 'его, ему принадлежащий',
- биһиги гиэммит 'наш, нам принадлежащий',

Т а б л и ц а 5

Склонение самостоятельных притяжательных местоимений

Падеж	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Единственное число основы гүэн- и единственное число лично-притяжательных аффиксов			
Основной	мин гүэн-им	эн гүэн-ин	гүни гүэн-э
Винительный	'мой собственный'	'твой собственный'	'его собственный'
Дательный	мин гүэм-мин	эн гүэн-нин	гүни гүэн-ин
Исходный	мин гүэм-мэр	эн гүэн-нёр	гүни гүэн-и-гэр
Творительный	мин гүэм-ми-гтэн	эн гүэн-ни-гтэн	гүни гүэн-и-гтэн
Сравнительный	мин гүэм-ми-нэн	эн гүэн-ни-нэн	гүни гүэн-и-нэн
	мин гүэм-ми-нээгэр	эн гүэн-ни-нээгэр	гүни гүэн-и-нээгэр
Единственное число основы гүэн- и множественное число лично-притяжательных аффиксов			
Основной	бичиги гүэм-мит	эмиги гүэн-нит	гүнилер гүэт-гэрэ
Винительный	'наш собственный'	'ваш собственный'	'их собственный'
Дательный	бичиги гүэм-мет-ин	эмиги гүэн-нит-ин	гүнилер гүэт-гэр-ин
Исходный	бичиги гүэм-мет-и-гэр	эмиги гүэн-нит-и-гэр	гүнилер гүэт-гэр-и-гэр
	бичиги гүэм-мет-и-гтэн	эмиги гүэн-нит-и-гтэн	гүнилер гүэт-гэр-и-гтэн

Падеж	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Множественное число основы гизн- и единственное число лично-притяжательных аффиксов			
Основной	мин гизэт-гэр-им 'мой собственные'	эн гизэт-гэр-ин 'твои собственные'	гини гизэт-гэр-э 'его собственные'
Винительный	мин гизэт-гэр-бин	эн гизэт-гэр-гин	гини гизэт-гэр-ин
Дательный	мин гизэт-гэр-бэр	эн гизэт-гэр-гэр	гини гизэт-гэр-и-гэр
Исходный	мин гизэт-гэр-би-гтэн	эн гизэт-гэр-ги-гтэн	гини гизэт-гэр-и-гтэн
Творительный	мин гизэт-гэр-би-нэн	эн гизэт-гэр-ги-нэн	гини гизэр-гэр-и-нэн
Сравнительный	мин гизэт-гэр-би-нээгэр	эн гизэт-гэр-ги-нээгэр	гини гизэт-гэр-и-нэн
Множественное число основы гизн- и множественное число лично-притяжательных аффиксов			
Основной	бизиги гизэт-гэр-бит 'наши собственные'	эриги гизэт-гэр-гит 'ваши собственные'	
Винительный	бизиги гизэт-гэр-бит-ин	эриги гизэт-гэр-гит-ин	
Дательный	бизиги гизэт-гэр-бит-и-гэр	эриги гизэт-гэр-гит-и-гэр	
Исходный	бизиги гизэт-гэр-бит-и-гтэн	эриги гизэт-гэр-гит-и-гтэн	
Творительный	бизиги гизэт-гэр-бит-и-нэн	эриги гизэт-гэр-гит-и-нэн	
Сравнительный	бизиги гизэт-гэр-бит-и-нээгэр	эриги гизэт-гэр-гит-и-нээгэр	

эһиги гьээннйт 'ваш, вам принадлежащий',
гинилэр гьэттэрэ ∞ гьэниэрэ 'их, им принадлежащий'.

В якутском языке этой форме притяжательного местоимения соответствует только кини киэнэ 'ему принадлежащий' и кинилэр киниэрэ 'им принадлежащий, принадлежащие'. Но их обычно рассматривают как сочетание местоимений с частицей киэнэ [Петров, 1978, с. 125] образующей притяжательные формы имен существительных. В действительности это притяжательные местоимения, оставшиеся от полной парадигмы, сохранившейся у долган. Долганское притяжательное местоимение мин гьэним 'мой собственный' пока не совсем ясно по форме. По форме оно похоже на лично-возвратные местоимения древних и современных тюркских языков (мен өзүм 'я сам', хак. позым, алт. боду. бодум, як. бэйэм 'я сам'), которые возводятся к именным основам оз 'самость, сердцевина', бод 'тело, самость' с определенным выраженным личным местоимением. В словаре якутского языка найденная именная основа киэн: 1) 'украшение, красота, важность'; 2) 'уважение, почтение' (ср. якутский глагол киэн тутун 'сердиться') [Петров, 1978, с. 125]. С некоторой натяжкой можно было усмотреть в слове киэн значение 'собственность' [см. там же]. Эту этимологию поддерживает и Н. С. Григорьев, который в своей "Грамматике якутского языка" (на якутском языке) [1938, с. 79-84, 97] ввел для термина - киэн аат 'притяжательное имя' (так он назвал имена существительные с аффиксами принадлежности) и киэн солбууар аат 'притяжательное местоимение'. Это позволило сопоставить долганское мин гьэним 'мой собственный' с древнетюркским *kentüm*: 1) 'сам', 2) 'свой, собственный' [Древнетюркский словарь, 1969, с. 298] и аналогичными формами в современных тюркских языках (турец. *kendi* 'сам'). Предложенная этимология привлекла к себе внимание и вызвала отклики в тюркологической литературе [Кононов, 1941, с. 99; 1956, с. 176; 315; Поцелуевский, 1975, с. 140]. Однако окончательному ее подтверждению мешало то, что не удалось найти достаточно убедительного объяснения элемента -tü- ∞ -di в древних лично-возвратных местоимениях (*kentü* ∞ *kendi*).

С. Е. Малов высказал предположение о связи слова *käntü* 'сам' с *kin* 'пупок'. К нему же он предлагал возвести и якутское местоимение кини 'он' [1951, с. 393]. Поскольку в этих словах не было отмечено соответствия *i* ∞ *ä*, доказать предложенную им этимологию трудно. К тому же в якутском языке слово кини 'пуговина' имеет долгий гласный. Сложным оставалось и объяснение элемента -tü- ∞ -di в древних формах *kentü* ∞ *kendi* 'сам'.

Особенно же трудно объяснимой была форма *kensi* 'сам' в "Oedex Sumanicus" [Grönbech, 1942, с. 138]. В поисках доказательств

автор настоящей работы высказала предположение, что *-tä* и *-dü* не были аффиксами. Согласные *-t* ∞ *-d* относились к основе слова [Убратова, 1953, с. 290]. В этом случае мог разъясниться и *si* (*kens-i*), так как соответствие *v* ∞ *t* в тюркских языках есть (ср. аффикс принадлежности 3-го лица ед. числа *-ta* в якутском и *-сы* в остальных тюркских языках). Известно также выпадение в сочетании шумного и сонорного *-it-* одного из согласных (ср., например, кирг. олтур-, як. слор-, туркм. отур- 'сидеть'). Это предположение подтвердилось. Оказалось, что в карачаево-балкарском языке лично-возвратное местоимение *кес-и* 'сам' восходит к команскому *kens-i* 'сам', т. е. сохранилась основа *кес-и* из команского *kens-i* (с выпавшим *-н-*) [Хабичев, 1961, с. 62-65]. В памятнике "Изысканный дар тюркскому языку" [Фазылов, Зияева, 1978, с. 45, 321, 322] приведены сами основы: *känd* 'сам', *kändu I* 'сам', 2) 'он, она'; *känc* 'сам', *kändi I* 'сам', 2) 'он, она'. Формы *känd* и *känc* еще сильнее подтверждают предположение, что согласные *m* ∞ *d*, а теперь и *v* относятся к основе.

Ф. Г. Васильева, обратившая внимание автора на эту форму, для всю парадигму этого притяжательного местоимения, которое, по-видимому, у долган употребляется преимущественно в устной речи^I (см. табл. 5).

Формы с аффиксом принадлежности 3-го лица мн. числа при основе *гиэн-* (*гиэт-*) в единственном и множественном числе совпадают. Так как самостоятельные притяжательные местоимения по форме представляют изафетное определительное сочетание, то второй член сочетания *гиэн-* склоняется по лично-притяжательному склонению. Частный и совместный падежи в парадигме отсутствуют.

Такое же склонение имеют лично-возвратное и возвратно-притяжательное местоимения. Так же склоняется имя существительное со служебным словом *гиэнэ* 'принадлежащий ему', например: *эмээксин гиэнэ* 'принадлежащий старухе'. При этом имя существительное, как и личное местоимение, остается без изменения, а склоняется служебное слово.

^I Наличие этой местоименной формы в языке долган подтвердили все информаторы.

Понятие 'сам' в языке долган, как и в якутском, выражается словом бэйэ с притяжательным аффиксом:

мин бэйэм и бэйэм 'я сам' биһиги бэйэбит, бэйэбит 'мы сами'
эн бэйэн и бэйэн 'ты сам' эһиги бэйэҕит, бэйэҕит 'вы сами'
гһини бэйэтэ и бэйэтэ 'он сам' гһинилэр бэйэлэрэ, бэйэлэрэ 'они сами'

Э. К. Пекарский дает следующие значения слова бэйэ для якутского языка: 1) 'тело, туловище, туша'; 2) 'свойство, особенность, отличительное качество'; 3) 'существо, личность, особа, "я" человека'; 4) 'один, без провожатых, ненавзыченный' [Пекарский, стб. 4]. Буквальный перевод якутского выражения мин бэйэм будет 'мое ты', 'мое существо', хотя постоянно это выражение употребляется в речи в значении 'я сам'.

В значении 'тело, человек, мужчина' слово бэйэ широко распространено в тунгусо-маньчжурских языках¹. В монгольском слово бэйэ имеет также значение 'тело, особа, личность, сам' [Лувсандэндэв 1957, с. 68]. В соединении с притяжательными аффиксами оно употребляется в качестве возвратного местоимения и совпадает с якутским, на что обратил внимание в свое время С. В. Ястремский [1903, с. 72]. На образование возвратного местоимения из существительного, имеющего значение 'человек', указывали: для якутского языка О. Н. Бётлингк [Böhtlingk, 1851, 675], казахского — П. М. Меланский [1894, с. 41], тувинского — Н. Ф. Катанов [1903, с. 34].

В языке долган слово бэйэ употребляется только в значении 'сам'. Лишь в производном бэйэлээх 'имеющий тело, наружность' сохранилось воспоминание о прежнем значении этого слова. Так, говорят этүө бэйэлээк дьактар 'имеющая красивое тело, прекрасная женщина'. В обыденной разговорной речи слово бэйэ в значении 'тело' совершенно утрачено и вместо него употребляется другое якутское слово эт 'мясо', которое у долган имеет несколько значений: 'мясо, тело, туша'.

¹ В "Полном маньчжурско-русском словаре" И. В. Захарова на с. 485 даны следующие значения слова бэйэ: 'тело, плоть, туловище, талия, животная природа, жизнь, существо, личность, особа, сам, сам собою, себя, свой собственный'; в "Эвенкийско-русском словаре" Г. М. Василевич на с. 18 — 'мужчина, человек'; в "Кратком нанайско-русском словаре" Т. И. Петровой [Л., 1935, с. 23] — 'тело, сам'; в "Нанайско-русском словаре" С. Н. Оненко [М., 1980, с. 80] — 'тело, туловище, фигура, внешний вид' в значении прилагательного 'собственный'.

Без притяжательных аффиксов слово бэйэ употребляется редко: бэйэ һаңата 'свое слово' (о языке долган); оголуун бэйэлиин ооннь-уур 'и дитя и сам играет' (говорится о человеке, который сам и его семья постоянно с азартом играют в карты); бэйэ бэйэлэрин 'сами себя'.

Гораздо чаще возвратные местоимения бэйэ употребляются с притяжательными аффиксами: мин бэйэм бэйэбиттэн һарәнэммин 'я сама (от) себя остерегаюсь, не заговариваю'; бэйэн һуок этин 'тебя самого не было' (сам ты отсутствующим был); оҕото бэйэтигэр талы 'дитя его самому ему подобно' (на него самого похоже).

Бэйэ в сочетаниях со словом гиэн образует возвратно-притяжательное местоимение со значением 'свой собственный', например:

Единственное число

бэйэм гиэним 'мой свой собственный'
бэйэн гиэнин 'твой свой собственный'
бэйэтин гиэнэ 'его свой собственный'
бэйэбит гиэммит 'наш свой собственный'
бэйэгит гиэннит 'ваш свой собственный'
бэйэлэрин гиэтэрэ 'их свой собственный'

Множественное число

бэйэм гиэтэриим 'мои свои собственные'
бэйэн гиэтэрин 'твои свои собственные'
бэйэтин гиэтэрэ 'его свои собственные'
бэйэбит гиэтэрбит 'наши свои собственные'
бэйэгит гиэтэргит 'ваши свои собственные'
бэйэлэрин гиэтэрэ 'их свои собственные'.

С именами существительными возвратное местоимение сочетается как определение, выраженное личным местоимением.

Единственное число

бэйэм дьиэм 'дом меня самого'
бэйэн дьиэн 'дом тебя самого'
бэйэтин дьиэтэ 'дом его самого'
бэйэбит дьиэбит 'дом нас самих'
бэйэгит дьиэгит 'дом вас самих'
бэйэлэрин дьиэлэрэ 'дом их самих'

Множественное число

бэйэм дьиэлэриим 'дома меня самого'
бэйэн дьиэлэрин 'дома тебя самого'
бэйэтин дьиэлэрэ 'дома его самого'

бэйэбит дьыалэробит 'дома нас самих'
бэйэҕит дьыалэргит 'дома вас самих'
бэйэлэрин дьыалэрэ 'дома их самих'.

Таким образом, возвратное местоимение, как и личное, требует притяжательных аффиксов у существительных, для которых оно является определением. Выше перечисленные формы местоимений склоняются в соответствии с аффиксами принадлежности при втором члене сочинения (лично-притяжательное склонение).

Все это только подтверждает, что слово бэйэ в современном языке стало не только по значению, но и по роли в предложении местоимением мин бэйэ 'я сам'.

Указательные местоимения

У норильских долган очень часто в речи употребляются следующие указательные местоимения: бу, ба, бо 'этот, вот этот, вот', ол 'тот, вон тот, вон', ити 'тот (более ближний)', һубу 'вот именно этот', як. субу; һол 'вот именно тот', як. сол; һити 'вон именно тот', як. сити.

От литературного якутского языка отличается лишь указательное местоимение бу 'этот', которое при одном значении употребляется в разной огласовке, что объясняется влиянием регрессивной гармонии гласных: бо ойуун 'этот шаман', бо ого 'это дитя', бо нһьор 'этот старик'. Но такая огласовка вовсе не обязательна, как сочетания бу ойуун, бу огонһьор, бу ого встречаются. Один же диктор произносил во всех случаях ба, даже ба ого. Появление речи формы ба может быть объяснено тем, что в якутском языке указательном местоимении бу в основе косвенных падежей у поду переходит в а. Долганы, сохраняя эту особенность якутского языка, создают и форму основного падежа для указательного местоимения ба, но в то же время образуют и формы косвенных падежей для бу, отсутствующие в якутском языке. Указательное местоимение бо в косвенных падежах в текстах не встретилось.

В долганском, как и в якутском языке, падежные формы указательных местоимений в единственном числе образуются от основ косвенных падежей с показателем -н, (мын-, он-, итин-). Во множественном числе основы указательных местоимений принимают аффикс множественного числа -лар. Противопоставление аффиксов -н и -лар позволяет видеть в первом из них древний показатель единственного числа, который сохранился в личных местоимениях мин 'я', эн 'ты' (библиографию см. [Севортян, 1978, с. 129]).

Склонение указательных местоимений

Основной	Частный	Винительный	Дательный	Исходный	Совместный	Творительный	Сравнительный
Единственное число							
бу, бо	-	муну	мунуга	мунтан	-	мунан	муннаагар
ба	-	мань	маннга	мантан	-	манан	маннаагар
хуу	-	хуугу	хуууга хаманнга	хубунтан	-	хуунан	хубуннаагар
ол	-	олу	олуга	олтон	-	олон	олноогор
хол	-	холу	холуга	холтон	-	холон	холноогор
ити	-	итини	итинигэ	итинтэн	-	итинэн	итиннээгэр
хити	-	хитини	хитинигэ	хитинтэ	-	хитинэн	хитиннээгэр
Множественное число							
булар	-	булары	буларга	булартан	-	буларынан	булардаагар
хубулар	-	хубулары	хубуларга	хубулартан	-	хубуларынан	хубулардаагар
олор	-	олору	олорга	олортон	-	олорунаан	олордоогор
холор	-	холору	холорго	холортон	-	холорунаан	холордоогор
итилэр	-	итилэри	итилэргэ	итилэртэн	-	итилэринэн	итилэрдээгэр
хитилэр	-	хитилэри	хитилэргэ	хитилэртэн	-	хитилэринэн	хитилэрдээгэр

Формы косвенных падежей указательных местоимений и производных от них употребляются тогда, когда они выполняют заместительную функцию (примеры см. ниже).

Из парадигмы склонения долганских указательных местоимений бу, ол, ити исключены омертвевшие формы местного падежа, ставшие наречиями: манна 'здесь, сюда', онно 'там, туда', итиннэ 'там, туда'. Наречное значение этих форм было отмечено еще О. Н. Бётлингом [1851, § 434, примеч. 6], но приведены они были им в парадигме склонения. Первым исключил эти формы из парадигмы склонения Д. Хитров [1858, с. 48, II0]. Однако многие языковеды продолжали следовать О. Н. Бётлингу [Ястремский, 1900, с. 79; Поппе, 1926, с. 84; Харитонов, 1947, с. 159; Грамматика современного якутского литературного языка, 1982, с. 142]. Были последователи и у Д. Ларова [Kirgielejev, 1938, с. 90]. Формы манна 'здесь, сюда' и другие очень важны как свидетельства существования в древнем якутском языке местного падежа, но в грамматике им место в наречиях, тому же в якутском языке формы местного падежа во временном значении сохранились в парадигмах склонения других частей речи, которые редко привлекают к себе внимание [Убрятова, 1976а, с. 132, 132].

Местный падеж в якутском языке, восходящий к древнему местному - исходному [Поппе, 1926, с. 6], переосмыслен в частный падеж (подробнее см. ниже, с. II6). В долганском языке он имеет более широкое распространение, но в парадигме склонения указательных местоимений отсутствует, как и в якутском языке¹. Вследствие перехода местного падежа в частный с другими синтаксическими функциями местное и временное значение выражаются формами дательного падежа. В склонении указательных местоимений в долганском языке это можно наблюдать в следующих примерах: Бу дьэиэгэ кыыс ытты олорбут. 'В этом доме девушка, плача сидит, оказывается'. Манна кыыс ытты олорбут. 'В этом девушка плача сидит, оказывается'. Бу устуулга олорон, дойду киһитин арагы иһэрпит. 'На этот стул человека (данной) местности поит вином'. Манныга олорон киһитин арагы иһэрпит. 'На этот сев, человека (того) поит вином'. Ол илүйэгэ илим үттүбүт. 'В то озерко сеть спустили (под лед)'. Оку илим үттүбүт. 'В то (озерко) сеть спускали (под лед)'.

Как и в склонении личных местоимений, формы дательного падежа указательных местоимений долганского языка отличаются от литературного якутского тем, что дифтонги в них перешли в узкие диграфические гласные.

¹ Форму частного падежа указательных местоимений во множественном числе привел Н. С. Григорьев [Kirgielejev, 1938, с. 90].

Формы исходного падежа указательных местоимений употребляются у долган в значении 'от (из) этого', 'от (из) того', но форма онтон чаще употребляется как омертвелое слово в значении 'потом, затем', а мантан — в значении 'отсюда'.

Притяжательные указательные местоимения

Притяжательные указательные местоимения образуются от основ косвенных падежей указательных местоимений бу, ол, ити (ман-, он-, итин-) [Ястремский, 1900, с. 73, § II8; Харитонов, 1947, с. 153] с помощью аффикса -ты (возможно, аффикс принадлежности, выполняющий словообразовательную функцию, как при образовании личных притяжательных самостоятельных местоимений, см. с. 86). Употребляются они самостоятельно (т.е. в роли всех членов предложения, кроме определения) всегда с аффиксами принадлежности: ман-ты-м 'этот мой', он-ту-м 'тот мой'. Склоняются только в лично-притяжательном склонении, например, винительный падеж: манта-бын 'эту мою', онтубун 'ту мою', итинтибин 'эту-мою'.

Сравнительно-указательные местоимения

Сравнительно-указательные местоимения образуются от указательных местоимений бу, ол, ити, хубу, хол, иити путем присоединения суффиксов -ча, -ных к основам косвенных падежей. Они заключают в себе сравнение с указанным предметом по величине, количеству и качеству. С суффиксами -ча, -чо, -че образуются сравнительно-указательные местоимения, которые характеризуют предмет с количественной стороны: бучча 'столько, как это', хубучча 'столько, как вот именно это', оччо 'столько, как то', һоччо 'столько, как вон именно то', итичча 'столько, как вот то', иитичча 'столько, как вот именно то'.

С. В. Ястремский считает общим суффикс -ча сравнительных указательных местоимений и приблизительных числительных [1900, с. 66, 76] (уонча 'около десяти'). Суффиксы -ча и -чча, вероятно, нужно возводить к древнетюркскому аффиксу сравнительного падежа -ча. Первое ч в аффиксе -чча, по-видимому, ассимилированное н основы косвенных падежей: он-, ман- и тин-.

Образование и употребление сравнительно-указательных местоимений у долган ничем не отличается от якутских. В речи сравнительно-указательные местоимения употребляются чаще как определе-

ния. Они придают предложению характер некоторого обобщения. Например: Бу күччүгүй ого тугу билээччиний? 'Это маленькое дитя что это?' Бучча күччүгүй ого тугу билээччиний? 'Такой, как этот, маленький ребенок обычно чего знает?'

Сравнительно-указательные местоимения, образованные путем присоединения аффикса -нык (-ник, -нук) к основам указательных местоимений в косвенных падежах ман-, он- и тин-, выражают сравнение со стороны качества: маннык ∞ муннук (часто и маннук) 'такой как этот', һаманнык 'именно такой, как этот', оннук 'такой, как тот', һоннук 'именно такой, как тот', итинник 'такой, как итинник' 'именно такой, как тот'.

Аффикс -ник, по-видимому, восходит к аффиксу сравнительного падежа (или послелогу) -дик ∞ -дег.

По форме и по значению эти сравнительно-указательные местоимения совершенно аналогичны формам образованных с этим аффиксом личных местоимений (см. с. 82). Сходны они по форме и с местоимением каннык ∞ каннук, 'который, какой'.

В текстах, прежде чем сравнительно-указательные местоимения будут употреблены, дается подробное описание предмета. Например: Мунна налдыан маһы гытта түһәр, оччо бәркә налдар. 'Здесь забора вместе с деревом падает, настолько сильно болеет'. Гинизә уома кетәрдөөгү кетүшпәт, кәрбүтүн ышпәт оннук булчут. 'Его сын именно к крыльям летать не дает, увиденное не упускает, такой, как охотник'.

В языке долган существует одно склонение сравнительно-указательных местоимений - безличное. В косвенных падежах эти местоимения употребляются только тогда, когда опускается слово, которым они служат определением. Например: Бу дойду киһитигәр муннук киһи кәрбөтөгүм. 'У людей этой страны такого, как этот, человека не видал'. Но үйбәр итинниги кәрбөтэгүм. 'На веку моем такого, как тот, не видал'. Некоторые формы косвенных падежей от оччо качча употребляются в значении относительных местоимений. От очча, оччо, итичэ путем присоединения аффикса -лаак образовались производные формы: буччалаак 'столько, как этот, имеющий', оччолоок 'столько, как тот, имеющий', итиччэлээк 'столько, как тот имеющий' (последняя форма имеет довольно редкое употребление).

Относительные местоимения

Некоторые сравнительно-указательные с аффиксом -ча, также вопросительные местоимения могут употребляться в предложении в качестве относительных, например, оччого 'тогда'

лтон харсарда куриса турар кэмнэ үгүлүөгэ, оччого ааны ариймак-тара, оччого эн таксыан 'Затем утром во время, когда встает курица, закричит, тогда двери откроют, тогда выйдешь' ^I; Бу киһи диэбит: "Мин оччого агай ытыак этим миньигин һирбэр илтэкинэ". 'Этот человек сказал: "Я тогда лишь отпустил бы, когда меня в мою землю отнесешь"; Кэпсээтэгинэ оччо таайбыттар 'Когда рассказал, тогда узнали';

каччага – оччого 'когда – тогда': Онтон каччага кыһа тыл биэрдэ, оччого уол барда күччүгүй оҕону көрдүү 'Затем, когда дочь слово дала, тогда парень пошел маленького ребенка искать';

ким 'кто': Ким утуйар – утуйаллар 'Кто спит – спят';

каннук 'который': Каннук кэлэр – кэлиэгэ, каннук кэлбэт – кэлиэгэ һуога 'Который приходит – придет, который не приходит – не придет';

ол иһин 'поэтому' (букв. 'того ради'): Аны биһигиттэн тугу ыһагай? Ол иһин кэлбэт этэ 'Теперь от нас что возьмет? Поэтому перестал приходиться';

онтон 'зачем': Ба киһи киирэн огонньор илиитин ылбыт, онтон эмээксин илиитин ылбыт, онтон кыстарын илиитин ылбыт, онтон уолларын илиитин ылбыт 'Этот человек войдя старика руку взял, затем старухи руку взял, затем дочери их руку взял, затем сына их руку взял' (т.е. поздоровался).

Вопросительные местоимения

Эта группа местоимений весьма разнообразна по значениям, так как вопросительные местоимения относятся ко всем частям речи. Особенно много вопросительных форм у наречий.

Вопросительные местоимения могут принимать усилительный аффикс -й (-ий, -ный и т.д.), если на них падает логическое ударение, например: кимий бу? 'кто (же) это?'; тугуй урукаата һуоккун? 'что же без рукавиц ты?'

Если же логическое ударение падает на другое слово, то и усилительный аффикс присоединяется к этому слову: Ким ньоогута итий? 'То чьи вожжи?'; Эһэ, аатым ким буулуогай? 'Дедушка, мое имя кто будет-то?'; Ким эһьигин туруорбутай? 'Кто тебя поднял-то (заставил встать)?'

Вопросительные местоимения ким 'кто' и туюк 'что' (як. туюх)

^I По-видимому, этот текст был переводом русской сказки, похожей на "Вял" Н.В.Тоголя: Куриса турар кэмнэ үгүлүөгэ 'закричит в пору, когда встает курица' = 'когда запоет третий петух'.

строго разграничены: ким 'кто' относится только к человеку, ту 'что' — ко всему остальному. Оба эти местоимения сочетаются с дательными словами и изменяются по падежам, как имя существительное. Становясь определением перед именем, они требуют от последнего притяжательных аффиксов. Например: Туок аатай? 'Чего имя (название)?'; Ким кыһа? 'Чья дочь?' (букв. кого дочь?). Становясь сказуемыми, эти местоимения принимают аффиксы сказуемости:

кимминий? 'кто я есть?'	киммитий? 'кто мы есть?'
кимниий? 'кто ты есть?'	кимнитий? 'кто вы есть?'
туокпунуй? 'что есть я?'	туокпунуй? 'что есть мы?'
туоккунуй? 'что есть ты?'	туоккутуй? 'что есть вы?'

Как любое имя существительное, вопросительные местоимения принимают притяжательные аффиксы:

кимим? 'кто мой?'	киммит? 'кто наш?'
кимин? 'кто твой?'	кимнит? 'кто ваш?'
кимэ? 'кто его?'	кимнэрэ? 'кто их?'

Форма дательного падежа от вопросительного местоимения ту употребляется в значении 'зачем': Эһиэка туокка нааданый? 'Тебе зачем (на что) нужно?' В значении 'из-за чего', 'почему' употребляются формы исходного падежа от этого местоимения (туоктаа? 'из чего?') с послелогом тус: туок туһуттан 'из-за чего'.

Близка к вопросительному местоимению туок форма того 'почему', которую Э. К. Пекарский рассматривает как форму дательного падежа от туох 'что' [Пекарский, стб. 2697].

Вопросительное местоимение ким 'кто' дает несколько производных форм, например:

1) киминэ 'чей', образованное так же, как притяжательное местоимение ким-иэн-э (см. с. 90): Кимэнэй ол? Эһиэнэ? — Нуок, нуок! Догорун гиэнэ. 'Чье это? Твое? — Нет, нет! Твоего товарища'.

2) кимнээк, образованный от ким присоединением аффикса обозначения —лаак, имеющего здесь значение принадлежности к определенной семье: Кимнээк огону илпитэй? 'Кто дитя увез?'

В литературном якутском языке кимнээк является формой множественного числа вопросительного местоимения ким 'кто' [Харитонов 1947, с. 161].

Вопросительное местоимение кас 'сколько' < тюрк. каь дает те же формы, какие имеют имена числительные, к которым оно относится: каста 'сколько раз' (к кратным числительным с аффикс. —та), касты 'по сколько' (к разделительным числительным с аффикс. —лы), касталы 'по сколько раз' (к кратным-разделительным со сложными —та-лы), кастаак 'сколько имеющий' (к основам, образованным от

Склонение вопросительных местоимений ким 'кто' и туок 'что'

Падеж	Безличное склонение			Лично-притяжательное склонение (для I-го лица)		
Единственное число						
Основной	ким 'кто'	туок 'что'	ким-им 'кто-мой'	туг-ум 'что-мое'		
Частный	ким-нэ	туок-га	ким-минэ	туок-пуна		
Винительный	ким-и	туг-у	ким-мин	туок-пун		
Дательный	ким-икэ	туок-ка	ким-мэр	туок-цар		
Исходный	ким-тэн	туок-тан	ким-миттэн	туок-цуттан		
Творительный	ким-и-нэн	туг-у-нан	ким-минэн	туок-пунан		
Сравнительный	ким-нээгэр	туок-гаагар	ким-минээгэр	туок-пунаагар		
Множественное число						
Основной	кимнэр	туоктар	кимнэр-им	туоктар-ым		
Частный	кимнэр-дэ	туоктар-да	кимнэр-бинэ	туоктар-бына		
Винительный	кимнэр-и	туоктар-ы	кимнэр-бин	туоктар-бын		
Дательный	кимнэр-гэ	туоктар-га	кимнэр-бар	туоктар-бар		
Исходный	кимнэр-тэн	туоктар-тан	кимнэр-олтэн	туоктар-олттан		
Творительный	кимнэр-и-нэн	туоктар-и-нан	кимнэр-бинэн	туоктар-бынан		
Сравнительный	кимнэр-дээгэр	туоктар-даагар	кимнэр-бинээгэр	туоктар-бынаагар		

числительных с аффиксом -лаак), качча 'сколько приблизительно' (в паре с близительным числительным с аффиксом -ча). Как исходная форма качча 'сколько', так и некоторые производные от нее вопросительные местоимения могут склоняться, но падежные формы производных встречаются в речи долган очень редко.

Вопросительное местоимение качча 'сколько приблизительно' в дательном падеже употребляется во временном значении: каччага 'где', с аффиксом -таагы образует вопросительное прилагательное каччагаагыный 'когдашний'.

С вопросительным местоимением качча связано и другое вопросительное местоимение со значением 'когда' — каһан < др.-тюрк. kahan 'когда'.

Очень близко по значению к качча 'сколько приблизительно' другое вопросительное местоимение теһе 'сколько'. В сказке о Илье-богатыре старик, исцеляющий Илью, во время исцеления спрашивает его: Кайа Үлдья теһегүһүй? 'Каково, Илья, сколько-ты?'; Кайа, Үлдья, теһе буулдун? 'Каково, Илья, сколько стал (только что) ты?'. Но чаще теһе употребляется в повествовательных предложениях и, сочетаясь с вопросительным местоимением качча, выражает неопределенное количество (чаще времени): Теһенү каччаһы барыһытара буолла 'Сколько-то времени прошло, как ушли' (соответствует русской сказочной формуле "долго-ли, коротко-ли..." и т.п.). Теһе качча дьуру олорбуттара 'Сколько-нибудь времени жили'. Употребление формы теһе 'сколько' в парном сочетании с качча 'сколько приблизительно', по-видимому, подтверждает предположение О. В. Бётлингга [1851, § 427] о том, что элемент -һе в теһе может быть возведен к аффиксу приблизительных числительных -ча, в котором следует видеть древний аффикс сравнительного падежа -ча. Но теһе в повествовательных предложениях может выражать и более определенные понятия, например: Теһе баар һирдэрин барыһын түрсэһит 'Сколько есть земли, всю перерыл'.

Вопросительное местоимение кайа употребляется в разговорной речи долган в значении 'где', если речь идет о близком расстоянии. Например: Кайа иньэм? 'Где моя мама?' Иньэм кайа баарый? сказать нельзя, так как вопросительное местоимение кайа обычно бывает в начале вопросительного предложения. Вопрос 'где имеется?' у долган будет звучать: канна баарый? В значении 'какой', 'каково' вопросительное местоимение кайа употребляется главным образом в фольклоре: Кайа һиртэн, кайа ураанкай? 'Из какой земли, какой незнакомец?'; Кайа һиргэ бараһын? 'В какую землю идешь ты?'; "Кайа, Үлдья, — дьэбит, — эһьлэкэ һең дуу?" "Каково, Илья — сказал, — тебе ладно ли?"

В приведенных примерах вопросительное местоимение кайа, будучи зачином вопросительного предложения, употребляется в основном падеже. Выступая в качестве самостоятельного члена предложения, может принимать падежные аффиксы. Например: Эньиэкэ дуу, миньиэкэ дуу түстэ? Кайабытыгар ирэ түстэ? 'Тебе-ли, мне-ли упал? Которому-то из нас упал?'

К вопросительному местоимению кайа близко стоит образовавшееся из него кай-дэт 'в каком направлении, в какую сторону', которое очень широко распространено. Иногда оно произносится кай-дээк, обнаруживая свое происхождение из кайа диэги 'какая сторона'. От кайа образовалось также и кайтак 'как, каким образом'.

Вопросительные местоимения, образованные от основы кан-, отсутствующей в современном языке, представляют собой мертвешие формы: канна 'где', кантан 'откуда', канан 'каким местом, по какому месту'. От этой же основы образовано вопросительное местоимение каннык, часто употребляемое в значении 'который', имеющее все падежные формы, как и сравнительно-указательные местоимения, аналогичные ему по образованию (см. с. 102).

Неопределенные местоимения

Неопределенные местоимения у долган, как и в якутском языке, образуются путем присоединения частиц ирэ¹, эмэ² [Харитонов, 1947, с. 164], дьуру³ [Петров, 1978, с. 170, 175], даганы (дааны) к вопросительным местоимениям. Ирэ соответствует частице то в русских неопределенных местоимениях, эмэ - либо, дьуру -нибудь, даганы - бы ни был.

От вопросительного местоимения ким 'кто' образуются следующие неопределенные местоимения: ким ирэ 'кто-то', ким эмэ 'кто-либо', ким дьуру 'кто-нибудь', ким даганы 'кто бы ни был'; от вопросительного местоимения туок 'что' - туок ирэ 'что-то', туок-эмэ

¹ Долганское ирэ соответствует якутской частице эрэ (деепричастие от древнего глагола ир-∞ эр- 'быть').

² Долганское эмэ соответствует якутской частице эмэ, которая переведена Л. Н. Харитоновым 'нибудь'. Он также отметил оформление ее падежными аффиксами.

³ Частица дьуру в якутском языке считается частицей модальности со значением 'даже, пусть, хоть' [Якутско-русский словарь, 1972, с. 135].

'что-либо', туок дьуру 'что-нибудь', туок даганы 'что бы ни было'. Точно так же могут быть образованы неопределенные местоимения от всех других вопросительных местоимений. Например: от кас 'сколько' — кас ирэ 'сколько-то', кас эмэ 'сколь(ко)-либо', кас дьуру 'сколько-нибудь', кас даганы 'сколько бы ни было';

от канна 'где, когда' — канна ирэ 'куда-то, где-то', канна эмэ 'где-либо', 'куда-либо', канна дьуру 'где-нибудь' и т.д.;

от кайа 'какой' — кайа ирэ 'какой-то', кайа эмэ 'какой-либо', кайа дьуру 'какой-нибудь' и т.д.;

от кайдэт 'в каком направлении' — кайдэт ирэ 'в каком-то направлении', кайдэт эмэ 'в каком-либо направлении', кайдэт дьуру 'в каком-нибудь направлении', кайдэт даганы 'в каком бы ни было направлении'.

Неопределенные частицы могут присоединяться и к указательным местоимениям, которым также придают значение неопределенности. Например: Ол ирэ бэтэрэ эттүтүгэр киһи эмизэ ытаан ирэр 'Тот (кто ли) на той стороне человек опять плачет'.

Падежные формы неопределенных местоимений, образованных от склоняемых вопросительных местоимений с частицей эмэ, не имеют установленных правил изменения, например: туту эмэни ∞ туту эмэ ∞ туок эмэни 'что-либо' (вин.пад.), т.е. падежные аффиксы могут присоединяться и к вопросительному местоимению, и к частице ил к тому и другому одновременно.

Остальные неопределенные местоимения принимают падежные формы к вопросительным местоимениям: кими ирэ 'кого-то' (вин.пад.), кими дьуру 'кого-нибудь', кими даганы 'кого бы то ни было'; туту ирэ 'что-то' (вин.пад.), туту дьуру 'чего-нибудь', туту даганы 'чего бы то ни было'.

Таким образом, можно сделать вывод, что в языке долган сохранились все якутские местоименные формы и они играют очень важную роль в строе языка.

Имя существительное

Имена существительные в языке долган разного происхождения но основу составляют якутские. Все слова, независимо от их происхождения, морфологии и структуры, в язык долган входят как нерасложимые основы и подчиняются существующим в нем правилам словообразования и словоизменения. Морфология имени существительного, как и других частей речи, в основе якутская.

Словообразование

Аффиксальное словообразование

В языке долган число продуктивных аффиксов невелико. Основная масса производных основ образована от имен существительных и глаголов.

Отыменное словообразование. От имен существительных с помощью афф. -сыт (-һыт, -чыт, -дыт, -һыт) образуются слова, которые обозначают деятеля, производящего действие с предметом, названным основой: балык-сыт 'рыбак' от балык 'рыба', мунка-һыт 'неводчик, тот, который работает с неводом' от мунка 'невод', булчут 'промышленник' от булт 'промысел, охота', кэтэбүл-дыт 'охранник' от кэтэбүл 'охрана', таабрунһут 'загадывающий загадки' от таабрун 'загадка'.

Афф. -сыт восходит к тюрк. -чы, начальное -ч которого как бы восстанавливается после конечного -с основы < -ч (тюрк. ауаҕ 'дерево', яку. мас - маҕыт 'дровосек'). В этом случае фонетический переход начального согласного, обязательный для якутского языка (с ∞ h), дополняется историческим -ч ∞ дь ∞ нь, наблюдаемым в якутских словах монгольского происхождения [Убрятова, 1960, с. 115].

Афф. -ка, -каан и -чаан образуют уменьшительные формы имен существительных. Афф. -ка наблюдается в собственных именах, заимствованных из русского языка: Миискэ 'Мишка', Микиискэ 'Микишка' (от Никифор), Пааска 'Пашка' (от Павел). Возможно, что в данном случае он заимствован вместе с именем. Но афф. -ка имеется и в тюркских языках, в том числе и в якутском [Харитонов, 1947, с. 100; Убрятова, 1950, с. 266].

Афф. -каан образует ласкательные формы имен существительных: огокоон 'дитячко'. По-видимому, он заимствован из эвенкийского.

Афф. -чаан образует уменьшительные и уничижительные формы имен существительных: һүгэчээн 'топорышко'. Он также эвенкийский [Василевич, 1958, с. 796].

Отглагольные имена существительные. С помощью афф. -ны от глагольных основ образуются имена существительные, обозначающие действие с разными оттенками: тэбии 'метель' от тип- '(за)мести снегом' (процесс); быһыы 'кусочек' от быс- 'резать' (действие со значением конкретного результата); эргийии 'поворот' от эргий- 'вращаться' (яку. 'вращение').

Отглагольные имена существительные образуются при помощи аффиксов: ортого турааччы ат 'конь, стоящий посредине' от тюрк. 'стоять'; ол эн эрин олонколооччу 'твой муж — сказочник' от олон колоо — 'рассказывать сказки'.

Аналитическое словообразование (словосложение)

Сложные основы в долганском языке образуются так же, как в якутском, в форме парных слов и лексикализованных определительных и дополнительных сочетаний [Убрятова, 1948б, с. 551-555].

Парные слова. Это наиболее распространенная форма сложных основ, состоящих из семантически связанных слов (синонимов, антонимов, слов, выражающих понятия одного круга явлений) [Дмитриев 1930, с. 50]. Например: иньэ-ага 'родители' (иньэ 'мать', ага 'отец'); ес-тыл 'рассказы вести' (ес 'слово' < тюрк. сөз; тыл тюрк. 'язык', як. 'язык, слово'); баай-тот 'богатство, достаток' (тюрк. баай 'богатый', тот 'сытый').

Нередко парные слова образуются из синонимических слов разного происхождения, например: дуума-һанаа 'мысли, ум' (рус. дума тюрк., монг. санаа 'мысль'), һир-дойду 'вся земля' (тюрк. һир 'земля', монг. дайду 'обширная страна'), һоктокит-һуол 'дорога' (эвенк. һоктокит 'тропинка', як. суол 'след, путь').

Иногда парные слова образуются сочетанием знаменательного и усилительного слова: һанһа-инһэ 'разговоры' (һанһа 'голос, звук, речь', инһэ — слово-рифма) [Убрятова, 1948б, с. 321].

При словоизменении оба члена парного сочетания получают одинаковое грамматическое оформление.

1. Аффиксы принадлежности: иньэтэ-агата һытар 'родители лежат' (досл. лежит).

2. Падежные формы: Аны өскүн-тылгын кэпсээ 'Теперь вести свои' (досл. рассказ-твой, слово-твое) рассказы' (вин. пад. пр. тяж. скл.); Терөөбүт агата диэбитэ: "Аны байагит дуумагытынан-һанаагытынан олоруоккут" 'Родной отец его сказал: "Теперь сами вы жить будете своим умом (досл. думой-вашей, мыслью-вашей)"; Һаас буолан, һирдэригэр-дойдуларыгар биир-биир барыталаабыттар 'С наступлением весны (досл. весна ставши) по странам-их в местах-их по одному разбрелись' (дат. пад. притяж. скл.).

3. Отрицание: Һалдыта биир чааскыны иһэм баран һанаата һуок инһэтэ һуок каамнаан каалбыт 'Гость-его, одну чашку выпив, без разговора пошагал'.

Словообразовательные аффиксы также присоединяются к обоим членам парного сочетания, например афф. -лаак: агалаак-иньэлээк 'имеющий родителей'; афф. глаголов -лан 'наделять себя чем, иметь': агалан-иньэлэн- 'иметь родителей' (досл. отца иметь, мать иметь).

Определительные сочетания. Сложными словами часто становятся построенные на примыкании определительные словосочетания, если они образуют одно понятие. Например: уол ого 'мальчик' (досл. юноша-дитя), кыһ ого 'девочка' (досл. девушка-дитя), кыс дыактар 'незамужняя женщина' (досл. девушка-женщина), уол киһи 'неженатый мужчина' (досл. юноша-человек), һырга дьэ 'нартанный чум' (досл. нарта-жилище), ураһа дьэ 'шестовой чум' (досл. шест-жилище).

При словообразовании и словоизменении все аффиксы присоединяются ко второму слову, но относятся ко всему сочетанию: Купнас дыабит: "Эн уол оголооккун, мин кыһ оголоокпун" 'Купец сказал: "Ты - имеющий мальчика-ты, я - имеющий девочку-я"'. Сложное слово уол ого 'мальчик' снабжено аффиксом обладания -лаак (уол оголоок 'имеющий мальчика'), к которому присоединен аффикс сказуемости -кун 'ты'. Так же оформлено и второе сложное слово кыһ ого-лоок-пун 'девушка-дитя-имеющий-я'. Ураһа дьэни эргийэ кайһынаабыттар 'Вокруг шестового чума завалинку сделали'. В этом предложении сложное слово ураһа дьэ 'шестовой чум' имеет форму винительного падежа ураһа дьэни, вызванную управлением послелога эргийэ 'вокруг'.

Число имен существительных

Число имен существительных в языке долган выражается как синтетически, так и аналитически. Аффикс множественного числа -лар, общий для всех тюркских языков, имеет, как и в якутском языке, 16 фонетических вариантов. Например: үнкүү 'пляска', үнкүү-лэр 'пляски'; тыл 'слово', тыл-лар 'слова'; мас 'дерево', мас-тар 'деревья'; үөр 'стадо', үөр-дэр 'стада'; аан 'дверь', аан-нар 'двери'.

Многие имена существительные в языке долган, как и в якутском, образуют супплетивные формы множественного числа, например: кыс 'девушка, дочь', кыргыттар 'девушки'; уол 'юноша, сын', уол-аттар 'парни, юноши'. Но лично-притяжательная форма множественного числа 3-го лица, при основе единственного числа от этих основ, обичная: кыс-тара 'их дочь', уол-лара 'их сын'.

Многосложные основы с -р и -н на конце в современной речи долган имеют тенденцию принимать афр. -тар с ассимиляцией конечных сонорных, вопреки ожидаемому -дар и -нар: догор 'друг', догот-тор 'друзья'; тойон 'господин, начальник', тойоттор 'господин кабыакаан 'куропатка', кабыакааттар 'куропатки'; таабрун 'загадка', таабруттар 'загадки'. Такое оформление множественного числа напоминает древнеуйгурское тегит-лер 'царевичи' [Малов, 1951, с. 168, 177].

Имя существительное с определением, выраженным числителем не всегда согласуется со сказуемым в числе. Например: Нуус да акталагы кэлэн тойонноотун барыым нуога 'Даже сто царей (досл. с царь), придя, пусть прикажет - не пойду' - сказуемое выражено глаголом, стоящим в единственном числе. Но: Пэттэ кутурук дьизэлэрин иһигэр баран-нар иньэлэрин иһэбиттэр 'Семь волков (досл. семь волк) в дом их уйдя-они, мать свою (их) съели' - согласовано в числе не только сказуемое, но и деепричастие, относящееся к нему, есть также показатели множественности и в предметах: дом их, принадлежащий им (многим). Также факультативно согласование в числе со сказуемым подлежащего, выраженного именем существительным с определением үгүс 'много, многий': үгүс таба һүүрэр 'много оленей бежит'; үгүс таба һүүрэлэр 'много оленей бегут'.

Таким образом, и у долган, как в других тюркских языках, но провести границу между единственным и множественным числом, как форма единственного числа очень часто может иметь значение множественного числа [Kowalski, 1936, s. 5]. Многие существительные, имеющие значение материала, вообще не употребляются во множественном числе, например көмүс 'серебро'.

Имена существительные, служащие названием парных предметов (руки, ноги, глаза и т.п.), очень часто употребляются в единственном числе. Например: Илиититтэн атагыттан тутан түстэ 'За руки-его (досл. руку-ногу) схватил вдруг'; Муну икки илиитинэн күптүт 'Это двумя руками (букв. две рукой своей) обхватил'; Карахтаак киһи карагын уота арачы тийэрин көрдүк оччо үрдүк эбит 'Подобно тому, как глаза (досл. глаз) имеющего человека огонь силу достигает, такой высокий ведь'; Нинини каракпар да көрүм һуок 'Его в глазах моих не могу увидеть'.

Когда хотят подчеркнуть, что действует один предмет из пары, то употребляют слово аһар 'половина из пары', например: Онтон иһа кэлэн аһар кулгаагыттан тарпыт 'Затем девушка (его), придя, одно ухо тянула'; Аһар илиитигэр быаны туптут, аһар илиитигэр му туптут 'В половине руки его веревку держал, в половине руки его лом держал', т.е. (одной) рукой веревку держал, (другой) ру-

той лом держал; или в выражении анар уһуга 'один конец': Колбун анар уһугуттан туттум 'Переднюю ногу (лошади) мою за один конец схватил я'. Этот прием существует в якутском языке [Пекарский, стб. 115], существовал он и в древнетюркском [Малов, 1951, с.424].

Неопределенное множество у имен существительных может быть выражено формой единственного числа: Уөр иһигэр түспүттэр. Бу киһи край одуулаабыт - ил'а кара мас, пр'ама канна да уһуга кестүбэт - коруобаны гытта ат агай. Дьэ, эмиэ, "Икки коруобата тут" - дьэбит 'Внутри стада опустились. То, что этот человек лишь только видел (как) явно темный лес (деревья), оказалось прямо нигде края-его не видно - только коровы и лошади (досл. с коровой вместе лошадь). Ну опять сказал: "Две коровы (досл. два корова) поймай"'.

Усилительные слова

Усилительные служебные слова указывают на большую величину предмета, на его количество и качество. К числу таких относятся мунья ∞ мыньа, багадьы, көөкүн. Например: Биир кыс мунья олорор 'Одна девушка очень большая (А. П. Простокишина пояснила: "невеста целый") сидит'; Биир кайа мунья турар 'Одна гора громадная стоит'; атыр багадьы 'громадный олень-бык', уус көөкүн 'очень искусный мастер', һуруксут көөкүн 'большой грамотей'.

Если существительное с усилительными словами стоит в косвенных падежах, то падежные аффиксы присоединяются к усилительным словам: Баай купыас бочуку муньяны эгэлбит 'Купец громадную бочку принес'; Алын багадьыга тийибит 'Лайды большой достиг'; Биир кылы элербүт, атыр багадьыны 'Одного дикого убил, большого оленя-быка'; Баран иһэн көрбүт таба көөкүнү 'Идя, увидел оленей множество'.

Иногда падежные аффиксы присоединяются и к имени существительному, и к усилительному слову: Биир һыананы муньяны ылыттар 'Одного налима большого добыли'.

Усиление качества предмета достигается повторением слова с частицей да ∞ та. Например: Кыһа кыс да кыс 'Дочь его замечательная девушка' (девушка да девушка); Да, аһыргын да аһыргын! 'Ну и дурак же ты!'; Налдьыттара ууруйак та ууруйак 'Гость их - ужасный вор'.

Усилительные слова и повторы придают именам существительным эмоциональную окраску изумления, восхищения, возмущения, в зависимости от контекста.

В языке долган склонение имен существительных, в отличие других частей речи, гораздо шире и многообразнее. Как и в якутском языке, выделяют два склонения: безличное и лично-притяжательное. Иногда формы этих склонений рассматривались оторванно друг от друга. Так, О. Н. Бётлингк, а вслед за ним С. В. Ястремский описали безличное склонение в разделе имен, а лично-притяжательное — в разделе местоимений, называя его "склонение суффиксированных местоимений" (см. выше, с. 88).

Имена существительные с аффиксом принадлежности относятся к лично-притяжательному склонению, без этого аффикса — к безличному. Падежные формы безличного склонения имен существительных употребляются тогда, когда указание на принадлежность предмета тому или другому лицу, предмету не существенно.

У долган, как и у большинства тюркоязычных народов, отношение предметов между собой в речи фиксируется. Оно выражается в языке с помощью притяжательных аффиксов (см. с. 84), значение которых в языке долган очень велико, особенно в именах существительных. Некоторые из них без притяжательных аффиксов почти не употребляются: названия частей тела, предметов домашнего обихода, родственные термины. Например, почти невозможно употребить без притяжательных аффиксов существительные илии 'рука', атак 'нога', ага 'отец', иньэ 'мать', поскольку нет руки вообще (независимо от человека существующей), как нет отца вообще, а есть отец определенных лиц, отношение к которым должно быть обязательно в речи отмечено. Но даже предметы, о которых идет речь, не имеют никакого отношения к говорящим, то они связаны с какими-то другими предметами или лицами, и это выражается в речи с помощью соответствующих притяжательных аффиксов. Они выполняют в языке синтаксическую функцию, оформляя связь имени существительного с его определением по принадлежности. Таким образом, и те предметы, которые, казалось бы, могут не иметь отношения к какому-нибудь определенному лицу или лицам, как например берег, рыба (плавающая в реке), ветер и т.д. оказываются оформленными притяжательными аффиксами, потому что выделяющее их слово — имя существительное: эбэ 'река' (букв. башка бушка), кытыл 'берег' — эбэ кытыла 'речной берег'; күөл 'озеро', балык 'рыба' — күөл балыга 'озерная рыба'.

Образование падежных аффиксов лично-притяжательного склонения было рассмотрено выше, в разделе "Местоимения" (с. 87). Вот сами для падежных форм лично-притяжательного склонения служат

притяжательные формы вопросительных местоимений кем 'кто' и
гук 'что' в соответствующем падеже (см. с. 105).

Имена существительные в падежных формах лично-притяжательно-
го склонения в языке долган употребляются гораздо чаще, чем без-
личного. Они имеют то же значение, что и в безличном склонении, но
с указанием на отношение к своему определению или к тому или ино-
му лицу. Исключение составляет частный падеж, в котором притяжа-
тельные аффиксы выражают не принадлежность лицу, а предназначение
для него.

Система падежных форм в языке долган наиболее полно представ-
лена в именах существительных. Так же, как и в якутском языке, она
изменилась по сравнению с другими современными тюркскими языками.
В языке долган сохранились падежи: основной, дательный, исходный,
частично местный — во временном значении в некоторых послелогах
(сагына 'во время', иннинэ 'до того, как', кэннинэ — стяженная фор-
ма кэнне 'после того, как') и в омертвевших формах причастий (-таг
-н-на 'когда если он...', -ын-на 'когда он...' [Ястремский, 1900,
с. 59, 160; Убрятова, 1976а, с. 122]). Значение времени и места
имен существительных перешло к дательному падежу, который выража-
ет их наряду с собственно дательным. Исчез родительный падеж, ру-
дiments которого находим в сложном изафетном сочетании [Ястрем-
ский, 1900; Убрятова, 1950, с. 41]. Появилась форма творительного
падежа на -нан (восходит к послелогу бирлен, как в ряде других
тюркских языков) вместо древней на -ын, сохранившейся в некоторых
омертвевших формах. Сравнительный падеж также изменился. На осно-
ве древней формы на -таг ∞ -тай развилась новая на -тааҕар (<
-тай + сравнительный афф. -рак). Из наречия на -лын, восходящего
к деепричастию на -а (-лын) от отыменных глаголов на -лаа со зна-
чением 'поступать, как ...' (по значению основы) образовался вто-
рой сравнительный падеж [Убрятова, 1976а, с. 200]. Наконец, обра-
зуется форма совместного падежа на -лын (с терминами родства на
-наан), которая, правда, у норильских долган встречается редко.

В исследованиях по грамматике тюркских языков делались
попытки объединить падежные формы по их основным функциям
в группы пространственных и грамматических падежей [Дмитриев,
1962, с. 153]. Это условное деление, удобное в работе, трудно осу-
ществимо в действительности, так как в таких языках, как долган-
ский (якутский), одни падежные формы имеют очень узкие значения,
другие, напротив, чрезвычайно многозначны. Значение сравнительно-
го падежа (форма на -тааҕар) настолько узко ('по сравнению с чем'),
что в якутском языке появился второй сравнительный со значением
'как' (форма на -лын) [Убрятова, 1976а]. Пространственные падежи

выделяются в именном склонении своей многозначностью. Например, дательный имеет значения: направления (куда?), времени (когда?) места (где?), адресата (кому? чему?), которые могут быть выражены и служебными именами или послелогоами при существительном: дьиэгэ 'в дом, дома', дьиэ иһигэр 'внутри дома, внутри дома', дьиэгэ диэри 'до дома', дьиэ аайы 'в каждом доме'.

Непространственные падежи также имеют аффиксальное и аналитическое выражение.

Основной падеж. В работах по грамматике якутского языка исходной формы имени в системе склонения после долгих споров появилось название "основной падеж" [Харитонов, 1947, с. 106]. Назывались и другие: неопределенный [Böhtlingk, 1851, § 390] именительный [Ястремский, 1900, с. 58]. Но поскольку исходная падежная форма в якутском языке имеет вполне определенное значение, которое гораздо шире того, какое имеет обычно именительный падеж, эти названия были признаны неудачными.

Морфологическим признаком основного падежа является отсутствие особого падежного аффикса. Имя существительное в этом падеже в предложении может быть:

1) подлежащим, например: Күһи кэлбитэ 'Человек пришел'; Ата барбыта 'Мой отец ушел';

2) прямым дополнением (при неопределенности объекта): Оҕоһор һырга онорор 'Старик нарту (досл. нарта) делает'; Ба ого тыгар нурук нуруйбут 'Это дитя отцу своему письмо писало'; Иньэтэ агата биирдэ байгалыттан туус көрдүү барбыттар 'Родители его однажды из моря искать соль ушли';

3) сказуемым: Кыһа булчут 'Его дочь — охотник'; Эһи эһи мин балтым 'Твой муж — мой младший брат';

4) определением: пааснай уола 'крестьянина сын'; Эмээксий муннута тыһаабыт 'Старухи нос захрапел'; мин эбэм дьиэтэ 'мои бабушки чум'.

Частный падеж. О. Н. Бётлингк [1851, § 391], а вслед за ним С. В. Ястремский [1900, с. 152] и В. В. Радлов [1908, с. 30] называли этот падеж винительным неопределенным. Н. Н. Поппе в "Учебной грамматике" [1926, с. 6] сопоставил его с исходным местным падежом языка рунических надписей и назвал частным. Такое же название дали этому падежу авторы "Самоучителя якутского языка" [Гершенев, Моруо, 1931, с. 28]. В практических грамматиках на якутском языке А. А. Кюнде определил его как араары падьаһа 'падеж раз'

ления' [1925, 1926] (в современных грамматиках по якутскому языку сохранилось араары падьыһа), Н. С. Григорьев называл его үлүбүөй < рус. любой [1938, с. 52]. Причина такого разнобоя в названии этого падежа заключалась в том, что каждый из исследователей обращал внимание на какую-нибудь одну особенность его значения. Так, О. Н. Бётлингк и В. В. Радлов исходили из того, что в этом падеже стоит неопределенный, не точно установленный объект. Н. Н. Поппе назвал его частным потому, что дополнение, выраженное именем существительным в этом падеже, часто имеет значение части от целого. Н. С. Григорьев обратил внимание на значение 'любой (из многих)'

Для частного падежа, имеющего аффиксы -та, -да, -ла, -на, в якутском литературном языке характерны две черты: в безличном склонении он имеет значение неопределенного объекта, а сказуемое, к которому относится дополнение — имя существительное в частном падеже, выражено повелительной формой глагола [Schriefl, 1909, s. 213]. У долган это несколько иначе.

О неопределенном характере имени, стоящем в частном падеже, говорить нельзя, так как очень часто это бывают имена существительные, обозначающие различные меры. Например: Икки холкуобайда эгэл һаймуу 'Два рубля дай займы'; Бу муннуктан ыстан биир бэрэстиэтэ 'От этого угла прыгай одну версту'; Уоллаак огонньор уолун кытта мин кыһым үс күннэ үккүүлээтиннэр 'Сына имеющего старика с сыном вместе моя дочь три дня пусть пляшут'; Икки нэдэлэтэ көһүтүөм баара 'Две недели подождать мне надо'; Үс ыйда барыкпыт 'Три месяца ходить будем'; Мин үс сылла утуйуом 'Я три года спать буду'.

Как показывают последние примеры, у долган форма частного падежа может быть употреблена не только с повелительным наклонением. Но независимо от наклонения и времени глагола он выражает предполагаемое действие, например: Мин аны эһиэкэ өстө кэпсиэм 'Я сейчас вам рассказ расскажу' (в данном случае имеется в виду не любой рассказ, а вполне определенный, с помощью которого должен быть разрешен спор певца и сказочника о том, чья работа сложнее); Аста аһаам баран каамным 'Пищи поевши, отравлюсь'; Оголоро ытаабыт: "Иньэ, туокта һийимий?" 'Дитя их заплакало: "Мама, что буду есть?"' (вопросительное местоимение туок 'что' в частном падеже); Өстө кэпсээри гыннагына аһаммытын 'Когда он рассказ рассказать хотел было, ты пожалел'; Эһи өстө кэпсизэк этиһи 'Рассказал бы ты рассказ'.

Таким образом, у долган форма частного падежа выражает объект предполагаемого действия. Так, герой сказки, строя предположения о своих будущих действиях, говорит: "Отут үлэһиттэ илэммин, үс

һалдаатта илэммин барыам 'Тридцать рабочих взявши, трех содея
взявши, пойду'. Когда же это произошло, сказитель сообщает: 'Три
киһини илпит, үс һалдааты илпит 'Тридцать рабочих взял, три со
та взял''. В первом случае, когда действие только предполагается,
прямое дополнение имеет форму частного падежа; во втором — когда
действие уже совершилось, прямое дополнение принимает форму
ительного падежа. В обоих случаях определенность объекта соверше
но одинакова, так как об этих персонажах в сказке ничего не со
шалось, следовательно, все дело в форме сказуемого.

В лично-притяжательном склонении форма частного падежа имеет
лично-предназначительное значение: Паныккаан миньизэкэ болошуну
онор 'Сейчас же мне для меня меч сделай'; таһаскына 'одежда для
тебя'; аһына 'еда для него'; аһытына 'лошадь для нас'; дьыагы
нэ 'чум для вас'; өстөрүнэ 'рассказ для них'.

В этом падеже притяжательные аффиксы даже несколько теряют
свое обычное значение личной принадлежности, так как существитель
ные в частном падеже обозначают лицо, которому лишь предназна
ся какой-либо предмет.

В якутском языке форма частного падежа в притяжательном
нении встречается очень редко, главным образом при сочетаниях
существительных со служебными словами, связанными посредством
фета: чаай сынһына 'немного (досл. соринку) чая', сурук отот
'письмецо' [Убрятова, 1950, с. 126; Ястремский, 1900, с. 83;
Харитонов, 1947, с. 108].

Форма частного падежа встречается, кроме якутского, в то
ском языке [Дыренкова, 1963, с. II; Рассадин, 1976, с. 134; 19
с. 41]. Связь ее с древнетюркским локативом-аблативом установле
давно. Однако можно отметить и некоторое влияние эвенкийского
ка на сохранение и развитие этой формы в якутском языке, что по
тверждают лично-предназначительные формы частного падежа языка
рильских долган.

Винительный падеж. Имена существительные в винительном
падеже имеют аффиксы: -ны (после гласных), -и (после согласных) в
лично-притяжательном и -ын в лично-притяжательном. В предложении
на существительные в винительном падеже чаще всего бывают пря
мым дополнением.

1. Прямое дополнение в безличном склонении: Ыддьа кокорот
тэмпэччи баһан эгэлбит 'Илья, ведро полно зачерпнув, принес';
Иньэ, ыл отону 'Мама, возьми ребенка'.

2. Прямое дополнение в лично-притяжательном склонении: М
ааммын ураанкай арыбат этэ 'Мую дверь пришелец не от-

крявал, бывало'; Коруобам кыскын көрдүүр 'Корова моя дочь—твою просит' (сказка); Огонньор диэтэ: "Мин энъигин билэбин, агагын билэбин, инъэгин билэбин, энэгин билэбин, барыгытын билэбин" 'Старик сказал: "Я тебя знаю, отца твоего знаю, мать твою знаю, деда твоего знаю, всех вас знаю"'. Последний пример интересен тем, что в нем хорошо видна особенность винительного падежа лично-притяжательного склонения: афф. -ын, совпадающий с формой винительного падежа местоимений.

При имени существительном, имеющем значение отрезка времени, винительный падеж приобретает временное значение. Например: Үс күнү курумнаабыттар 'Три дня свадьбу праздновали'; Мантиларын арай үс надэлэни гүлэйдээбиттэр 'Эти твои лишь три недели гуляли'.

При имени существительном, обозначающем местность, прямое дополнение в винительном падеже приобретает пространственное значение: Биир биэрэстэни барар луотката 'Одну версту идет лодка—его'.

Некоторые послелого глагольного происхождения (деепричастия) сохраняют управление глагольных основ, от которых они образовались. Среди них есть управляющие винительным падежом: көлүйөнү быһа 'через озерко' (послелог быһа 'разрезая' от быс- 'резать'); оҕону гытта 'вместе с ребенком' (послелог гытта 'присоединяя' от кыттын- 'присоединять'); дьэни эргийэ 'вокруг чума' (послеслог эргийэ 'повертываясь' от эргий- 'повертываться').

Винительный падеж причастия является средством выражения подчинительного отношения зависимого предложения (см. ниже, с. 160 и сл.).

Дательный падеж. В языке долган дательный падеж имени существительного с афф. -га, -ка, -на в безличном склонении и -гар в лично-притяжательном выражает много значений.

1. Собственно дательные отношения: Коруоба бу икки юлкобойу эмээксиниэ биэрбит 'Корова эти два рубля старухе отдала'; Кайабытгар түстэ? 'Которому из нас упал?'

2. Направление действия: Ол голомого киирбит 'В ту землянку вошел'; Дуо, барыак таһара күниэ 'Дуо (обращение), пойдем на праздник'; Дьэтитгар-уотугар тийбит 'Дома—очага своего достиг'.

3. Отношение места: Кармааммар испинскэни буллум 'В кармане моем спички нашел'.

4. Отношение времени: Нарсыннытгар турда 'На утро—его встал'.

Дательный падеж часто уточняется послелогам, чаще всего служебными именами ис 'внутри', тас 'внешняя сторона', инни 'перед', кэнни 'зад', орто 'середина'. При этом падежный аффикс принимает служебное имя. Так как оно присоединяется к знаменательному слову

посредством изафета (с помощью аффикса принадлежности 3-го лица) то падежный аффикс всегда притяжательного склонения: Дьиз иһити эмээксин олорор 'В доме старуха сидит'; Гуорат таһыгар байналыпыттар 'Подле города воевали'; Байгал ортотугар тумуска тийбитэ 'На середине моря достигли мыса'; Ол кайа уһугугар биир кыыс төраана олорор 'На краю той скалы одна девушка, расчесывая (волосы) сидит'.

Дательным падежом управляют некоторые послелого глагольного (диэри 'до') и неизвестного происхождения (талы 'подобно'). Они присоединяются к имени в форме дательного падежа и в сочетании с ним выражают разные отношения: онууга диэри 'до того', таһара киниэ диэри 'до праздника', огонһорго талы 'подобно старику', эрбиһэн эрбээбиккэ талы быһа оксубут 'отрубил подобно отпиливая пилой'.

Дательный падеж причастий выражает отношения подчинения временных зависимых предложений (см. ниже, с. 161 и сл.).

Исходный падеж. Формы исходного падежа образуются при помощи афф. -ттан (после гласных), -тан (после согласных) в безличном склонении и афф. -ттан в лично-притяжательном. Основное значение этого падежа - направление действия от чего-либо в пространстве и времени или его причина.

1. Направление действия: Һубу гуораттан һылдыабын 'Из этого самого города иду я'; Ылдыа оронуттан турбат 'Илья с постели своей не встает'; Цита тасыктан аһаабат 'Собака его из тазика не выпрыгнула'; Огобуттан кыйтабын 'У (от) ребенка моего спрашиваю'; һанаскыттан туту да кыйтыма 'У (от) твоей невестки ничего не спрашивай'.

2. Причина действия: Эрин туоктан ирэ бэркэ кыйһаммыт 'Куда-твой от чего-то сильно рассердился'; Ого миньигиттан куттанаат 'Дитя меня пугается'.

Очень часто форма исходного падежа соответствует русскому существительному с предлогом за. Например: Бу луотканы тумууттан тутан баран бара тарпыт 'Эту лодку за нос взявши вытащил'; Бу быаттан тутан баран һыйан иһэр 'За эту веревку взявшись, вытаскивая (ее), идет'; Бай купһас түүһүттэн таһаарбыт 'Купец, (в) (за) грудь его толкнув, выгнал'.

Исходный падеж уточняется служебными именами (орто 'середина', ис 'внутри' и др.): Пир иһиттэн буруо таксар 'Из (внутри) зашли дым выходит'; Кыыс кэнниттэн такса кетөн, кыһы кам-кум тутан иһит 'Из-за девушки вылетев, девушку крепко схватив, унес'.

Форма исходного падежа имени существительного используется для выражения сравнения, оно обозначает предмет, с которым сравни-

вайт. Например: Эн балыскын Олуксаттан 'Ты моложе (от) Александры';
Полкоттон Нуукна бэрт 'Сукно лучше (от) шелка'.

Иногда сравнение в исходном падеже сопровождается служебным словом ордук 'остаток' (из др.-тюрк. ардук от глагола арт- 'увеличиваться, усиливаться, приближаться'): Бу кыыстан арай ордук көрүмнээк дыктар эбит 'По сравнению с этой девушкой женщина ведь более видная'.

В следующих примерах можно усмотреть сложные конструкции сравнения существительных по качеству, первое из которых стоит в исходном, второе в основном падеже: Уоллара киһиттэн ирэ мөкү киһи арай 'Сын их из людей (от человека) [самый] плохой человек'; Киһиттэн ирэ боскуой киһи утуяа һытар 'Из людей то [самый] красивый человек спит'; Бу киһи дьизтэ дьизттэн ирэ баскуой дьиз 'Чум этого человека из жилищ [самый] красивый чум'.

Такие удвоенные основы в исходном падеже также используются для выражения собирательности: Абааһыттан абааһы, атын айынтан айыны, киһиттэн киһи үгүһэ муһустан көрүүһүлэр 'От злых духов - злые духи, от добрых духов - добрые, от людей - людей множество, собравшись, смотрят'.

Исходным падежом управляет послелог такса 'свыше' (деепричастие на -а от тагыс- 'выходить'): сүүстэн такса 'свыше ста'.

Исходный падеж причастий выражает отношения временных и причинных зависимых предложений (см. ниже, с. 162).

Творительный падеж. Имена существительные в творительном падеже обоих склонений имеют аффиксы -нан (после гласных) и -нынан (после согласных). Основное значение этой падежной формы - название орудия, которым совершается действие, но она также употребляется в пространственном (продольность), предельном (предмет, от которого совершается действие) и временном (на протяжении, через определенный срок) значениях.

1. Название предмета, способа или средства, которым совершается действие: Муну икки илиитинэн куспут 'Это двумя руками охватил'; Тоногоһун күүһүнэн ерее таксыбит 'Силой позвоночного столба-своего вверх вышел'; Пааснай дьизтин дэк луотканан барам бараннар 'В сторону дома пашенного на лодке (досл. лодкой) ушли они'.

2. Продольность: Туруу кураагынан икки һуопка бааллар 'По выгибу стоянки две сопки (возвышенности) есть'.

3. Предел совершения действия: Көрбүтэ: түөрт һымьыт. Турдагы-

на үрдүктэрэ — конногуанан 'Посмотрел: четыре яйца. Когда встал, высота-их до его подмышек'.

При таком разнообразии значений падежная форма часто уточняется служебными именами ис 'нутро', тас 'внешняя сторона', ом 'середина', ыккарда 'между', уста 'длина', үрдү 'верх', 'поверхность' в творительном падеже: Ба ого мас иһинэн баран икки бочукуну булбут 'Это дитя, идя лесом, (среди деревьев) две бочки нашло'; Ол һуол таһынан ыт һуола һытар 'Подле того следа (с внешней стороны) след собаки лежит'; Катһыһырдарда ортотунан кайдыһыт 'Катер их посередине раскололся'; Икки таас ыккардыларынан барбыт 'Между двух камней (утесов) пошел'; күөл устатынан 'вдоль по озеру'; Дойду үрдүнэн барбыт үһү 'Говорят, по стране пошел'.

Послелого глагольного происхождения, управляющие творительным падежом, по-видимому, отсутствуют.

Творительный падеж причастий встретился лишь с причастием -быт (см. ниже, с. 162).

О совместном падеже. Формы с аффиксом -лынн, который в якутской грамматике считается показателем совместного падежа, встречаются в речи норильских долган очень редко. Автору настоящей работы удалось записать лишь два предложения, имеющих в своем составе формы с этим аффиксом: Оҕолуун бэйэлиин оонһуур 'И дитя, и сам играют'. Так говорят о человеке, который сам и вся его семья играют в карты. Но считать формы оҕолуун бэйэлиин 'и дитя, и сам' формами совместного падежа нельзя, так как это оформители сочетания однородных членов предложения, выступающего подлежащим. Подлежащее в языке долган имеет нулевой падежный показатель. В формах косвенных падежей падежный аффикс присоединяется к аффиксу -лынн: Һыттык-тынн-ы, һуорган-нынн-ы, тэллэк-тиин-и, пэриинэ-лиин-и барытын кууһан ылыбыт 'И подушку, и одеяло, и постель, и перину — все захватив в охапку, взял'.

Такие сочетания встречаются в диалектах якутского языка. Их считают двойным склонением [Воронкин, 1966, с. 16; Благова, 1970, с. 66].

Совместность в языке долган выражается несколькими способами:

1) формой винительного падежа с послелогом гытта 'вместе': Бу киһи ыты гытта биэк һүүрбүт 'Этот человек с собакой все бежал'; Панаһа устуулун гытта чааскыта агай турар 'Невестки-ее со стулом вместе чашка-ее лишь стоит'; Миниэнэ дьактарым өллөгүһө миньигин эмиз дьактарбын гытта карайнактара 'Моя жена если (куда) умрет, меня тоже с моей женой вместе похоронят';

2) иногда аффиксом обладания -лаак при имени существительного: Арай кыһа киһилээк олорор 'Лишь дочь его с человеком (досл

ловека-имеющая) сидит'; Огогут кэлим дыктардаак 'Ваше дитя пришел-я с женой (досл. женщину-имеющий)';

3) формой совместного залога глагола : Мин барсыам 'Я вместе пойду'.

Эти наблюдения подтверждаются отсутствием в "Экспериментальном букваре долганского языка" совместного падежа. Ему соответствует сочетание имени существительного в винительном падеже с послелогом гытта 'вместе': Огдоону гытта Дима догордуулар [Аксенова и др. 1981, с. 38] 'Дима с Огдо друзья'; Рома балтытын гытта чункуйбэтилэр [там же, с. 52] 'Рома со своей сестренкой не ску-чали'.

В приведенных примерах сказуемое имеет форму 3-го лица мн. числа, следовательно, оно согласовано со всем сочетанием, которое выступает как бы одним членом предложения. Реже встречаются примеры, в которых сказуемое согласуется с первым членом сочетания: Федя догорун кытта телефонуна кэпсэтэрээ 'Федя с другом своим по телефону разговаривает'. В "Экспериментальном букваре долганского языка" такое сочетание встретилось в заглавии сказки (по-долгански олонко): "Кутуйагы кытта таба" [Аксенова и др., 1981, с. 82] "'Мышь и олень"'.

Это несколько удивляет, так как совместный падеж в якутский язык перешел из эвенкийского. Собственно перешел не падеж, а оформитель сочетания однородных членов предложения, второй член которого постепенно становится падежной формой [Убрятова, 1950, с. 248] Если О. Н. Бётлингк [Böhtlingk, 1851, § 398] и В. В. Радлов [Radloff, 1908, с. 32] объясняли образование формы совместного падежа на якутской почве из чисто тюркских элементов (*-лай-ын, *-лыг-ын), то в настоящее время, когда хорошо изучена грамматика многих тунгусо-маньчжурских языков, особенно эвенкийского и эвенского, в которых есть аналогичная форма [Лебедева, Константинова, Монахова, 1979, с. 63], следует сравнивать ее с эвенкийской. Как и в якутском, она служит оформителем группы однородных членов предложения и фонетически вполне сопоставима с якутской: эвенк. афф. -нун и -нан (для терминов родства), як. -лын для безличного склонения, -нын для лично-притяжательного, -наан для терминов родства, например: Аласов ийэтинээн Даарыйа эмээксинниин кэллилэр [Данилов, 1977, с. 251] 'Аласов с матерью-его, с бабушкой Дарьей пришли'. Здесь один член сочетания однородных членов имеет форму совместного падежа ийэ-тинээн 'с матерью-его' (афф. -наан для терминов родства) и согласованное в падеже приложение к нему Даарыйа эмээксинниин 'с бабушкой Дарьей' (афф. -нын < -лын по правилам фонетики). Сказуемое кэллилэр 'пришли' относится ко всему сочетанию однородных членов;

так как оно согласовано с ним в числе. Но может быть и так: Амсов ийэтинин кэллэ 'Аласов с матерью-его пришел'.

В этом случае второй член как бы выходит из сочетания и становится косвенным дополнением, образуется падежная форма. Но падежностью падежной она не стала, так как сохранилась основная функция — оформление однородных подлежащих. На это указывает сочетание, в которых оба (а иногда и несколько) члена снабжены аффиксами совместного падежа: Сирдиин-халгачаннын, хамнырдиин-харамайдын — бары бииргэ үһүлүннулар [Амма Аччыгыйа, 1966, с. 30] 'Земля и небо, все живое — все вместе проснулись'. Какой же это косвенный падеж, если он главным образом оформляет однородные подлежащие? В приведенном примере они выражены парными словами сг-халлаан 'земля и небо', хамныр-харамай 'все живые существа', поэтому афф. -дын, -нын повторены у каждого члена пары.

Падежные формы в якутском языке не заимствовались. Заимствованным из монгольского оказался, например, способ оформления однородных членов предложения с помощью числительного 'два' [Убратова, 1950, с. 12]. Именно способ, а не числительное. Этот способ есть и у норильских долган: Эмээксин икки огонньор икки олорбуттар үһү 'Говорят, жили старуха и старик' (старуха — два, старик — два).

Таким же заимствованием из эвенкийского языка был оформление однородных членов предложения —нун. Аффикс —лын ни в языке долган в якутском языке с причастными формами не сочетается [Убратова, 1976а, с. 103].

Сравнительный падеж. Эта падежная форма в языке норильских долган встречается редко. Она употребляется для обозначения объекта сравнения при оценке качества. Форма сравнительного падежа образуется при помощи афф. —таагар, —даагар, —лаагар, —наагар в безличном склонении и афф. —наагар — в лично-притяжательном. Аффикс сложный (объяснение см. [Убратова, 1976а, с. 121]). Напр.: Эн иһэ ноогор бэрт буолуога 'По сравнению с тем отлично будет'; Эн иһэ гынаагар мин олонком ырата бэрт 'По сравнению с твоей песней песня моего олонко превосходна'; Миньиэнэ олонком эн ырагынаага наракан 'Мое олонко по сравнению с твоей песней труднее'.

Один из способов выражения направления. Об особом направлении падеже в языке норильских долган, как о чем-то реально существующем, говорить пока рано, но тенденция к возникновению такого именно падежа отчетливо намечается. Так, желая узнать в каком направлении следует искать предмет, долган обязательно спросит: кай-дэт? или кай-дэк? 'в каком направлении?' В ответе част

да дэк ∞ дэт (последняя чаще) обязательно будет употреблена: ол -дэт 'в ту сторону' или будэк 'в эту сторону'. Сейчас слово дэк ∞ дэт самостоятельного значения не имеет и употребляется только как частица, выражающая направленность. Но ее легко сопоставить со словом диэги (як. диэки 'сторона'), которое тоже самостоятельно не употребляется. Оно является послелогом с местным значением, которое легко установить: ол диэги 'та сторона', бу диэги 'эта сторона', канас диэги 'левая сторона', уна диэги 'правая сторона'.

В вопросе "кай диэгиттэн?" (образовавшемся из кайа диэгиттэн?) 'с какой стороны?' можно увидеть употребление этого слова с падежным аффиксом (в данном случае аффиксом исходного падежа).

Частица дэк ∞ дэт еще не стала падежным аффиксом, так как она не подчиняется закону гармонии гласных, но уже и перестала быть самостоятельным словом. Даже в тех сочетаниях, где она выделяется по составу гласных, в произношении все же сливается со словом, к которому относится. Так, в сочетании оддэт слова ол и дэт произносятся, как единое целое, и обозначают 'туда, в том направлении, в ту сторону'. Все слова, обозначающие направление, употребляются с этой частицей. Например: кэнни-дэк 'назад', ерее-дэк 'вверх', төртөрү-дэк 'обратно', ол-бу-дэк 'туда-сюда'.

Можно привести также большое количество примеров употребления этой частицы с именами существительными: Паа тыһыһ дэт баран юпит 'В направлении ружейного выстрела пошел'; Бо ого гинилэр-дэк көрбөт 'Это дитя в их сторону не смотрит'; Кырбаат дэт бараары гыммытым 'В сторону кровати идти уже намерился'; Күн ортотуттан кизһэ дэк бэйэтэ өлөн каалыага 'С середины дня к вечеру сам он умрет'. В последнем примере дэк ∞ дэт сочетается со словами временного значения и выражает направление во времени.

Имена наличия и отрицания

Говоря об именах существительных, нельзя не остановиться на именах наличия и отрицания, играющих исключительно важную синтаксическую роль в языке. У долган, как и в литературном якутском языке, мы находим те же имена наличия и отрицания, что и во многих тюркских языках: баар 'существующий, наличный, есть' (тюрк. бар) и һуок 'несуществующий, отсутствующий, не имеющий, нет, не' (тюрк. йок). Например: Мын табам баар ду, һуок ду? 'Мой олень есть-ли, нет-ли?'; Баары көрөбүн, һуогу көрбөшпүн 'Имеющееся вижу, неимеющееся не вижу'.

Слово баар употребляется в речи при утверждении наличия того

или иного предмета. При этом оно может быть любым членом предложения.

1. Сказуемое: Каннук ирэ дойдуга атын биискэ ыраактаагы үһү эбит 'В какой-то стране в другом роде царь есть, оказываются говорят'; Эрин бэрт ыраак баар 'Муж-твой очень далеко находится. Канна бааргытты? 'Где вы есть?'

2. Определение: Эске баар һирин көрөм бараммын кырдыан илларбын 'В рассказе имеющуюся землю увидавши, состарился бы я'. Таһаара баар баайбын чэнкилчи бириэм 'На улице имеющееся боство (имущество) мое совсем отдам'.

3. Прямое дополнение: Баары көрөбүн 'Имеющееся вижу'.

4. Обстоятельство: Мин баарбар ~ мин баарбына 'В моем присутствии ~ когда я был'; Барылара баалларына эттим 'Я сказал всех, когда все-они были'.

Множественное число имя наличия баар образует, как глагол в настоящем времени, например: Икки һуопка икки дииги өттүтүр ки көлүйэ бааллар 'Двух сопок с двух сторон два озерка имеются. Бу тойоттор эмиз бааллар 'Эти тоены опять присутствуют'; Онко табалар бааллар 'На пастбище олени имеются', но Онкого табалар баар этилэр 'На пастбище олени имелись'.

Баар, как всякое имя, может принимать притяжательные аффиксы и аффиксы сказуемости.

Притяжательные аффиксы

мин баарым 'мое присутствие' биһиги баарбыт 'наше присутствие'
эн баарын 'твое присутствие' эһиги бааргыт 'ваше присутствие'
гини баара 'его присутствие' гинилэр бааллара 'их присутствие'

Аффиксы сказуемости

мин баарбын 'я есть' биһиги баарбыт 'мы есть'
эн бааргын 'ты есть' эһиги бааргыт 'вы есть'
гини баар 'он есть' гинилэр бааллар 'они есть'

Сочетаясь с причастиями, имя наличия образует особые грамматические формы. Например: Мин догор гыннам баара 'Мне необходимо сдаться товарища'; Мин барыак баарым 'Я хотел было уйти'.

Имя отрицания һуок, как и имя наличия может быть любым членом предложения.

1. Подлежащее: Мин һуогум тугу һааратта? 'Мое отсутствие задержало?'; Тһал һуога үлэгэ һаарашпат 'Отсутствие ветра работы не мешает'.

2. Дополнение: Һуогу көрөбүһүн 'Отсутствующее не вижу'.

3. Определение: Һуок һиргэ 'Отсутствующая земля'.

4. Обстоятельство: Миньигинэ һуок олорогун 'Без меня живешь ты'; Туус һуогулттан 'Из-за отсутствия соли'.

5. Сказуемое: Нөнүө күннэ диэри һурак һуок 'До следующего дня вестей нет'; Догоро канна да һуок 'Друга его нигде нет'; Эн байэн һуок этин 'Тебя самого не было (ты сам отсутствующим был)'; Бу дойдуга гуорат һуок буолуога 'В этой местности города не будет'.

В двух последних примерах имя отрицания һуок входит в составное сказуемое. Связки этин 'был-ты' и буолуога 'будет-он' выражают прошедшее и будущее время сказуемого.

Как и имя наличия, һуок принимает аффиксы сказуемости и притяжательные аффиксы.

Притяжательные аффиксы

мин һуогул 'мое отсутствие'
эн һуогул 'твое отсутствие'
гини һуога 'его отсутствие'

биниги һуоккут 'наше отсутствие'
эниги һуоккут 'ваше отсутствие'
гинилэр һуоктара 'их отсутствие'

Аффиксы сказуемости

мин һуокпун 'я отсутствующий'
эн һуоккун 'ты отсутствующий'
гини һуок 'он отсутствующий'

биниги һуокпун 'мы отсутствующие'
эниги һуоккун 'вы отсутствующие'
гинилэр һуоктар 'они отсутствующие'

Имя отрицания һуок часто соответствует русскому нет, грамматически не связанному с членами предложения, выражающему общую идею отрицания в диалоге (героя сказки и абааны): "Эн ыт миньигин!" — "Һуок, диэбит, ытнам һуога" — "Һуок, диэбит, ыт, пусаалуста, ыт!" — "Һуок, диэбит, мин эньигин өлөрө илигинэ ытнам һуога". — "Һуок, диэбит, эн пусаалуста ыт! Миньигин ышпытын кэннинэ биир да киһи өлүө һуога". "Ты отпусти меня!" — "Нет, сказал, не отпущу". — "Нет, сказал, отпусти, пожалуйста, отпусти!" — "Нет, сказал, я тебя пока не убил, не отпущу". — "Нет, сказал, ты пожалуйста, отпусти! После того как меня отпустишь, ни один человек не умрет". Пример интересен и тем, что в нем представлена отрицательная форма будущего времени глагола (ытнам һуога), которая в долганском и якутском языках образуется с помощью имени отрицания (см. ниже, с. 171, 183).

Һуок не является грамматическим отрицанием имени существительного, которое выражается отрицательной формой связки. Мин киһи буолбатахын 'Я не человек' или сокращенно: мин киһи буолтах. Но некоторые отрицательные формы отдельных частей речи оно все же образует. В долганском языке, как и в якутском, выработалась формула отрицания обладания. Она образуется из имени существительного, обладание которым отрицается, аффикса -та, -а (все исследо-

ватели считают его аффиксом принадлежности 3-го лица ед. числа [Vöhtlingk, 1851; Харитонов, 1947, с. 140 и др.] и имени отрицания суох. Этот способ выражения отрицания обладания служит прежде всего отрицательной формой имен обладания на -лаах. Суо оголоох 'имеющий детей', огото суох 'не имеющий детей'. Аффикс принадлежности при отрицаемом слове выражает безличную принадлежность, так как сочетание -та суох (долг. -та нуок) может относиться к любому лицу. Например: Тугу эмэни кэпсээтэгинэ һанһаһа нуок буолуок 'Когда он чего-нибудь расскажет, без невестки будешь'; Каннук да һиргэ уруута нуоксун, иньэтэ нуоксун, агата нуоксун, кэргэнэ, да нуоксун 'Нигде-то родни не имеющий-я, матери не имеющий-я, отца не имеющий-я, семьи не имеющий-я'; Того урукаата нуоксун? 'Почему без рукавиц ты?'

Такой способ отрицания обладания наблюдается в некоторых сибирских тюркских языках: алтайском (күчи дьок 'бессильный'), тувинском (сан чок 'бесчисленный'), шорском (эм чок 'бездомный' [Исхаков, 1956, с. 152], тофском (кол чок 'безрукий', колу һок киши 'безрукий человек') [Рассадин, 1978, с. 98]. В большинстве других тюркских языков отрицание наличия выражается аффиксом -за. В некоторых из них эта форма считается лишительным падежом [Андреев Н.А., 1961, с. 607].

В эвенкийском языке отрицание наличия предмета также выражается именем отрицания (ачин), требующим от слова, обозначающего предмет, наличие которого отрицается, формы винительного неопределенного падежа (афф. -я, -е, -йа, -йэ): книгая ачин 'о книги (безкнижный)' [Лебедева, Константинова, Монахова, 197 с. 78].

Своеобразная формула отрицания обладания в языке долган якутов (-та нуок) используется для образования отрицательной формы имен прилагательных: киэн 'широкий' - киэнэ нуок 'не широкий' (см. с. 135), а также для отрицательной формы обычно совершаемого действия: барааччыта нуоксун 'я обычно не ужоку' (см. с. 183). Имя отрицания нуок используется также для образования некоторых других форм глагола, например отрицательной формы будущего времени: барыам нуога 'я не уйду'; барыам нуок 'я не могу уйти' (см. с. 171). Но в последнем случае имя отрицания суох (долг. нуок) употребляется без связи с аффиксом -та. Аналогично строится отрицательная форма будущего времени, образованного от причастия на -ду в 3-м лице ед. числа, она напоминает уйгурскую форму отрицания обладания -дуһи јок [Насилов, 1974]

Во многих работах по грамматике якутского языка имена прилагательные специально не выделялись. О. Н. Бётлингк описывал их вместе с именами существительными, выделяя лишь словообразование Böttlingk, 1851, § 383-386]. Ему следовал и С. В. Ястремский [1900, с. 45-51].

Школьные грамматики по якутскому языку рассматривают имена прилагательные как особую часть речи, но и в них отмечается только два момента, выделяющие прилагательные из имен вообще: значение и словообразование. Л. Н. Харитонов, который подробно описал имена прилагательные как особую часть речи [1947, с. 130-143], считает, что они склоняются лишь субстантивируясь. Этой точки зрения придерживаются Н. С. Григорьев [1938, с. 71] и авторы "Грамматики современного якутского литературного языка" [1982, с. 156].

Долганы четко разграничивают в речи имена существительные и прилагательные. Об этом свидетельствует то, что заимствованные из русского и эвенкийского языков прилагательные употребляются у долган только в значении прилагательных (чего нельзя сказать о других частях речи). Например: Кайдигиттан гороскуой лучча огото кэллин? 'С какой стороны городской, русского дитя, пришел ты?'; Турдакпына хибнэсэй ат коло түстэ 'Когда я стоял, свежее лошадиное стегно упало'; Полотуой карчы тобус толору 'Золотых денег полным полно'; Чээлкээ агай табалар уулбут кэлүйэни эргийэ ыһыттар 'Белые лишь олени вокруг высохшего озера лежат'.

Словообразование

Долганские материалы говорят о том, что прилагательные имеют свое, отличное от имени существительного, словообразование. Аффиксы, с помощью которых образуются прилагательные, у долган те же самые, что и в литературном якутском языке.

Продуктивные аффиксы отменных прилагательных. 1. Аф. обладания -лаак (и т.д.) ∞ -таак (и т.д.) ∞ -даак (и т.д.) ∞ -наак (и т.д.) образует прилагательные при условии адъективации: күүстээк 'сильный', от күүс 'сила'; дьоллоок 'счастливый', от дьол 'счастье'; эйдөөк 'имеющий память, умный', от эй 'разум, память'.

2. Аф. -таагы (и т.д.) ∞ -даагы (и т.д.) ∞ -наагы (и т.д.) ∞ -лаагы образует прилагательные со значением 'где находящийся': Пьеркэптээги 'часовенский', от Пьеркэл 'Часовня' (название населенного пункта); уораннаагы 'находящийся на пороге, житель с поро-

га', от уоран 'водопад, порог'; күөлээги 'озерный, находящийся на озере', от күөл 'озеро'.

3. Афф. -гы (и т.д.) ∞ -кы (и т.д.) ∞ -ны (и т.д.), присоединяясь к именам существительным и наречиям, имеющим временные и местные значения, образует прилагательные места и времени: былыр-гы 'прежний, старинный', от былыр 'прежде, давно'; хаас-кы 'весенний', от хаас 'весна'; урук-ку 'прежний', от урут 'прежде, раньше сначала'; Һайын-һы 'летний', от Һайын 'лето, летом'; бүтүн-һү 'сегодняшний', от бүтүн 'сегодня'.

4. Афф. -мсак (и т.д.) образует прилагательные со значениями 'любящий что-либо', 'пристрастный к чему-либо': арагымсак 'любящий вино', от арагы 'вино'; билимимсак 'любопытный', от билим 'знание'; огомсок 'любящий детей', от ого 'дитя'; көһүүмсак 'любящий кочевать', от көһүү 'кочевье'.

5. Афф. -мсык (и т.д.) образует прилагательные со значениями 'воображающий себя чем': баайымсык 'воображающий себя богатым', от баай 'богатый, богатство'; киһимсык 'воображающий себя настоящим человеком', от киһи 'человек'; огомсук 'корчащийся из себя ребенка', от ого 'дитя'.

Продуктивные аффиксы отглагольных прилагательных. I. Афф. -гас (и т.д.) образует прилагательные, обозначающие качество предмета, полученное в результате действия, выраженного в основе: Һымнагас 'смирный' (об олене), от Һымнаа- 'делаться смирным'; Һыһыгас 'сладкий, вкусный', от минһыи- 'становиться сладким, вкусным'.

2. Афф. -гар (и т.д.) имеет значение, аналогичное предыдущему: Һыакчагар 'низкорослое, короткошее животное', от Һыакчай- 'уменьшать свой рост'; кугагар^I 'имеющий тонкую и длинную шею (о пагаре), от кугай- 'вытягивать шею'; өкөгөр 'согнувшийся', от өкөй- 'сгибаться, горбиться'.

3. Афф. -кай (и т.д.) образует прилагательные, обозначающие цвет: көгөркөй² 'синий, зеленый', от көгөр- 'синеть, зеленеть'; саһаркай 'желтый, оранжевый и близкие к ним оттенки', от саһар- 'желтеть'.

^I Эти основы и в "Словаре якутского языка" Э. К. Пекарского и в "Якутско-русском словаре" [1972] отсутствуют.

² Основа көгөркөй 'синий, зеленый' в приведенных выше формах отсутствует.

Усиление качества, выраженного прилагательным, достигается путем присоединения препозитивной частицы, состоящей из начальных согласного и гласного или только гласного прилагательного, оформленной аффиксом -п или -бис. Например: кап-карана 'очень темный, претемный', кап-кара 'черный-пречерный', кып-кытаркай 'красный-прекрасный', кып-кыра 'премалюсенький', үп-үрүн 'светлый-пресветлый' (о масти оленя), чабит-чээлкээ 'белый-пребелый', тобус-толору 'полный-преполный', һыбс-сыгыннак 'совершенно голый' и т.д.

Иногда частицей усиления служат слова, имеющие в языке и самостоятельное значение. Таково, например, слово мун 'предел': мун ылгын 'самый младший', мун улакан 'самый большой, старший'.

Этот способ выражения усиления качества известен и в других тюркских языках [Исхаков, 1956б, с.142]. Он характерен для имени прилагательного и отсутствует у существительных.

У долган также можно наблюдать выражение усиления качества в восклицательных предложениях. Имя прилагательное принимает аффикс принадлежности (выражает в этом случае избирательность 'самый... из его') 3-го лица -а, -та в ед. числе, -тара, -дара во мн. числе и усилительный афф. -й. Например: Кытаркай-ай! 'Что за красный-его!', от кытаркай 'красный'; Баскуой-ай! 'Что за красивый-его!'

Эта форма употребляется в вопросительных предложениях в роли сказуемого: Ити тугуй этэ кытаркай-а-й? 'Что это мясо-ее такое красное?'; Дуо, эн танаһың того баскуой-а-й? 'Дуо, твоя одежда почему такая красивая?'; Того баскуойдарай дин-дин бата-батан һитэн тутан угураталаабит? 'Почему такие красивые?' говоря, преследуя, наступив, схватив, целовал (множественно).

Усиление качества можно также выразить путем присоединения усилительных слов, употребляемых частично и с именами существительными, - агай, багады, көөкүн, одус: Бэйэтин танаһа ирбааһыта һыһлыһата барыта һолотой агай буолбут 'Самого его одежда: рубаха-его, штаны-его - все-его, только золотое стало'; Кыс аттыгар киһи мунһа кали багады утуһа һытар 'Подле девушки человек большой-пребольшой спит себе (она лежит)'; Корубата мөкү багады кир агай 'Корова-его безобразная, грязь сплошная'; кали мунһа 'очень большой', ити көөкүн 'очень теплый'.

Кроме того, усиление значения качества достигается путем повторения прилагательного, как это наблюдается в именах существительных: баскуой да баскуой гуорат 'красивый-то, красивый город', ыһигэс да ыһигэс кылэп 'мягкий-то, мягкий хлеб' (с частицей да).

Иногда прилагательное может повторяться и без частицы да: атын-атын ас танаһа толору 'совсем иной пищи, одежды полно.. Есть

даже прилагательное, в котором основа повторяется всегда: эгигин 'различный, разнообразный' (як. эгин).

Сравнение степени качества передается, как в якутском и других тюркских языках, синтаксически, то есть имя существительное с которым сравнивают по качеству какой-либо предмет, ставится в сравнительном или исходном падеже (см. с. 129), а также с помощью слов бэрт 'превосходный, лучший', ордук 'излишек': Манна дьете кинээс уола: "Бэрт да буллун — биһигиннээгэр бэрт булуо Һуога" 'Тут сказал сын князя: "Самое лучшее даже пусть ищет, по сравнению с нами лучшее не найдет"' ; Мин киһи гиэник бэрдин билбэшик 'Я человеку принадлежащее лучшее не знаю' (речь идет о красавице). Бу кыстан арай ордук көрүмнээк дьактар эбит 'Ведь женщина имеет вид лучше же этой девушки (Этой девушки лучше вид имеет женщина ведь)'; Ол миньигиттэн тутунан ордугуй? 'Тот меня чем лучше?'

Прилагательные так же, как имена существительные и многие другие части речи, могут быть парными словами. Например: Агис ты нүктээк айдаанк-сайдаанк туорат дьэ буол! 'Восьмиконный проселочный городской дом стань!' Среди парных прилагательных можно выделить такие, которые состоят из слов якутского происхождения и заимствованных из других языков. Например: етүе баскуой 'хороший-пригожий'. Иногда в такие парные сочетания объединяются прилагательные с противоположным значением: етүе-мөкү 'хороший-плохой, т.е. всякий'.

Довольно распространенное употребление при прилагательных имеет уменьшительный аффикс -каан, который также в некоторых случаях служит для усиления значения качества. Например: Күчүтүдүккү куомната иһигэр кыс богдо утуһан налайа Һытар 'В малюсенькой комнате девушка-красавица, уснувши, раскинувшись, лежит'.

Ослабление качества также имеет несколько способов выражения. Один из них — присоединение к основе аффикса -тына (и т.д.) (ср. тюрк. -сынгы [Расодин, 1978, с. 90]), например: кара-тына 'черноватый', уһун-нуна 'длинноватый', саһаркай-дына 'желтоватый', кыһыл-дына 'красноватый'. По свидетельству С. В. Истремского этот аффикс, присоединяясь к именам существительным, имеет уже несколько иное значение [1900, с. 51].

Ослабление качества также передается частицей һогуо: кара һогуо 'черноватый', борон-һогуо 'сероватый', улакан-һогуо 'великоватый' (большенький), кэтит-һогуо 'широковатый', үрдүк-һогуо 'высоковатый' (высоконький).

Кроме того, ослабление качества может быть передано синтаксически точно такими же способами, как и усиление качества, в зависимости от значения прилагательного.

Склонение имен прилагательных

Склонение имен прилагательных, морфологически совпадая со склонением имен существительных, все же существенно отличается от него, что в значительной степени зависит от синтаксической роли, выполняемой именами прилагательными.

Наиболее часто прилагательные употребляются в качестве прилагательного определения, так как они выражают свойство, присущее определяемому. Определение при подлежащем: Онно һинил дьактар оморор 'Там молодая женщина живет (сидит)'; при прямом дополнении (в винительном падеже): Бу киһи кырдыгас эмээксини диэбит 'Этот человек про старую старуху сказал'; Огоньор күчүгүһи оҕону көрбөт 'Старик маленького ребенка не видит'; при прямом дополнении (в частном падеже): Эбэ, аһыккытын эгин-эгин аста ылан эгал 'Бабушка, чтоб нам поесть, разной еды (пищи) принеси'; при обстоятельстве места: Мөкү голомого эмээксин оморор 'В плохой землянке старуха живет'; при обстоятельстве образа действия: Набун дьактар баай олоҕо оморор 'Вдова в богатой жизни живет'. Во всех этих примерах прилагательные, будучи определениями, не согласуются с определяемыми ни в падеже, ни в числе. Единственное, что говорит о их роли в предложении — это место перед определяемым. Падежное оформление определяемого относится ко всему сочетанию.

Довольно часто употребляются имена прилагательные в роли сказуемого, например: Үрөк кырдылгар өтүө һир кырсаалаак, мастаак, өтүө багадны 'На возвышенности (у) реки хорошее место, песцовое, лесное, очень хорошее' (сказуемое в простом предложении); Баайда-ра-тотторо тэннэр 'Достатки их равные'; Күн, күн бэрт йэт! Күн, күн бэркин дуу? Бэршин да бэршин! 'Солнце, солнце превосходнее всего! Солнце, солнце, превосходное ли ты? Я превосходное, да, превосходное!'; Атын һиргэ биэрэр кэриэтэ оҕолорбутун кыттарыккытын өтүө 'Вместо того, чтобы отдавать в другое (чужое) место наших детей, поженить бы хорошо' (главное сказуемое в сложном предложении).

Выступая в качестве сказуемого, имена прилагательные, как показывают примеры, принимают аффиксы сказуемости (в 3-м лице ед. числа — нулевой), но только в настоящем времени. В других временах личное оформление несет связка.

Таким образом, наиболее часто прилагательные употребляются без падежных аффиксов. Но падежные формы прилагательных не такая уж редкость в речи долган. Их можно наблюдать при субстантивации: ираактаагы 'царь' (досл. далеко находящийся), һырайдаак 'название вольца с камнем' (досл. имеющий лицо); при инверсии: Кыс баскуойу көрбүтүм 'Девушку красивую увидел я', эм. баскуой кыһы көрбүтүм.

В текстах встретилось не мало примеров употребления формы винительного падежа прилагательных меку 'плохой', етүе 'хороший' в которой они сохранили свое значение.

Формы безличного склонения. Например, прилагательное меку 'плохой': "Баай огото мөкүңү оңоруо һуога" — диир миньизэңэ убайым, мин дьибын: "Дьаданы огото, эйдөөк буоллагына һин мөкүңү оңоруо һуога" "Богатого дитя плохое не сделает"; — говорит мой старший брат, а я говорю: "Бедного дитя, если он умным будет все равно плохое не сделает"."

Парное слово етүе-баскуой 'хороший, красивый': Эһьэксэ та етүөнү-баскуойу кере иликпин 'Подобную тебе хорошую-пригожую етүе не видел-я'. В этом примере прилагательное етүе-баскуой 'хороший-пригожий' дано с объектом сравнения с последующим талы 'подобно' (як. дылы). Объект сравнения может иметь форму сравнительного падежа: Эһьигиннээгэр етүөнү үйэбэр кере илик эһим 'По сравнению с тобой хорошую (лучше тебя) на веку моем еще не видел'.

Форма лично-притяжательного склонения. Эгүн-эгин астан ас етүөтүн ылан иһпит 'Из разной еды самую лучшую-ее взяв, принею'. В приведенном примере прилагательное етүе 'хороший' имеет аффикс винительного падежа притяжательного склонения 3-го лица ед. ч. ла -тын. Аффикс принадлежности (элемент -ты-) относится к имени существительному ас 'еда' и выражает высшую степень качества прилагательного (ас етүөтүн 'лучшую из еды'). Возможен вариант с противоположным значением (ас мөкүтэ 'худшая из еды'). Элемент -үн выражает отношение к сказуемому и указывает, что сочетание ас етүөтүн является прямым дополнением.

Форма предикативного склонения. Кайабыт олонкото дуу ылан дуу бэрдин биляэкпитин... 'Чтобы узнали мы, чья из нас (досл. из твоего-нашего) сказка-его ли, песня-его ли прекрасна-она...' В приведенном примере слово бэрт 'отличный, превосходный' имеет форму винительного падежа предикативного склонения 3-го лица ед. ч. ла (аффикс -ни). Личный элемент его -н- (после согласных) относится к избираемым подлежащим олонко или песня (если бы они означали 'и олонко, и песня' личный элемент был бы -лары), по отношению к которым он выражает предикативное отношение: олонкото дуу, бэрт та дуу бэрд-и-н 'сказка ли, песня ли прекрасна-она (не принадлежность лицу, а согласование в лице с подлежащим). Поэтому данное склонение следует называть предикативным [Убрятова, 1976а, с. 137; 1981].

Собственно падежный элемент -ни аффикса винительного падежа лично-притяжательного склонения 3-го лица ед. числа выражает синтаксическое отношение прямого дополнения к своему сказуемому

лиэкитин 'чтобы узнали-мы'. Это форма винительного падежа предикативного склонения I-го лица мн. числа от причастия на -лак будущего времени выражает цель действия. Сказуемое, выраженное падежной формой причастия, являясь главным по отношению к предложению "слонкото ырыта бэртин... 'сказка ли, песня ли прекрасна'", в свою очередь является неокончательным, зависимым сказуемым по отношению к главному предложению (в данном примере опущенному).

Встречаются также прилагательные и в других падежных формах. Например, основной падеж: Этүе мөкү, айны абааны тийиз наттылар 'Хорошие, плохие, добрые, злые (духи) достичь безуспешно пытаются'; творительный: Бу мөкү киши мөкүтүнэн хурактаан буолла 'Этот плохой человек своим плохим известный стал'; исходный: Кытаркай-цартан муң кытаркай һаптары таллан ылыт 'Из красных самые красивые нитки выбрав, взял'.

Среди приведенных примеров можно отметить падежные формы как безличного, так и лично-притяжательного склонения, причем, как уже говорилось выше, морфологически падежные аффиксы имен прилагательных и существительных совершенно совпадают.

Разницу в склонении этих двух частей речи составляет то, что прилагательные, выступая главным образом в роли определения и сказуемого, реже употребляются в форме косвенных падежей. В тех случаях, когда имена прилагательные выступают в качестве других членов предложения, преобладают формы безличного склонения, в то время как для имен существительных наиболее распространенными являются формы лично-притяжательного склонения (см. с. 115). Отличает склонение имен прилагательных от словоизменения имен существительных также и то, что они, выступая в роли сказуемого зависимого предложения, принимают падежные формы предикативного склонения, чего не бывает у имен существительных (подробнее см. [Убрятова, 1976а, с. 136]).

Отрицание при прилагательных выражается с помощью имени отрицания, причем само прилагательное получает притяжательный аффикс 3-го лица, выражающий безличную принадлежность, например: етүетэ һуок киши 'нехороший человек', һинилэ һуок дыктар 'немолодая женщина', һөрө һөп, киэнэ да һуок, уһуна да һуок 'в самый раз, ни широкий, ни длинный'.

Аффикс обладания -лаак, присоединяясь к именам прилагательным, выполняет роль союза, например: киэннээк уһун миньнээк 'широкий и длинный мне'.

Таким образом, имя прилагательное отличается от существительного словообразованием, усилительной редупликацией первого слога основы (туркский способ), частично склонением (наличие предикативного склонения) и способом связи с другими словами.

В языке долган те же числительные, что и в якутском и других тюркских языках. Их отличия главным образом фонетические. В словообразовании и употреблении в предложении можно отметить лишь незначительные особенности, наблюдаемые к тому же и в некоторых других диалектах якутского языка.

Разряды числительных

Количественные числительные у долган следующие: биир 'один', икки 'два', үс 'три', түөрт 'четыре', биэс 'пять', алта 'шесть', һэттэ 'семь', аһыс 'восемь', тогус 'девять', уон 'десять'.

Количественные числительные второго десятка образуются из уон 'десять', слова ордук 'излишек, сверх, больше' с аффиксом принадлежности 3-го лица ед. числа и количественного числительного первого десятка. Аналогично образуются и последующие количественные числительные с той разницей, что вместо слова уон 'десять' в них ставится название круглых десятков и сотен (примеры см. ниже). Слово ордук не имеет здесь своего прямого значения, так как выражение 'сверх какого-либо количества' образуется в долганском языке с помощью послелога такса (деепричастной формы от глагола таһыс- 'выходить'). Например: үс һүүстэн такса табалара 'свыше трехсот оленей у них'. Способ образования количественных числительных, начиная со второго десятка, со словом ордук, по свидетельству Э. К. Пекарского и В. В. Радлова, можно наблюдать в некоторых диалектах якутского языка. В литературном же якутском языке количественные числительные, начиная с одиннадцати, образуются без вставки слова ордук. Например: уон ордуга биир 'одиннадцать', як. уон биир; уон ордуга икки 'двенадцать', як. уон икки; уон ордуга үс 'тринадцать', як. уон үс; уон ордуга түөрт 'четырнадцать', як. уон түөрт; уон ордуга биэс 'пятнадцать', як. уон биэс; уон ордуга алта 'шестнадцать', як. уон алта; уон ордуга һэттэ 'семнадцать', як. уон сэттэ; уон ордуга аһыс 'восемнадцать', як. уон аһыс; уон ордуга тогус 'девятнадцать', як. уон тогус; һүүрбэ 'двадцать', як. сүүрбэ; һүүрбэ ордуга биэс 'двадцать пять', як. сүүрбэ биэс; отут 'тридцать', як. отут; оту үс 'тридцать три', як. отут үс.

Круглые десятки свыше тридцати, сотня и тысяча обозначаются в языке долган так же, как в якутском: түөрд уон 'сорок', як. түөрт уон; биэһ уон 'пятьдесят', як. биэс уон; алта уон 'шестьде-

сят', як. так же; һэттэ уон 'семьдесят', як. так же; агһһ уон 'восемьдесят', як. агһс уон; тогуһ уон 'девяносто', як. тогус уон; һүүс 'сто', як. сүүс; тыһачча 'тысяча', як. тыһыңча.

Образование круглых десятков от сорока до девяноста можно сравнить с их образованием во всех сибирских тюркских языках [Рассадин, 1978, с. 114].

Единицы и круглые десятки, начиная с сорока, присоединяются непосредственно. Например: түүрд уон биир 'сорок один', икки һүүс биһһ уон биһс 'двести пятьдесят пять', үс тыһыңча алта уон алта 'три тысячи шестьдесят шесть'.

Количественным числительным соответствует вопросительное местоимение кас? 'сколько?', як. хас?

От круглых десятков путем присоединения аффикса -ча (< др.-тюрк. сравнительный падеж) образуются приблизительные количественные числительные, например: уонча 'приблизительно десять, около десяти', һүүрбөччэ 'приблизительно двадцать, около двадцати'; һэттэ уонча 'приблизительно семьдесят, около семидесяти'.

Приблизительные количества, состоящие не из круглых десятков, выражаются с помощью служебного слова курана, которое распространено в якутских диалектах. Оно соответствует послелогу литературного якутского языка кэрин 'примерно, приблизительно, около' [Диалектологический словарь якутского языка, 1976, с. 127]. Например: уон ордуга үс курана 'около тринадцати', отут ордуга биһс курана 'около тридцати пяти', бучча курана 'столько приблизительно, как это'; биир час куранынан олорон каалыам 'около часа посижу'.

От всех количественных числительных присоединением аффиксов -лы (и т.д.), -ты (и т.д.), -ды (и т.д.), -ны (и т.д.) (исторически деэпричастие на -а ∞ -ны от глаголов на -лаа) образуются разделительные числительные. Например: икки-ли 'по два', үстүү 'по три', уон ордуга биирдии 'по одиннадцати', һүүс биһһ уоннуу 'по сто пятидесяти'.

Беспорядочное распыление по одному передается повторением количественного числительного биир 'один', например: онтон киһилэр биир-биир һүүрэлии каалылар 'Потом люди по одному разбежались'; һас буолан һирдэритэр дойдуларыгар биир-биир барыталаабыттар 'С наступлением весны в свои места по одному разошлись'.

Вопросительное местоимение для этой группы числительных - кас-тын? 'по сколько?'

Разделительные числительные могут быть образованы и от приблизительных числительных, например: уончалы 'приблизительно по десять', һүүрбөччэли 'приблизительно по двадцать', һэттэ уончалы 'приблизительно по семьдесят'.

Кратные числительные образуются от количественных путем соединения аффикса -та (и его вариантов), например: биирдэ 'однажды'; иккитэ 'два раза, дважды'; һүүс биэһ уонна 'сто пятьдесят раз'; Иньэтэ-агата биирдэ байгалтан туус көрдүү барбыттар дители-его однажды из моря соль добывать ушли'; Үстэ добдур 'Трижды непонятное бормотание совершил' (як. громко монотонно роговоркой произнес). С этим же значением аффикса -та имеется в маньчжурском языке [Попше, 1937, с. 89; Kaŋzjynski, 1961, с. 80]. Возможно, что аффикс многократного вида глаголов -талаа также включает в себя этот аффикс.

Вопросительное местоимение к этим числительным - каста? 'сколько раз?'

Аффикс кратных числительных присоединяется к приблизительным, образуя особые формы числительных, которые можно было бы назвать приблизительно кратные. Например: уончата 'приблизительно десять раз', отуччата 'приблизительно тридцать раз', биэһ уончата 'приблизительно пятьдесят раз'.

Вопросительное местоимение к ним - каччата? 'сколько раз приблизительно?'

Аффикс кратных числительных присоединяется также к разделительным числительным, образуя разделительно-кратные числительные. Например: биирдиитэ 'по одному разу', алталыта 'по шесть раз', агыстыта 'по восемь раз', уоннуута 'по десять раз'.

Вопросительное местоимение к разделительно-кратным числительным - кастыта? 'по скольку раз?'

Присоединяясь к приблизительно разделительным числительным, аффикс -та образует особую группу числительных со значением 'приблизительно по столько-то раз'. Например: уончалыта 'приблизительно по десять раз', отуччалыта 'приблизительно по тридцать раз', алта уончалыта 'приблизительно по шестьдесят раз'.

Вопросительное местоимение к этим числительным - каччалыта? 'приблизительно по скольку раз?'

Многократность в языке норильских долган может быть передана с помощью служебных слов (кат, төгүл), имеющих значение 'раз'. Например: иккини иккитэ кат түэрт буулуога 'дважды два - четыре'; Онтон биирдэ уграспыттар, онтон бииргэс кат 'Потом один раз поцеловались, потом еще раз'; Бо ого мантыгын үс төгүл эргийэн, үһ эргийитинэн чбмүйэттин ортотугар диэри илпит 'Это дитя эту твою три раза повернув, третьим поворотом палец ее (царевны) до середины почти подел'.

В приведенных примерах кратность выражается и аффиксально (иккитэ 'дважды', биирдэ 'однажды' в значении 'один раз'), и аф-

литически (бииргэс кат 'другой раз', үс төгүл 'три раза'), а в сочетании иккитэ кат одновременно и синтетически, и аналитически. Такое же одновременно аналитическое (биир-биир 'по одному') и синтетическое (аффиксы многократного вида глагола -элээ < -эли и -н-та-лаа) выражение кратности и разделительности можно видеть в примерах, приведенных выше (с. 137). Как особенность грамматического строя в якутском языке это уже отмечалось [Убрытова, 1948а, с. 553]. По-видимому, и долганскому языку это также свойственно.

От количественных числительных путем присоединения глагольного словообразовательного афф. -лаа (от именных основ) могут быть образованы глагольные основы со значением 'делать что столько-то раз'. Например: биирдээ- 'делать что по одному разу', иккилээ- 'делать что два раза', үстээ- 'делать что три раза', уоннаа- 'делать что десять раз'. Глагольная форма может быть также образована от слов кат и төгүл 'раз': каттаа- 'опять делать, повторять', төгүллээ- 'производить, происходить (столько-то раз)'.

Собирательные числительные образуются от количественных с помощью афф. -нан, -иан, -уон, -үөн. Присоединение аффикса требует перехода дифтонга основы в широкий гласный, опускания конечных гласных, а также узкой гласной конечного закрытого слога: иккиэн 'двоем, двое', үһүэн 'втроем, трое', төрдүөн 'вчетвером, четверо', бэһиэн 'впятером, пятеро', алтыан 'вшестером, шестеро', һэттиэн 'всемером, семеро', аксыан 'восьмером, восьмеро', токсуон 'вдевятером, девятеро', онуон 'вдесятером, десятеро'.

В якутском языке, кроме этой формы, есть собирательные количественные числительные с афф. -на (-иэ, -уо, -үө): иккиэ 'двое', онуо 'все десять', үһүө 'трое', алтыа 'шестеро'. Они восходят к древнетюркским собирательным числительным на -гу [Böhtlingk, 1851, § 410]. Приведенные выше формы восходят к ним, но только в древнем творительном падеже (гу-н). В якутском языке формы на -нан сохраняют именно это значение и воспринимаются как наречия: иккиэн барда 'двоем ушли'. Однако с притяжательными аффиксами они употребляются в падежных формах: иккиэммитин 'обоих нас'.

Вопросительные местоимения к этим формам - каһна? ∞ каһнан? 'в каком количестве?'

Значение собирательных числительных иногда передается формой множественного числа количественных числительных, например: иккилэр 'все два', үстэр 'все три', түөртэр 'все четыре', биэстэр 'все пять', алталар 'все шесть', һэтталэр 'все семь', агыстар 'все восемь', тогустар 'все девять', уоннар 'все десять', уонор-

дуга биирдэр 'все одиннадцать', һүүрбэлэр 'все двенадцать', һүүстэр 'все сто', һүүс биэһ уон иккилэр 'все сто пятьдесят два', һымыта биэстэр — куба 'все пять яиц (его) — лебеди'.

От количественных числительных присоединением афф. —найак (и т.д.) образуются ограничительные числительные: үһүөйак 'только трое, три'; төрдүөйак 'только четверо, четыре'; бэһиэйак 'только пятеро, пять'; алтыайак 'только шестеро, шесть'; һэттиэйак 'только семеро, семь'; аксыайак 'только восьмеро, восемь'; токсуойак 'только девятеро, девять'; онуойак 'только десятеро, десять'.

Н. И. Ашмарин приводит любопытную форму от пёрре 'один' — пёрехсах, пёрессэх, пёрессах 'один только', — которую он рассматривает как сокращенную из пёрре антах [1898, с. 183]. Чувашское слово антах 'только, лишь' соответствует по значению и по форме турецкому ansak [Магазаник, 1945, с. 33] и якутскому сыччах (у норильских долган не употребляется).

Наряду с ограничительно-собирательными следует отметить еще одну группу ограничительных числительных, которую, в отличие от предыдущей, можно назвать ограничительно-количественные числительные. Образуются они из количественных присоединением афф. —каан (и т.д.), который придает им значение ограничения. Например: бииркээн 'только один', иккикээн 'только два', үскээн 'только три', түөркээн 'только четыре', биэскээн 'только пять', алтакаан 'только шесть', һэттэкээн 'только семь', атыскаан 'только восемь', тогускаан 'только девять', уонкаан 'только десять'. Так, в сказке абааны (злой дух), считая новые бочки с мертвыми телами, говорит: "Бииркээн баар эбит! Иккикээн баар абит! 'Только одна есть оказывается! Только две оказывается есть!'"

Аффикс —каан в значении ограничительного употребляется и в других случаях, например: маннакаан 'тут же', от манна 'здесь'; оннокоон 'там же', от онно 'там', ср. эвенк. джукчисаан 'двоецом', от джукча 'оба' [Титов, 1929, с. 56] и сол. з̄шч̄х̄г̄э̄ 'только двое, двоешенько', от з̄шч̄ 'двое, вдвоем' [Поше, 1931, с. 84]; һаныкаан 'сейчас же, немедленно', от һаны 'именно, сейчас'; Ба ого таксан биир купыаска баран диэбит: "Һаныкаан бололпуна оһор!" 'Это дитя выйдя, к одному купцу уйдя, сказало: "Сейчас же меч для меня сделай!"'. В этом же значении афф. —каан может быть употреблен и с ограничительными числительными: Нөнүө күн киэһэ буулуогар диэри биэк үһкүүдүүлэр иккиэйэккээн 'На следующий день до наступления вечера все пляшут только вдвоем'.

Порядковые числительные образуются от количественных путем присоединения афф. —ыс (и т.д.), —с (< др.—тюрк. —нч): икки-о

'второй', үн-үс 'третий', төрд-үс 'четвертый', бәһ-ис 'пятый', алт-ис 'шестой', һәтт-ис 'седьмой', акс-ис 'восьмой', токс-ус 'девятый', он-ус 'десятый'.

Порядковое числительное 'первый' образуется не от количественного, как все остальные. В этом случае используется слово маннайгы 'начальный', от маннай 'в начале' (<монг. манлай 'лоб', 'передний' [Kaḷuḷyn'eki, 1961, с. 15, 57]). Образованное же от биир 'один' бииргәс имеет значение 'второй, второй' и служит союзным словом. Например: Икки баскуой дие тураллар: бииргәс ыраактаагы диетә, бииргәс наабун дьактар дьизетә 'Два красивых дома стоят: один царя дом, другой вдовы дом'. В значении 'второй, следующий' употребляется нөнүө: Нөнүө күннә дьери һурак һуок 'До следующего дня вести чет'.

Дробные числа образуются из сочетания порядковых числительных и служебного слова анар 'половина', 'один из пары (рук, ног и т.п.)' с притяжательным аффиксом. Например: икки анара 'полтора' (як. балтара < рус. полтора), үһүс анара 'два с половиной' и т.д.

Для обозначения половины какого-либо количества, например половины сотни, употребляется количественное числительное и существительное анар 'половина' с притяжательным аффиксом. Например: биир анара 'половина', уон анара 'полдесятка', һүүс анара 'полсотни'.

Склонение имен числительных

Имена числительные самостоятельно употребляются редко. Чаще всего они служат количественными определениями при других частях речи. Например: Уон ученик кааман испиттәр 'Десять учеников отправились'; Биир бочуку турар 'Одна бочка стоит'; Үс ат тураллар 'Три лошади стоят'.

Как показывают примеры, связь определения с определяемым ничем не оформлена (примыкание). Если слово, которое оно определяет, стоит в косвенном падеже, то имя числительное с ним не согласуется. Например: Үс күнү гүлээйдээбиттәр 'Три дня праздновали'; Үһүдьян иһән биир голомону булбут 'Идя, одну землянку нашел'; Абааһы икки карага икки һәбичигә талы 'Два глаза абааһы двум свечам подобны'. Это можно наблюдать и на других группах числительных. Например: Төрдүс һылыгар дьактар ылла 'На четвертый год (свой) жену взял'; Бәһис күнүн һарсмарда дьактара әлбүт 'На пятый день рано утром жена его умерла'; Бу киһи үстә добдур гыммыт 'Этот человек трижды непонятное бормотание совершил'; Әләрүстә әләрсүбүтүнән иккиэйәк кутурук каалынттар 'Дрались, дрались, пока только два волка оста-

лось'; Иккиэйэк бочуку збыллитбит 'Только две бочки прибавились'.

Имена числительные принимают падежные аффиксы лишь тогда, когда они выступают самостоятельно. Бывает это очень редко, при опускании в речи определяемого. Например: "Кас кылы элөрдүһ?" 'Сколько диких убил ты?' — "Иккини 'Двух'"; "Кас ирбаакыны тикиттэ?" 'Сколько рубах сшила?' — "Биэһи 'Пять'".

Склонение имен числительных по форме совершенно совпадает со склонением имен существительных. Например, безличное склонение:

Основной	икки 'два'	үс 'три'	биир 'один'	уон 'десять'
Частный	икки-тэ	үс-тэ	биир-дэ	уон-һа
Винительный	икки-һи	үһ-ү	биир-и	уон-у
Дательный	икки-гэ	үс-кэ	биир-гэ	уон-һа
Исходный	икки-ттэн	үс-тэн	биир-тэн	уон-тан
Творительный	икки-нэн	үһ-ү-нэн	биир-и-нэн	уон-у-нан
Сравнительный	икки-тээгэр	үс-тээгэр	биир-дээгэр	уон-наагэр

Встретившиеся падежные формы лично-притяжательного склонения отличаются от аналогичных падежных форм имен существительных тем, что они дают указание не на принадлежность лицу, а прямо на лицо. Например: Иккиэммитин бочукуга угуоктара 'Нас двоих в бочку положат'; Киһини иккиэннэрин бочукуга уган бараннар абааһыга биирһи-тэрэ 'Людей двоих, в бочку положивши, абааһы отдадут'; Бу икки киһи иккиэннэригэр болот улакан букатыр онбрут 'Обоим этим людям старший богатырь меч сделал'.

В значении союза у долган иногда употребляется количественное числительное икки 'два', например: Огонньор эмээксин икки онбруттар үһү 'Старик и старуха жили, говорят'; Уол кыс икки эбэ кытылыгар балык удалы олорбуттар 'Юноша и девушка на берегу реки удили рыбу, сидели'. Количественное числительное в этом случае стоит после однородных членов предложения.

Большая часть материалов, приведенных в разделе "Имя числительное", записана в конце 1936 г. от учащихся школы-интерната Норильско-Пясинского кочевого Совета Дудинского района Таймырского округа. И почти все, что отмечается в грамматиках по якутскому языку о числительных, было известно долганским школьникам. Они пропустили только случаи употребления количественных числительных для обозначения возраста. Но вопросы к ним продиктовали. Так как эти вопросы — косвенное свидетельство употребления количественных числительных в этой функции, приведем их: каһый һылын 'сколько же тебе лет? (букв. сколько же год-твой?)', каһый һыла 'сколько же ему лет? (букв. сколько же год-его?)', каһый һыллара 'сколько же им лет? (букв. сколько же год-их?)', хастаак 'сколько имеющий?'

Анализ текстов показал, что герои сказок свой возраст обычно помощью числительных не уточняли. Чаще всего речь шла о поре жизни: Кэмнэрэ кэллэ. Уол ого киһи буолла. Дьактар кэмигэр тийдэ. Пору их пришла. Юноша человеком стал. Женщина своей поры достиг-
ла'.

Сопоставление с современным якутским языком показывает, что числительные в языке долган очень мало отличаются от якутских. Даже сохранилась важная для истории якутского языка фонетическая особенность — краткий широкий гласный вместо дифтонгов үө, иэ, уо в первом слоге порядковых, собирательных и ограничительных числительных. Являясь общетюркскими, эти разряды, по-видимому, сохраняют древнее звучание количественных числительных [Урятова, 1972, с. 581]. Это наблюдение подтверждается переходом дифтонгов үө, иэ, уо в краткие широкие гласные в некоторых основах после присоединения к ним аффиксов: күөх 'голубой, зеленый', көгөр- 'зеленеть'; биэр- 'давать', бэрин- 'сдаваться'; туол- 'наполняться', толор- 'наполнять'. Сохранение широких кратких гласных может служить одним из важных подтверждений гипотезы Л. Н. Харитонова [1954, с. 49] о возникновении долгих гласных и дифтонгов на якутской почве в односложных словах.

Из некоторых особенностей, представляющих интерес для истории якутского языка, можно указать на производное числительное бииргэс. Оно употребляется у долган в значении 'другой (раз)'. В современных якутских словарях это слово отсутствует. В Словаре Э.К. Пекарского слово приведено с указанием, что употребляется только с личными притяжаниями: бииргэспит 'один из нас', бииргэһэ..., бииргэһэ... 'один... другой'.

Г л а г о л

Глагол как часть речи в грамматике якутского языка определяется традиционно: глагол — это часть речи, которая "обозначает действие или состояние лица, предмета, явления" [Грамматика современного якутского литературного языка, 1982, с. 213]. Однако с этим определением не связаны образные и звукоподражательные глаголы, основы которых подробно исследовал Л. Н. Харитонов. Они отличаются системой основных грамматических признаков (форм вида, залога), а также отглагольным словообразованием (прилагательные, наречия и их усилительные формы). В первом параграфе своей книги он пишет: "Исходя из лексико-семантической природы и структурно-

грамматических особенностей якутского языка, я рассматриваю глагольные основы по трем их основным типам: 1) глаголы действия-состояния, 2) звукоподражательные и 3) образные глаголы" [1954, с. 15].

Этот вывод сделан на основе детального изучения материалов, извлеченных из "Словаря якутского языка" Э. К. Пекарского посредством сплошной выборки, из произведений художественной литературы и собственных наблюдений автора. Л. Н. Харитонов указывает, что звукоподражательные и образные глаголы исчисляются сотнями [1954, с. 15]. Значение их "не вполне соответствует обычному грамматическому понятию действия-состояния", они обозначают звуковые явления или звучания, мыслимые в глагольном аспекте [Харитонов, 1954, с. 16]. Звукоподражательные глаголы образуются с помощью специальных аффиксов, свойственных другим глаголам.

"Образные глаголы также не выражают ни действия, ни состояния в обычном смысле, а дают в глагольном аспекте образную характеристику внешнего вида, движения и физического состояния человека и предметов окружающего мира" [Харитонов, 1954, с. 16]. В отличие от звукоподражательных образные глаголы образуются от омертвелых корней с помощью аффиксальных элементов, которые не имеют в современном языке формальных значений. Корневой элемент образных глаголов происходит либо из образных глаголов, либо из обычных глаголов действия-состояния. "Непроизводные образные глаголы обладают особой морфологической структурой, в значительной своей части не присущей другим глаголам" "Кроме того, образные глаголы обладают целой системой видовых форм соответствующих своеобразной семантике этих глаголов и присущих им ко этим глаголам" [Харитонов, 1954, с. 15-16].

"За пределами указанных лексико-семантических и структурно-грамматических особенностей звукоподражательные и образные глаголы во всем остальном подчиняются общим грамматическим правилам, свойственным обычным глаголам действия-состояния. Они могут принимать общие формы вида, залога и наклонения, а также имеют полное спряжение наравне со всеми глаголами", - так характеризует звукоподражательные и образные глаголы Л. Н. Харитонов в параграфе 1-5 раздела "Общие замечания о глаголе" [1954, с. 15-16]. Эта характеристика семантических и морфологических особенностей звукоподражательных и образных глаголов якутского языка, самым тщательнейшим образом описанных им, показывает, что в словоизменении и образовании вида и залога они входят в состав якутских глаголов, но по своей функции в языке, семантике и частным грамматическим признакам составляют своеобразную автономию. Звукоподражательные и образные глаголы имеют большое значение, так как составляют систему грамматических средств, с помощью которых в якутском языке

широко и своеобразно выражаются образные представления и понятия. Л. Н. Харитонов пишет, что "они являются одним из средств эмоционального выражения и художественной речи" [с. 15]. Но, пожалуй, значение этих глаголов несколько шире, так как они показывают большую образность мышления в якутском языке. Звукоподражательные и образные глаголы широко представлены в якутской художественной литературе и фольклоре.

Как показывают тексты, записанные у норильских долган, звукоподражательные и образные глаголы есть и в долганском языке. Например: Ба кинһитэ үстэ добдур гыммыт 'Этот человек трижды глухо проговорил' (добдур 'сделал'); Одууһуттар одуулааннар, карак муһа эрдийи күннэ гилбэс гынарын агай көрөн каалбыттар 'Наблюдатели, наблюдая, увидели лишь, насколько глаз позволял, весло на солнце моментально блеснуло (моментальный блеск делает)'

В наших текстах звукоподражательные и образные глаголы представлены не с такой полнотой, как в труде Л. Н. Харитонova. Но они еще и не изучались. Пока можно сказать, что эти формы в языке долган, как и в якутском, появляются там, где они необходимы. Они входят в систему языка. Посредством регулярного словообразования они входят и в другие части речи. Поэтому наличие их должно быть отражено в определении глагола. Глагол в языке долган (и якутском) — часть речи, которая обозначает действие, состояние, образное выражение звучания и образную характеристику внешнего вида, движения и физического состояния человека и предметов окружающего мира. Все глаголы имеют общие формы словообразования, вида, залога, спряжения. Звукоподражательные и образные глаголы имеют, кроме того, каждый свое словообразование, видовые системы.

Словообразование якутского глагола подробно описано в многочисленных исследованиях. Первым это сделал О. Н. Бётлингк. Он составил якутско-немецкий словарь, в котором показал структуру каждого слова. Легко справившись со словами тюркского происхождения (пособия и словари по тюркским языкам уже были), он встретил некоторые затруднения с многочисленными монголизмами. Однако в это время начал издаваться "Монголо-русско-французский словарь" О. Ковалевского [1844, 1846, 1849]. О. Н. Бётлингк обратился непосредственно к автору и они стали обмениваться корректурами, так как словарь О. Н. Бётлингка печатался одновременно с третьим томом словаря О. Ковалевского. Ученики О. Ковалевского, работавшие в Казанском университете, также приняли деятельное участие в определении монголизмов в якутском языке, особенно много работал бурятский ученый Доржи Банзаров [Широбокова, 1973, с. 234]. С тех пор и установилась традиция в определении монголизмов в

якутской лексике. Когда готовился "Словарь якутского языка" Э. К. Пекарского, В. В. Радлов привлек к этой работе В. Котвича, Г. И. Рамстеда, Б. Я. Владимирцова, Н. Н. Поппе. О работе Ст. Калужинского упоминалось выше. Она была итогом большой коллективной работы монголистов по изучению монголизмов в якутском языке. "Словарь якутского языка" Э. К. Пекарского — идеальное пособие для изучения якутского словообразования, так как подавляющая масса имеющихся в нем слов даны с подробным указанием морфологического состава. Исследования Л. Н. Харитоновой [1954, 1960, 1963] и Ст. Калужинского [Kałużyński, 1961] служат важным дополнением к ним.

Словообразование

Словообразование глаголов в языке долган совпадает с якутским. Самым распространенным и продуктивным словообразовательным аффиксом отыменных глаголов в якутском языке является аффикс -лаа, который практически присоединяется к любому имени существительному. Он выражает лишь общую идею действия, а значение данного глагола определяется именной основой, от которой образуется глагол [Харитонов, 1954, с. 92; Убрятова, 1950, с. 88, 174]. Это же характерно для отыменных глаголов на -лаа в языке норильских долган.

1. Действовать предметом, названным основой: бакалаа— 'очищать от мездры оленью шкуру скребком', от бака 'скребок для очистки шкуры от мездры'; тимээктээ— 'застегивать', от тимээк 'пуговица'; курдаа— 'опоясываться', от кур 'пояс'; барганнаа— 'играть на баргане, музицировать вообще', от барган 'национальный музыкальный инструмент'.

2. Изготавливать предмет: кайагастаа— 'дыривить', от кайагас 'дыра'; чаайдаа— 'приготавливать чай'.

3. Снабжать: һүбэлээ— 'давать совет', от һүбэ 'совет'; уптаа— 'приделывать черен, рукоятку', от уп 'черен'.

4. Заниматься промыслом (по названию животных): кыыллаа— 'добывать дикого', от кыыл 'дикий (олень)'; балыктаа— 'рыбачить', от балык 'рыба'; чомогордоо— 'добывать рыбу, называемую чомогор'; кабынаканнаа— 'добывать куропаток', от кабынакан 'куропатка'.

5. Заготавливать: уулаа— 'носить, заготавливать воду', от уу 'вода'; мастаа— 'заготавливать дрова', от мас 'дрова, дерево'; аһылынтаа— 'собирать ягоды', от аһылык 'ягоды'.

6. Направляться к предмету: наллаа— 'отправляться в гости, быть в гостях', от нал 'житель, сосед'; һиэркэптээ— 'направляться

Часовню (название станка)'; уораннаа- 'направляться на порог',
от уоран 'порог'.

7. Производить действие: үлэлээ- 'работать', от үлэ 'рабо-
та'; одуулаа- 'пристально рассматривать', от одуу 'всматривание';
үжүүлээ- 'плясать', от үжүү 'пляска'.

8. Сообщать качество предмету: каралаа- 'чернить, линять (об
мехе)', от кара 'черный'; һытыллаа- 'точить', от һытны 'острый';
караһалаа- 'делать темным, темнеть, затемнять', от караһа 'темный,
темно'.

9. Испытывать состояние: ачыктаа- 'голодать', от ачык 'го-
лодный'.

10. Делать что-либо подобное тому, что выражает именная основа:
аранастаа- 'складывать что-либо, как в складе', от арангас 'склад';
иньэлээ- 'поступать, как мать', от иньэ 'мать'; агалаа- 'посту-
пать, как отец', от ага 'отец'.

11. Говорить на языке народности, названной основой: тылааа-,
какалаа- 'говорить по-долгански'; тонустаа- 'говорить по-эвенкий-
ски'; һамайдаа- 'говорить на языке нганасан'; луччалаа- 'говорить
по-русски'.

12. Исполнять произведения фольклора: олонкооос- 'рассказы-
вать сказку', от олонко 'сказка', як. 'исполнять олонко (былину)';
арылаа- 'петь песню', от ырыа 'песня'; таабруннаа- 'загадывать
загадки', от таабрун 'загадка', як. таабырын.

13. Производить действия, выражающее то, что обозначает имен-
ная основа: дорооболос- 'здороваться', от дорообо 'здравствуй'
(приветствие) < рус. здорово; пырастылас- 'прощаться', от рус.
прости.

14. Быть кем, выполнять действия, связанные с профессией,
обязанностью, от названия которых образована глагольная основа:
председаталлаа- 'председательствовать, быть председателем'; учи-
таалээ- 'учительствовать, быть учителем'.

15. Делать столько-то раз: биирдээ- 'делать что-либо один раз';
экикээ- 'делать что-либо дважды'.

Этим перечнем, разумеется, не исчерпываются все значения, ко-
торые имеют глагольные основы с словообразовательным аффиксом -лаа. Но
приведенных примеров достаточно для того, чтобы сделать вывод о
необычайной гибкости и универсальности этого аффикса, с помощью
которого в живой речи от любого имени могут быть образованы глаго-
лы с самым разнообразным значением. Причем эти глагольные основы
имеют как переходное, так и непереходное значение.

Употребление глагольных основ с аффиксом -лаа в предложении не-
редко делает излишним упоминание объекта действия.

Словообразовательный афф. -лаа оформляет заимствованные из русского языка глагольные основы (2-го лица ед. числа повелительного наклонения). Например: толкуйдаа- 'размышлять', от толкуй 'разум' < рус. толкуй; думайдаа- 'думать' < рус. думай; балтаадаа- 'болтать, говорить пустяки' < рус. болтать.

Афф. -лаа в древности присоединялся к причастным формам. Сочетанием причастного аффикса и словообразовательного афф. -лаа образовывались сложные глагольные аффиксы, выражающие видовые значения многократности (-ыталаа-), ускорения (-бахтаа) и др. (см. ниже, с. 15).

Довольно часто встречается афф. -аа, который имеет много значений, например, производить действие с предметом, от названия которого образован глагол: аһаа- 'есть' от ас 'пища'; проводить время - от существительных, обозначающих период времени: һаһааа- 'проводить период весны в каком-то месте', 'весновать' от һаас 'весна'.

В языке долган встречаются и другие словообразовательные аффиксы якутского языка: -й, -ыр, -тый, -сый, -мсый и др. Но эти аффиксы имеют более узкие значения и потому употребляются значительно реже.

Афф. -ый образует глаголы со значением 'становиться таким-то (по значению основы)': итий- 'становиться горячим' от итии 'тепло, горячий'.

Афф. -ыр образует глаголы, обозначающие появление того, что выражено основой (процесса, качества): тыалыр- 'подниматься ветру' от тыал 'ветер'; эргэр- 'стареть' от эргэ 'старый'; кырнаар- 'покрываться инеем' от кырна 'иней'; багар- 'любить', як. 'желать' от бага 'желание'.

Афф. -тый: киртий- 'грязниться' от кир 'грязь'.

Афф. -сый: олоксуй- 'поселиться' от олок 'жизнь, место жительства'.

Афф. -мсый: улумсуй-киһимсий- 'считать себя великим - считать себя человеком' от парного существительного улуу-киһи 'великий человек'.

Афф. -ргаа- образует глаголы со значением 'испытывать чувство, вызванное тем, что выражает основа': санааргаа- 'грустить, печалиться' от санаа 'горе, печаль, грусть'.

Все эти глаголы известны в тюркских языках с древнейших времен.

Афф. -рый: илдьирий- 1) 'приходить в негодность', 2) 'развариваться' от наречия илдьи 'в мякоть'.

Звукоподражательные глаголы

Термин "звукоподражательные глаголы" не очень удачен, так как никакого подражания звукам в них нет. Корень этих слов выражает представление об определенном звуке, например, хас выражает представление о громком крике. Отсюда глагол ханыр- 'громко кричать, вопить'. Но, по-видимому, был и глагол *хас-, так как есть отглагольное имя на -ны: ханы 'крик'. От него глагол с аффиксом -лаа: ханылаа- 'кричать'.

Нередко корни звукоподражательных глаголов сочетаются с обычными глаголами: шок-шок күлээ 'засмеяться, произнося звук "шок"'. Явно звукоподражательные глаголы норильских долган не всегда имеют параллели в "Словаре якутского языка" Э.К.Пекарского, а также в труде Л. Н. Харитоновой "Типы глагольной основы в якутском языке". По-видимому, это происходит потому, что таких глаголов очень много. Они легко образуют производные формы. И в одних местах оказываются преобладающими одни, в других - другие.

Нередко можно встретить основы звукоподражательных слов в качестве определений при имени существительном: Бу тэлгэнэ-тэлгэнэ-лэр диэбиттэр: "Агыс түһүктээк аҕаданк-сайданк город, дьэ, буол!" 'Вот расстилая-расстилая-они (внутренности животного), сказали они: "Ну, будь восьмиконный шумный город!"'

Из словообразовательных аффиксов звукоподражательных глаголов можно привести -сый: лон(к)суй-, ср. як. лонкунаа- 'издавать низкий протяжный звук (например, о колоколе)'; -гыраа: талыбыраа- 'брякать, шуметь'.

Аналитическое словообразование звукоподражательных глаголов состоит из именной формы звукоподражательного слова и служебного глагола гын- 'делать', например: Добдур гын- 'Добдур сделал', ср. к. добдугураа (от звукоподражательного слова *допт) 'говорить громкой монотонной скороговоркой' [Пекарский, стб. 724].

Образные глаголы

Образные глаголы, по-видимому, особых словообразовательных аффиксов не имеют. Они отличаются семантически и в образовании идюмных форм (см. ниже, например, лонсуй-, по-видимому, соответствует як. лонсой- 'принимать представительный, внушающий уважение вид' [Пекарский, стб. 1475]; кэнкэй- 'вдруг сделаться просторным' ; киэн 'широкий').

Залоги глагола

Залоги глагола [Харитонов, 1963] в языке норильских долган представлены общетуркской системой форм, которые присоединяясь к основе глагола, выражают некоторые дополнительные грамматические значения (совместность с кем-то в проведении действия, его пассивность).

Выделяют основной залог, не имеющий специального грамматического показателя и представленный в первичных глагольных основах: бил- 'знать', биэр- 'давать', келүй- 'запрягать' и др. Правда, Л. Н. Харитонов и в них подозревает наличие омертвевших залоговых показателей [1963, с. II] в конечных согласных: -л, -р, -с и др.

Совместный залог образуется с помощью аффикса -с и означает, что действие производится совместно или взаимно: барыс- 'пойти вместе', билис- 'знакомиться', бэрис- 'делиться'.

Возвратный залог образуется с помощью аффикса -н и означает, что действие направлено на деятеля или совершается в его интересах: бэрин- 'повиноваться', билин- 'признаваться'.

Форма страдательного залога образуется с помощью аффикса -лын- -ыллы и означает, что действие производится пассивно: сурулун- 'быть написанным' от суруй- 'писать'.

Побудительный залог, в отличие от предшествующих залоговых форм, лишь уточняющий характер действия (пассивность, возвратность, совместность), образует новую глагольную основу, в которой семантически (заставить выполнять то, что выражает глагольная основа) и грамматически (подлежащее - тот, кто заставляет; косвенное или прямое дополнение - тот, кого заставляют выполнять) формант побудительного залога играет главную роль. В языке норильских долган представлены все отмеченные в грамматиках аффиксы побудительных глаголов: -т, -ар, -тар, -нар.

Аффикс -т: аһат- 'кормить' от аһаа- 'есть'.

Аффикс -ар: толор- 'наполнять' от туол- 'наполняться'.

Аффикс -тар: биллэр- 'заставить, дать знать' от бил- 'знать'.

Аффикс -нар: туруор- 'поставить' от тур- 'стоять'.

В языке норильских долган (как и в якутском) аффиксы побудительного залога -т и -ар встречаются в сочетании -ар-т: ис-эр-т 'заставить поить' от ис- 'пить'; кэт-эр-т 'заставить одеваться' от кэт- 'одевать'. Возможно, что и аффикс -тар является таким же сочетанием аффиксов -т и -ар, следующих как бы в обратном порядке.

Залоговые формы при необходимости распространяются на все глаголы.

Виды глаголов

Характеристика способа и особенностей протекания действия в языке долган, как и в якутском языке, имеет специальное выражение: аффиксальное и аналитическое. Аффиксально выражаются следующие виды глаголов действия и состояния: многократный, ускорительный, уменьшительно-ласкательный. Многократность выражается общетюркскими аффиксами -налаа (< др.-тюрк. -гу), -нар (< др.-тюрк. -гур) и собственно якутским -(н)талаа.

Афф. -налаа: нтыналаа- 'стрелять много раз' от нт- 'стрелять'.

Афф. -нар: туруор- 'поставить' от тур- 'стоять'.

Афф. -(н)талаа: барыталаа- 'расходиться' от бар- 'уходить'.

Многократность может означать, что действие производится один раз многими, много раз одним деятелем, над многими объектами.

Ускорительный вид выражается афф. -бактаа: эгэлбэктээ- 'приносить скорей' от эгэл- 'приносить' (як. агал-).

Уменьшительно-ласкательное или уничижительное значение глагольной основы, конечно, не может считаться видовым, так как выражает субъективное отношение говорящего к производящему действию, а иногда и модальное значение. Но поскольку эти формы не обычны для тюркских глаголов, а по структуре своего форманта -аактаа- похожи на видовые, их можно рассматривать вместе. В "Грамматике современного якутского литературного языка" форма выделена и названа "глагольная основа на -аактаа" [1982, с. 225]. Глаголы с афф. -аактаа в якутском языке встречаются чаще всего в форме 3-го лица и в этом случае чаще всего и проявляются значения уменьшительности-ласкательности или, наоборот, презрения и уничижения¹.

В долганских текстах встретился пример, в котором интересующая нас форма стояла в I-ом лице ед. числа: Ыаны билээктээргэппин 'именно сейчас, к сожалению, не знаю', то есть говорящий выражает сожаление по поводу того, что он не знает того, о чем его спрашивают. В данном случае глагол имеет значение, которое можно считать модальным.

Аналитически видовые значения передаются сочетанием основного глагола в форме деепричастий и специальных глаголов эр-э ир- 'быть', бар- 'уходить, идти', тур- 'стоять', сырты- 'ходить, пребывать', ис- 'двигаться, идти', кэбис- 'бросить', хаал- 'остаться', түс- 'падать, опуститься', огус- 'ударить'.

¹ К. М. Черемисин указывал мне, что аналогичная по значению форма с таким же аффиксом -аактаа имеется в бурятском языке.

Имеющиеся в якутском языке вспомогательные глаголы отмечены еще О. Н. Бётлингом [1851, § 759], а вслед за ним и С. В. Яотремским [1900, с. 238]. Но они рассматривали их в разделе "Синтаксис" в связи с выяснением значений деепричастных форм. В последние годы в тюркологии эти глагольные формы подробно изучались многими исследователями [см., например, Юлдашев, 1965, с. 39-87]. Существует большая литература, выявившая значительные расхождения в составе и форме глаголов в разных тюркских языках.

В якутском языке это подлинно аналитические сочетания, в которых вспомогательные глаголы сохраняют форму самостоятельных см. Это особенно хорошо видно на примере глаголов тур- 'стоять', ол- 'сидеть', сит- 'лежать', сирит- 'ходить', которые в некоторых тюркских языках превратились в полуаффиксы. Например, в казахском глаголы түр- 'стоять', жүр- 'ходить', отыр- 'сидеть', жатыр- 'лежать', образуя настоящее время данного момента, принимая аффиксы сказуемости непосредственно к основе [Кенесбаев, Карашева, 1966, с. 331], а в сибирских тюркских языках стали просто аффиксами, например, чулымско-тюркском: мән на:рвот'им 'я иду (туда) в торопясь [Дульзон, 1966, с. 454], в котором глагол отыр- 'сидеть' стянулся в от'. Еще ярче это слияние основ вспомогательных глаголов с основным смысловым глаголом наблюдается в языке бачатских телеутов. Например, ol ekē pala tu:baltır 'оказывается она родила двоих детей' [Фисакова, 1976, с. 123]. В приведенном примере глагол состоит из основного глагола в форме деепричастия tu:p 'родив', глагола al 'взять', выражающего залоговое значение 'сбе', аффикс tır, восходящего к глаголу tur- 'стоять', образует прошедшее результативное [Фисакова, 1976, с. 114].

Формы видовой характеристики звукоподражательных и образных глаголов в наших материалах представлены небольшим числом примеров. Всю систему видов, выявленную Л. Н. Харитоновым [1954], они не обнаруживают, но составляют отдельные элементы этой системы и поэтому должны быть отмечены. Например, звукоподражательные глаголы многократного вида: Талактаак сиргэ талыбырыбын, сикиктөөн сиргэ салээрбин 'В тальниковой земле болтаю, в ольховой местности пустословлю' (из шуточной песни); түлүгүрээ-талгыраан түспүт як. түлүгүрээ- (вариант слова талгырас-) 'брякать, биться с дробным стуком' (о небольших деревянных предметах); үста добдур гыман 'трижды глухо пробормотал' (о старике, исцеляющем Илью-богатыря), ср. як. добдугураа- 'говорить скороговоркой громко монотонно'. Примеры на образные слова: кантайан турда 'стоит, подняв го-

локу вверх'; Өрө дьак кантаннабыт 'Стоял, подымая (несколько раз) голову вверх'. Афф. -һнаа, по Харитонову [1954, с. 247], выражает равномерную кратность. Калужинский [1960, с. 104] считает формы, а очень часто и основы слов заимствованными из монгольского языка.

Видовые значения глаголов, выраженные аналитически

В "Грамматике современного литературного якутского языка" [1982, с. 280] аналитически выраженные видовые значения рассмотрены в разделе "Виды". Они разбиты на четыре группы: начинательный, длительный, законченный и кратковременный. Так как в языке норильских долган видовые значения и аналитические формы их выражения в основном совпадают с якутскими, то к ним можно применить эту классификацию с некоторыми дополнениями.

Начинательный вид выражается сочетанием смыслового глагола в форме деепричастия на -ан и служебных глаголов ир-сэр- и бар-уходить'. Сочетания выражают начальную стадию действия и его продолжительность в дальнейшем. Исторически глагол ир-сэр- восходит к связке в древнеуйгурском языке [Gabain, 1974, с. 126]. В некоторых синтаксических конструкциях глагол эр- употребляется как связка и в языке долган: Мин эрдэ һиниһ ирдэһинэ эгин-эгин булчут киһини кытта бултааччы этим 'Я прежде, когда молодая была, с разными промышленными людьми вместе имела обыкновение охотиться (промышлять)'. Д. М. Насилов установил, что глагол-связка әр- еще в древнеуйгурских памятниках стал употребляться как служебный, выражающий видовое значение, аналогично его употреблению в якутском (и долганском) языках. [Насилов, 1976, с. 46]. Глагол ир-сэр- самостоятельно не употребляется. Как видовой имеет значение:

а) начала действия, например: Талактаҥ тардыстан үөлэһин көрдөгүһэ һаалаак һалдааттар көмүс көтөрдөөк атынан кетэн ирэллэр 'За тальник подтянувшись, в дымовое отверстие когда посмотрел: ружье (или лук) имеющие солдаты на сереброкрылых лошадях взлетают (летать начинают)'; Киһэһэ гынан ирэр 'Вечереть начало';

б) 'быть чем как раз занятым', например: Байдыгыта туннүккэ туран ирэн, Ыдьа карагыттан һүтэрбит 'Этот-то его у окна когда стоял (стоявши), Илья из глаз своих его потерял'.

Бар-идти'. Будучи вспомогательным, имеет значение начинающегося действия, например: ыллаа- 'петь', ыллаан бар- 'начинать петь'; Ууһуан бардыгына муннута тыһаабыт 'Когда начал засыпать, захрапел (нос его поднял шум)'.

Длительный вид выражают следующие служебные глаголы: ис- 'идти', омор- 'сидеть, жить, пребывать', һырыт- 'ходить, пребывать', һыт- 'лежать', тур- 'стоять'.

Ис- 'идти, двигаться' придает значение продолжающегося действия, например: Бо огомор баран иһэн көпсэтэллэр 'Эти дети, продолжая идти, разговаривали'; Һордоок дьоллоок күнү көрдүү иһэһэн 'Несчастливый, счастливый день иду я'.

Омор- 'сидеть, жить'. Как вспомогательный имеет значение продолжающегося действия, например: Үлгын чэмийэттигэр һолотой һырайдаагы кэтэн оморор 'На мизинец золотое кольцо одевает'; Бу иһэһэн алтын оморон уоһа да кыттыбат 'Вот пока шаманил, губы его не сходятся'.

Һырыт- 'ходить, пребывать'. Будучи вспомогательным придает основному глаголу значение 'заниматься чем, пребывать'. Например: тыта һырыт- 'все трогать'; Үйәләрин устатыгар муһу көрүмүһә һылдыһыттар 'В течение их жизни, горя не видя, пребывая'; Улакан алын ортотугар алта кутурук табалары кайнта тыта һылдыһалар 'Посредине большой лайды (ровное чистое место в тундре, лесотундре) шесть волков оленей разрывают (распарывая, трогая, пребывая)'.

Һыт- 'лежать'. Употребляясь в качестве вспомогательного, придает основному глаголу в форме деепричастия на -а/-ны значение 'поделявать что'. Например: Ол киһи дуоска һуора һытар 'Тот человек доску пострругивает'; Биһир һиргә мта ускааны кайнта һытар, биһир һиргә кыһы кайнта тыта һытар 'В одном месте его собака зайцев разрывает, в другом месте диких оленей разрывает'.

Тур- 'стоять, встать'. Как вспомогательный глагол, сочетается с основным глаголом в форме деепричастия на -а/-ны, имеет значение длительно продолжающегося действия. Например: Огото тимир орон үстүн каама турбут 'Дитя-ее вдоль железной тропинки шагал (век шагал)'; Ба аты һугасты турар 'Эту лошадь настигает (приближается)'; Йәруэк дьиз әргичийә турар 'Вращающийся дом все повертывается'.

Законченный вид. Значение законченного вида выражают служебные глаголы кэс- ∞ кэбис- 'бросать' и каал- 'оставаться', присоединяющиеся к деепричастиям на -ын от смысловых глаголов.

Каал- 'оставаться'. Как вспомогательный имеет значение закончившегося действия. Например: Эбаләра баран каалбыт 'Бабушка ишла'; Мин утуһан каалһам 'Я усну'.

Кэс- 'бросать'. Как и предшествующий глагол, придает основному глаголу (в форме деепричастия) значение законченного действия. Например: Үлдә иһэн кэспит 'Илья выпил'; Буларын саһан

кээс 'Этих привяжи'; Өтүе кийигин миньигин кистээн кээс 'Ты, хороший человек, меня спрячь'.

Кратковременный вид. Кратковременность и быстрота совершения действия выражается вспомогательными глаголами огус- 'ударять' и түс- 'падать', которые присоединяются к смысловым глаголам в форме на -а/-ын или -ан.

Огус- 'ударять'. Придает основному глаголу значение быстро совершаемого действия, например: Убайын каамны илик дьуру, бара огус 'Сбегай быстро, не отправился ли еще твой старший брат'.

Түс- 'падать, спускаться'. Придает значение внезапно совершающегося или частично совершаемого действия, например: Бу һырга үрдүтүгөр нттан таксан олорорун гытта нтак дэк һыргата калһыан түспүт 'На эту нарту когда, взобравшись, сядься, нарта его вдруг прочь скользнула'; Олоро түс 'Посиди немного'.

Среди служебных глаголов имеются такие, которые указывают на то, что аналитическая форма выражает попытку совершить основное действие. К числу их относятся көр- 'смотреть, видеть' и натаа- 'не мочь, не быть в состоянии'.

Көр 'смотреть, видеть'. Сочетается с деепричастием на -ан основного глагола и придает ему значение 'попробовать сделать что-либо', например: Биэрэн көрүөкүт иний? 'Не попробуем ли мы отдать?'; Кайтак эмиз олорон көр дээ! 'Как-нибудь попробуй же сесть!'; һытан көр 'Попробуй лечь'.

Натаа- 'не мочь, не быть в состоянии'. Как вспомогательный глагол имеет значение безуспешно совершаемого действия, например: Бу һактар эрэ күтэ һатыр, кийиттэн киһи иһыта һатыр 'Муж этой женщины напрасно ждет, каждого человека напрасно спрашивает'; Өтүе мөкү, айыи абааһы тийиз һатыһлар 'Хорошие, плохие, добрые, злые (духи) безуспешно достичь стараются (до царской дочери)'.

Некоторые служебные глаголы выражают значения, которые можно было бы считать залоговыми, например, глаголы биэр- 'давать' и ил- 'брать'.

Биэр- 'давать'. Основному глаголу, стоящему в форме деепричастия на -ан, придает значение действия, совершаемого для кого-либо, например: Мин бу кийикэ кийигени ааган биэрбитим 'Я этому человеку книгу уже прочитал'.

Ил- 'брать'. Как вспомогательный глагол имеет значение 'делать что-либо для себя', например: Мин бэйбэр куоптаны тигэн илким 'Я сама себе кофту шила'; Ускаан һуолун истанан илан баран олорон каалбыт 'Заяц через дорогу перепрыгнул (сам) и сел'.

Словоизменение глагола

Если словообразование глагола в грамматиках якутского языка с самого начала изучалось систематически и получило блестящее развитие в замечательном "Словаре якутского языка" Э. К. Пекарского, то словоизменение раскрывалось медленно и, пожалуй, только в наше время, подходя к нему с разных позиций, якутоведы завершают исследование, начатое более 130 лет тому назад. Причин для этого много. До революции грамматические исследования языка появлялись редко [Böhtlingk, 1851; Хитров, 1858]. Работа О. Н. Бётлингга была выдающимся событием в науке. Но в распоряжении автора было небольшое количество текстов, которые оказались к тому же диалектными. А так как классификация частей речи у Бётлингга основывается на словоизменении (склонение, спряжение, неизменяемые слова), то к глаголу он отнес только финитные формы, поскольку они в якутском языке лишь спрягаются. В результате парадигма спряжения оказалась такой:

1. Повелительное наклонение. Настоящее и будущее время, положительные и отрицательные формы.

2. Изъявительное наклонение: 1-ое и 2-ое лицо настоящего времени, положительная форма; прошедшее на -т, положительная и отрицательная формы.

3. Возможное наклонение, все формы лица, положительная и отрицательная формы.

4. Условное наклонение, все формы лица, положительная и отрицательная формы.

5. Утвердительное наклонение.

В разделе синтаксиса рассмотрено употребление всех видов глагольных форм: финитных и деепричастных, которые спрягаются, и причастных (-ар, -бат, -нах, -мыах, -быт, -батах, -ааччы, -ни и др.) которые склоняются и спрягаются.

Точка зрения О. Н. Бётлингга на структуру якутского глагола была поддержана авторами последующих научных грамматик якутского языка [Ястремский, 1900]. В. В. Радлов несколько расширил парадигму якутского глагола [1908, с. 44], дополнив ее настоящим временем (положительная и отрицательная формы), но будущее на -нах и прошедшее на -быт так и оставил вне парадигмы спряжения как причастия [там же, с. 48]. Это повторил и Н. Н. Поппе [1926, с. 52-63]. Такое понимание системы глагольных форм отчасти сказалось на работе Л. Н. Харитонова [1947], хотя он дал относительно полную парадигму спряжения якутского глагола, что, вероятно, было

подготовлено авторами практических грамматик по якутскому языку. Одна из первых "Краткая грамматика якутского языка" Д. Хитрова содержит более полную, чем у О. Н. Бётлингга, парадигму изъявительного наклонения [1858, с. 57], хотя в число форм будущего времени изъявительного наклонения включены и формы сослагательного наклонения как особой формы будущего времени [там же, с. 60].

Когда в Якутской АССР была создана письменность и началось преподавание на родном языке, появились учебные грамматики по якутскому языку А. А. Кюндэ [1925, 1926], Н. С. Григорьева [Kirgilejer, 1938] и "Самоучитель якутского языка" Г. У. Гермогенова и И. Д. Морую [1931]. Авторы их владели родным якутским языком и хорошо знали русский. Поэтому они использовали исследования по якутскому языку, но опирались также и на литературу по русской грамматике. Например, А. А. Кюндэ использовал учебники русского языка А. М. Пешковского [Убрятова, 1945, с. 31]. В парадигму глагола включались все формы, соответствующие парадигме спряжения русского глагола.

В 1935 г. в Якутске был открыт Институт языка и культуры. В первые годы в нем велась преимущественно практическая работа по созданию и развитию письменности и литературного языка, созданию орфографии, терминологии, готовились учебники по якутскому языку для школ.

Но очень скоро в институте началось и изучение якутского языка. Были изданы исследования А. Е. Кулаковского [1946], подготовлена упоминавшаяся выше монография Л. Н. Харитоновой [1947].

Литературный якутский язык начал очень быстро развиваться во всех своих жанрах и выявлять свои особенности, что позволило продолжать и углублять его исследование. В послевоенные годы были подготовлены специалисты по якутскому языку из среды якутской молодежи. Это было очень важно, так как исследование многих областей якутского языка возможно только при знании родного языка с детства. Якутскими учеными проведены исследования семантического развития якутской лексики (составлены современные словари под руководством Л. Н. Харитоновой, П. А. Слепцова, П. Я. Афанасьева), образных и звукоподражательных слов и системы их видов [Харитонов, 1947], лексики как исторического источника [Антонов, 1971], перифрастических парадигм спряжения, форм якутского глагола в системе его спряжения [Коркина, 1970], модальности и ее выражения в якутском языке [Петров, 1978].

Язык должен только становится письменным. Фольклорные тексты,

записанные у норильских долган, не содержат такого богатства форм, какое наблюдается в литературном якутском языке. Но основные формы спряжения, наклонения и их оформление в текстах представлены. Они совпадают с якутскими.

В современном языке долган, возможно, система форм спряжения глагола имеет более широкое развитие, чем это представлено. Якутская система спряжения глагола в основе своей является общетюркской. Основные ее формы: причастия, деепричастия и финитные формы. Они различаются синтаксическими функциями.

Финитные формы являются сказуемыми простого предложения и главного в сложноподчиненном предложении. Обязательно согласуются в лице со своими подлежащими с помощью аффиксов сказуемости и принадлежности, то есть спрягаются как обычно в тюркских языках.

Деепричастные формы употребляются как сказуемые зависимого предложения, обязательно в личной форме, преимущественно с аффиксами сказуемости, т. е. спрягаются; как второстепенные сказуемые в простом предложении, принимая личное оформление факультативно; как форма основного смыслового глагола в аналитически выраженных видах глагола (неличные формы).

Причастия — универсальные формы глагола, которые выступают в предложении как сказуемые главного и зависимого предложений. В первом случае они спрягаются, как финитные. Во втором — личное оформление выражается с помощью аффиксов принадлежности непосредственно или в составе падежного аффикса предикативного склонения [Убрятова, 1962, с. 131, 1981, с. 3]. Так как притяжательные падежные аффиксы в этом случае выражают предикативные отношения подлежащего и сказуемого, то их приходится рассматривать, как особый случай спряжения глагола.

В большинстве тюркских языков деепричастия и причастия не имеют личного оформления. Якутский и долганский языки представляют редкое исключение. То, что долганский язык унаследовал эту особенность якутского языка, говорит о том, что она установилась, вероятно, задолго до ухода предков долган из бассейна р. Лены. Личное оформление финитных и деепричастных форм глагола в роли сказуемого совпадает с причастным. Это, а также то, что большая часть финитных форм восходит к причастиям, всегда служило основанием для предположений, что исторически причастия были основной формой глагола в тюркских языках.

Причастия

В языке норильских долган имеются следующие причастия: настоящего времени на -ар ∞ -ыр (общетюркская форма), отрицательное на -бат (соответствует общетюркскому причастию на -маз), прошедшего на -быт (< др.-тюрк. на -мыш), на -так (< др.-тюрк. на -дук); отрицательное на -батак (как и в др.-тюрк. служит отрицанием к формам на -быт и -так); будущего времени на -нак (соответствует тюрк. -ајак); отрицательное на -мыак ∞ -ымнак; будущего времени на -на (< др.-уйгур. -ту); еще не совершившегося действия на -а илик (соответствует киргизскому -е елек и формам на -галак сибирских тюркских языков), причастие на -ааччы (также соответствует форме сибирских тюркских языков).

Причастия на -ар ∞ -ыр, -бат, -быт, -так -батак, -на, -нак, -мыак, связанные с древнетюркскими языками, являются первичными, причастия на -а илик и -ааччы, связанные с сибирскими языками - вторичными. Причастия на -быт, -так, -батак указывают на исторические связи с формами, характерными для огузских языков. Универсальные синтаксические и морфологические функции причастий, о которых говорилось выше, особенно полно проявляются в причастиях на -ар -ыр, -бат, -быт, -батак, -мык, -ымнак. Это положительные и отрицательные формы глагола, выражающие основные времена. Они входят в парадигму спряжения. При этом, оставаясь глагольными формами, они сочетаются с другими словами, словосочетаниями и предложениями способами связи, свойственными именам. Эта морфологическая особенность причастий имеет важное значение для синтаксического строя языка, позволяя морфологически выражать то, что в других языках передается с помощью синтаксических конструкций.

Выступая в качестве определений, они сочетаются с членами предложения посредством изафета. Например: Балтым кэлэр кэмэ бу-мла 'Наступило время, когда приходит мой младший брат'; Тараммыт ирбэр уна дииги өттүбэр коруопка баар 'В месте, где я причесывалась, с правой стороны от меня, коробка есть'; Калбит ирэ араччы нөстөр 'Место, куда пришел он, едва виднеется'; Үһүс ийдара баранам баран, калиэк күнүгэр кэтээн олорбут 'Третий месяц когда кончился, в день, когда он придет, (другой) ожидая, сидел уже'.

Как показывают примеры, притяжательные аффиксы принимают определяемые существительные, но относятся они к определениям-причастиям, выражая их согласование в лице со своим подлежащим. Если действие относится к определяемому или указание на лицо не важно, то личное оформление при существительном отсутствует. В этом случае определение принакает к определяемому. Например: олорор киһи

'сидящий человек', килэптиир онок 'печь, в которой пекут хлеб' (русская печь).

Падежные формы причастий также существенно отличаются в значениях от соответствующих падежных форм имен существительных, совершенно совпадая с ними морфологически. Ср. малдыпытын 'нашего гостя' (имя существительное малдыт в винительном падеже притяжательного склонения), аһатнакпытын 'чтобы мы накормили' (та же форма предикативного склонения от причастия будущего времени на -нак).

Некоторые из причастий в современном языке долган уже представляют собой другие глагольные формы. Например, форма дательного падежа отрицательного причастия настоящего времени на -бат (таковой можно назвать уже лишь с оговоркой), которая у долган, как и в якутском языке, является отрицательной формой деепричастия. Например: көрбөккө олорор 'не смотря, сидит' (см. ниже, с. 164). Такова же форма на -тагына 'если (когда)' (см. с. 166), которую сейчас не воспринимают как падежную, так как в современном языке долган она приняла совершенно новое значение — частного падежа, в парадигме причастий отсутствующего. В древних тюркских языках это была форма местно-временного падежа, пережиточно сохранявшаяся при некоторых причастиях, послелогах, именах наличия баар и отрицания һуох. Форма на -тагына является сейчас особым условно-временным наклонением (см. с. 176).

Особенностью падежных форм причастий является то, что они, являясь сказуемыми придаточного предложения, принимают падежные аффиксы, которые относятся ко всему придаточному предложению и выражают его отношение к другому предложению или его членам.

Винительный падеж: Мин өскө да истэ иликпин киһи киһини корубага биэрэрин 'Я в рассказе даже еще не слышал (про то, что) человек человека корове отдает'; Мин өс кэпсирибин истэ һытар эбит 'Он, оказывается, слушает (себе) то, что я рассказываю'; Биһиги туту билбэшитин истэбэшитин кэпсиэкиитий? 'Чего мы будем рассказывать о том, что мы не знаем и не слышим?'; Кай-дэт барбытын билбэт 'В каком направлении ушел (старик), он не знает'.

Винительный падеж причастия будущего времени имеет значение цели действия, например: Нүгэтэ көрдүү тагыс, арагылаак бочукуку алдыатнакпытын малдыпытын аһатнакпытын 'Топор искать выйди, чтобы винную бочку нам разломать, нашего гостя чтобы нам накормить'; Аһнакпытын эгин-эгин аста илан эгэл 'Чтобы нам поесть, разной еды принеси'; Онтон уол кыс ол олого онһуур биэрбиттэр кэпсээмизгин 'Затем и юноша и девушка тому ребенку игрушку дали, чтоб не говорил'.

Винительный падеж причастий можно наблюдать и с послелогоми глагольного происхождения, сохранившими управление, например с послелогом гытта 'вместе' (употребляется с причастием настоящего времени и указывает на одновременность действий, выраженных причастием и сказуемым главного предложения): Муну икки илибинэн тутум тутарбын гытта чыпчаагым кетте 'Как только я эту (птицу) двумя моими руками схватил-я, птица моя полетела'; Нөнүө күнүгэр буун киирэрин гытта налдыааччыларга өлөн каалбыт үһү эбит 'На следующий день в тот самый момент, когда вошел шаман, большая их умерла, говорят'.

Формы дательного падежа причастий особенно широко распространены. Они выражают отношение временных придаточных предложений к главному. Например: Күһүн маннайгы каар түһэригэр агата кыыл өлөрбүт 'Осенью, когда выпал первый снег, отец-ее дикого (олена) убил'.

Форма дательного падежа безличного склонения причастия будущего времени имеет значение, соответствующее русскому инфинитиву. Например: Чай иһиэккэ наада 'Чай пить нужно'; Диебэр барнакка наада 'В дом мой идти надо (домой мне идти надо)'. А эта же форма причастия на -так (и т.д.) имеет значение условного инфинитива, например: Һылын аактакка, уон ордуга тогус сыллаак 'Годы-ее если посчитать, девятнадцать лет имеет'.

Формы дательного падежа причастий употребляются с послелогоми, управляющими этим падежом, например, с послелогом талы 'подобно, подобно', як. дьлн. Алтан Һолууру кырбаан ирэгэ талы лонсуйбүт 'По медному котлу стучал подобно ударяющему'; Эрбинэн эрбээ-иккэ талы быһа оксубут 'Пилой отпиливавшему подобно отрубил' (он отрубил, словно пилой отпилил); Бу кыһын кат төрүөбүтүгэр талы агата үөрэн кетэ һылдыар, үктүүр һирин көрбөт, оччо үөрбүт 'Эту дочь свою словно вторично родил, отец ее радуясь, носится, землю, по которой ступает, не видит, настолько обрадовался'.

С послелогом диэри 'до' употребляется чаще всего причастие будущего времени, например: Олор кэлиэкпэр диэри 'Сиди до тех пор, пока я приду (до моего прихода)'; Онтубут да кэлиэгэ дуру? Кэлиэкпэр диэри барнак 'Та, наша-то, придет ли? Пока не пришла, пойдем'. Причастие будущего времени с послелогом диэри имеет значение 'до тех пор, пока совершится такое-то действие' и может быть употреблено и тогда, когда речь идет о действии уже совершенном: Эбэтэ кыһына быстыгар диэри күлбүт 'Бабушка его смеялась до тех пор, пока дыхание ее не оборвалось'; или о действии еще совершающемся: Нөнүө кэһэ буулуогар диэри биэк үнкүүллүллэр - иккэйэккээн 'На следующий день до наступления вечера все пляшут - только двое'.

Форма исходного падежа встречается чаще всего с причастиями

прошедшего времени и переводится 'с тех пор как...', например: Эрэ элбүтүттэн үһүс сыла буолла 'С тех пор как умер ее муж, третий год-его наступил'; Мин диэбиттэн барбыһыттан Һурук ыла иликпин 'С тех пор как я из моего дома уехала, письма еще не получала'; Мин окко түспүтүттэн Һүһүөкпэр тура иликпин 'Я с тех пор как родился, (на траву упал) на суставы мои еще не вставал'. Но в переходном падеже могут встретиться и другие причастные формы, например: Һытарбыттан бэйэм да Һалтым 'С тех пор как лежу, самому надоело'.

Причастные формы в творительном падеже употребляются реже, но и их все же можно отметить. Форма творительного падежа причастия прошедшего времени (афф. -быт) встречается в следующих усиленных сочетаниях: Бу кыс ытаата ытаабыттан утуһан каалбыт 'Эта девушка плакала, так плачущей и уснула'; Үгүлээтэ үгүлээбитинэн диэтигэр кыллэрбит 'Она кричала, так кричащей (он) в свой дом ввел'; Һиргэ барбаккаан аһылык ичигэстээтэ ичигэстээбитинэн догруттан атан каалбыт 'На земле понемножку ягоды собирая, так от товарища и отстал'.

Форму сравнительного падежа удалось наблюдать только у причастия будущего времени на -ыак в таких предложениях: Мин кокорон ууну иһиэктээгэр үйбэр да чаасы чаайы иһэ иликпин 'Не то что ведро воды выпить, я в жизни моей чашки чая даже еще не выпил'; Киһини көрүөктээгэр ити да көрө иликпин 'Не то чтоб человека видеть, собаки даже еще не видел'.

Субстантивированные причастные формы, обозначающие названия действия, деятеля, орудия действия имеют такие же падежные формы, как и имена существительные, но чаще всего безличные (примеры см. выше).

Деепричастие

В языке долган следующие деепричастные формы: на -ан (после согласных), -н (после гласных) глагольной основы; на -а- (после согласных), -ны (вместо конечного широкого долгого гласного основы); на -бакка и на -мыһа ~ -мыһа (отрицательные формы к предыдущим деепричастиям); на -аары, на -маары (положительная и отрицательная формы); на -аат; условное деепричастие на -тар и -батар (отрицательная форма). Отличия языка долган от якутского в деепричастиях наблюдаются редко. Деепричастие на -ан встречается только в якутском и долганском языках. Происхождение его точно не установлено. О. Н. Бётлингк сопоставлял его с причастием на -ган [Böhtlingk,

522]. Ст. Калужинский высказал предположение о влиянии монгольской формы на -н [Kažižuiński, 1961, S. 114]. В. М. Наделяев считает, что деепричастие на -ан в якутском языке киданьского происхождения. В тюркских языках ему соответствует деепричастие на -(ы)п. Деепричастие на -ан употребляется в различных функциях.

1. Выражает действие, предшествующее главному действию, например: калэн турар 'придя, стоит', утуйан турбут 'поспав, встал', толугар баран дьэбит 'к сыну своему уйдя, сказала'. Оно может принимать аффиксы сказуемости, когда подчеркивается лицо второстепенного сказуемого, но не обязательно (а в тех случаях, когда деепричастие на -ан является формой основного глагола в сочетаниях с вспомогательными, присоединение аффиксов сказуемости наблюдать не приходилось). Так, говорят: Миньигин лапаттанан күрдьэданьит ороон 'Меня лопатой выгребая, (вы) выньте', но можно и миньигин лапаттанан күрдьэн ороон.

2. При нескольких сказуемых в предложении является формой, в которой они выступают, за исключением последнего, выраженного личной формой глагола. Например: Нарсардэ пааснай уола утуйан, турам баран, сиэн-аһаан баран, простылаһам баран, камнаан эмиз күн ана-артар тийьбит 'Утром рано сын крестьянина выспавшись, вставши, поевши, простившись, отправившись (в путь) опять, в полдень достиг'.

3. Является формой основного смыслового глагола при вспомогательных, выражающих некоторые видовые и залоговые значения, например: утуйан барда 'начал засыпать', утуйан каалла 'заснул'.

Общетюркская деепричастная форма на -а (и т.д.), как и деепричастие на -ан, выполняет в речи несколько функций и потому также имеет несколько значений.

1. Является формой основного глагола в сочетаниях с вспомогательными (см. с. 153 и сл.).

2. Как деепричастие имеет значение одновременного действия (по отношению к сказуемому). Например: Кырдыгас дьактар һытыган таттактары бакалы олорор 'Старая женщина, аловонные олени лон кукуры с голов оленя) выдельвая, сидит'; Тимир кырбаатыгар думайды һыпыт 'На своей железной кровати, думая, лежал'.

3. Выражает цель действия, например: Мин атыылаһа кэллим 'Я, чтобы купить, пришла'. В устной речи нередко деепричастие стоит после глагола, к которому оно относится: Һалдаат дьэбит: "Итигэйбэ-эргин - барыак көрө" 'Солдат сказал: "Если не веришь, пойдем посмотреть"'; Бараары гымматтар көрө, онтон куттымьаттар 'Совсем было собираются идти, чтобы посмотреть, от этого испугались'.

4. Является формой глагола в сочетании его со служебным сло-

вом илик со значением 'который еще не', например: Ыргэ күнэ олоро илигинэ тийбит 'Места достиг, когда солнце еще не село'; Мин энбигин өлөрө иликпинэ ытыам Һуога 'Я тебя пока не убил, не отпущу'; Мин окко түспүшүттэн һүһүөкпэр тура иликпин 'Я с самого моего рождения на суставы мои еще не вставал'.

5. Является формой основного смыслового глагола при вспомогательных, выражающих некоторые видовые и залоговые значения, например: тийэ һатыр 'старается достичь', быһа огус 'быстро разрежь' (др. примеры выше, с.153 и сл.). Удвоение деепричастия на -а имеет значение либо длительности действия, либо многократности, а также действия большой силы и глубины. Например: Огонньор дьитигэр итын -ытын кэлбит 'Старик домой, сильно плача, пришел'; Огонньор тийэн үнгэ-үнгэ киирбит 'Старик, дойдя, (без конца) кланяясь, вошел'; Огонньор күлэ-күлэ таксыбит. Дьитигэр окто-окто һүүрбүт 'Старик смеясь (от радости), вышел. В дом свой, спотыкаясь, убежал'. Принимая аффикс сказуемости, деепричастие на -а также удваивается. Например: Бу тэлгэнэ-тэлгэнэлэр, дьэбиттэр... 'Вот, расстилая-расстилая-они, сказали...'

Деепричастие на -бакка встречается только в якутском и долганском языках. Является омертвевшей формой дательного падежа без личного склонения отрицательного причастия настоящего времени на -бат. В текстах, записанных у норильских долган, во всех случаях выступает в роли деепричастия. Например: "Күнү өрөөбөккө түүнү ном мококко туокка издэйдигит?" - дии һатаабыт "День не продневавши, но не переночевавши, зачем заторопились вы?" - безуспешно говорил'; Үс күнү, күн түүн билбөккэ гүлэйдэбэттэр 'Три дня, ни дня, ни ночи не разбиравши, гуляли (пировали)'

Отрицательное деепричастие на -мыһа ∞ -мыһа встречается во многих тюркских языках (татарском, крымско-татарском и др.). Употребляется и с тем, и с другим аффиксом даже в речи одного лица. Так, К. Н. Суслов дает: Огобун гытта һалдаатым һиргэ тимирбиттарин да билбэшин, кетердөөк буолам баран кетем барбыттарын билмиһэбин итын олоробун 'С дитятей моим вместе мой солдат в землю провалились-они, не знаю, крылатыми ставши улетели ли, не зная, все плачу'; Туокка этэн кээспитин билмиһэ олоробун 'Зачем сказал не зная, живу'.

Отрицательное деепричастие на -мыһа ∞ -мыһа очень часто совпадает с глагольной формой, имеющей значение несомненной уверенности. Например: Ытаамыһа бэрт алдьаркайдаан олоробун 'Конечно, плачу, горе имея, живу'.

Деепричастие на -аары соответствует древнетюркскому деепричастию на -галы [Кононов, 1980, с. 132]. Оно выражает цель дей-

ствия, например: бараары 'чтобы уйти'. Являясь формой основного глагола при вспомогательном гын- 'делать', обозначает действие, готовое совершиться, например: бараары гын- 'быть готовым уйти'; Мин есте бүгүңнү күн каамаары гынабын 'Я еще сегодня отправиться собираюсь'; Иньэбит элеерү гынна 'Наша мать совсем (вот-вот) умирает'.

Деепричастие на -аат почти всеми исследователями якутского языка сопоставлялось с тюркским деепричастием на -гач ∞ -гас ∞ -каш (по значению) и монгольским на -аат ∞ -аад (по значению и звучанию) [Böhrling, 1851, § 523; Ястремский, 1900, с. 135; Харитонов, 1947, с. 239; Кафиэвский, 1961, с. 112], Н. Н. Поппе считал его заимствованием из монгольского [1926, с. 46]. Деепричастие на -аат выражает второстепенное действие, непосредственно предшествующее другому, например: Нуруксут ого төрөөт, нуруулар 'Грамотей-дитя сразу как родился пишет'. Будучи сказуемым зависимого предложения, оно принимает личное оформление в форме аффикса принадлежности в составе падежного аффикса притяжательного склонения. Например:

калээшин 'сразу как только я пришел...'

калээкин 'сразу как только ты пришел...'

калээтин 'сразу как только он пришел...'

калээшитин 'сразу как только мы пришли...'

калээкитин 'сразу как только вы пришли...'

калээтэрин 'сразу как только они пришли...';

Баай купнаска калээтин таһара дьэитигэр киран баран эмиз нуругун аакпыт 'К купцу сразу как пришел, в церковь войдя, опять письмо-его (книгу) читал'; Киэрэтин ба эмээксин дьэбит... 'Сразу как только он вошел, та старуха сказала...'

Такое личное оформление деепричастия на -аат у долган объясняется тем, что оно употребляется (и употреблялось долганами прежде) в якутском языке с послелогом кытта 'вместе', управляющим винительным падежом: калээшин кытта 'сразу как только я пришел' [Убрятова, 1976а, с. 183]. В долганском языке послелог кытта опущен, но личное оформление в падежном аффиксе сохранилось. Отрицательную форму этого деепричастия наблюдать не удалось.

Употребление деепричастия на -аат в падежной форме (с управляющим послелогом кытта 'вместе') говорит о его причастном происхождении. Это также указывает на сходство якутского деепричастия на -аат с тюркским деепричастием на -гач, которое в некоторых языках выступает в падежных формах. Так, например, в тувинском деепричастие на -каш (вариант тюркского деепричастия на -гач) употребляется в фольклоре в основном, родительном, местном и исходном

падажах единственного и множественного чисел [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 335]. Еще раньше форму исходного падежа деепричастия на -гач (вариант -гач) отмечал Н. К. Дмитриев в башкирском языке [1948, с. 186]. Это, а также то, что конечный согласный аффикса тюркского деепричастия на -гач имеет варианты: -ч ~ -ш ~ -с, а якутское конечное -т аффиксов соответствует конечному -ш (-быт < -мыш) и -з (-бат < -маз) (конечного -ч в якутском языке нет вообще), дает возможность полагать, что тюркский аффикс деепричастия на -гач на якутской почве перешел в -аат, независимо от монгольского деепричастия на -аат ~ -аад [Убрятова, 1976а, с. 41].

Условное деепричастие обычно называется условным наклонением [Böhtlingk, 1851, § 520; Коркина, 1970, с. 169]. Однако по своей синтаксической функции эта форма выступает как сказуемое зависимого предложения, выражающее условие совершения действия главного предложения и, соединяясь с главным предложением посредством примыкания, ведет себя, как обычное деепричастие. Поэтому эту форму справедливо относят к деепричастиям [Ашмарин, 1898, с. 314; Павлов, 1956, с. 248]. Как деепричастие она была отмечена и в древнетюркском языке [Мелиоранский, 1896, с. 84, 90; Кононов, 1980, с. 132].

Однако от остальных деепричастий условное деепричастие, так же как и условно-временная форма на -тагына 'если (когда) он', отличается тем, что при уточнении временного значения оно выражается сочетанием соответствующего причастия и вспомогательного глагола буол- 'становиться, делаться' в форме условного деепричастия барбыта буоллар... 'если он ушел...' или барбыт буолагына 'если, когда ушел он' как форм промежуточных между деепричастием, причастием и финитной формой. К тому же данная форма в якутском языке иногда выступает как финитная [Грамматика современного якутского литературного языка, 1982, с. 325]. Поэтому ее следует давать в парадигме спряжения финитных форм.

Финитные формы глагола

В современных работах термин "финитный" понимается 'личный' [Марузо, 1960, с. 326]. Для якутского языка, поскольку в нем личными могут быть все формы глагола, термин должен иметь более точное значение. Это формы глагольного сказуемого в простом и главном предложении, которые в старых грамматиках назывались окончательными. К ним относятся формы изъявительного, желательного-сослагатель-

ного, должностовательного, повелительного, обычно-выполняемого действия, возможного, утвердительного наклонений.

Спряжение глаголов у долган в основном такое же, как и в якутском литературном языке. Расхождения чаще всего бывают в значениях форм.

Сложные времена и наклонения образуются с помощью вспомогательных глаголов: недостаточного э- 'быть' и буол- 'становиться, делаться'. Глагол э- 'быть' самостоятельно не употребляется и имеет формы только прошедшего времени.

Прошедшее несовершенное

мин этим 'я был'
эн этин 'ты был'
гини этэ 'он был'

биниги этибит 'мы были'
эниги этигит 'вы были'
гинилэр этилэр 'они были'

Прошедшее совершенное

мин эбитим 'я был (уже)'
эн эбитин 'ты был (уже)'
гини эбитэ 'он был (уже)'

биниги эбитит 'мы были (уже)'
эниги эбитит 'вы были (уже)'
гинилэр эбиттэрэ 'они были (уже)'

Остальные сохранившиеся формы превратились в частицы или союзы.

Вспомогательный глагол буол- 'становиться, делаться' имеет полное спряжение, ничем не отличающееся от спряжения любого глагола, и поэтому будет рассмотрен в общей парадигме.

Изъявительное наклонение

В текстах, записанных у долган, изъявительное наклонение представлено формами: настоящего времени, прошедшего несовершенного, прошедшего совершенного, давно прошедшего и будущего времени в положительной и отрицательной формах.

Настоящее время. Формы настоящего времени у долган ни по образованию, ни по значению не имеют отличий от якутских. В I-м и 2-м лице ед. и мн. числа показателем этой формы являются аффиксы -а (после основ на согласный) и -ны (вместо широкого долгого конечного гласного основы), который восходит к древнему причастию на -а. В 3-м лице ед. и мн. числа употребляются аффиксы причастий на -ар (после согласных) и -ыр (после основ на широкий долгий гласный). В качестве примера приведем спряжение следующих глаголов: аһаа- 'кушать', дие- 'говорить', буол- 'становиться, делаться', үт- 'толкать', гын 'делать'.

Единственное число

1 л.	аһыбын	диһиби	буолабын	үтэбин	гынабын
2 л.	аһыгыһ	диһигиһ	буолагыһ	үтэгиһ	гынагыһ
3 л.	аһыр	диһир	буолар	үтэр	гынар

Множественное число

1 л.	аһыбыт	диһибит	буолабыт	үтэбит	гынабыт
2 л.	аһыгыт	диһигит	буолагыт	үтэgit	гынагыт
3 л.	аһыһлар	диһилэр	буолаһлар	үтэлэр	гынаһлар

Отрицательная форма настоящего времени образуется от причастия на -бат (восходит к тюрк. - маз).

Единственное число

1 л.	аһаабашын	диэбэшин	буолбашын	үшэшин	гыммашын
2 л.	аһаабаккын	диэбэккын	буолбаккын	үшэккын	гыммаккын
3 л.	аһаабат	диэбэт	буолбат	үшэт	гыммат

Множественное число

1 л.	аһаабашыт	диэбэшит	буолбашыт	үшэшыт	гыммашыт
2 л.	аһаабаккыт	диэбэккит	буолбаккыт	үшэккит	гыммаккыт
3 л.	аһаабаттар	диэбэттэр	буолбаттар	үшэттэр	гымматтар

Прошедшее несовершенное время. Форма прошедшего времени на -т (и т.д.) у долган имеет значение только что совершившегося действия, которое в данный момент еще не совсем закончилось. Так, киһи кэллэ 'человек пришел' скажут о человеке, подъезжающем к чулу.

Но эта форма также может иметь значение действия, которое только началось и в данный момент еще не является совершившимся. Например, Илья-богатырь, начавший задыхаться в гробу, говорит: "Тыһыһын баддьаттым 'дыхания моего лишился'". Так же говорил и другой богатырь, когда почувствовал, что умирает: "Ыддьа, эллүм. Абыраа! 'Илья, умираю. Спаси!'". Спасавшийся от абааһы человек кричит: "Эллүбүт, барбактыак! 'Погибли мы, уйдем скорей!'".

Это же значение действия, начавшегося в прошлом и продолжающегося сейчас, придает сложным глагольным формам вспомогательный глагол буол- в сочетании с различными причастиями. Например: барар буолла 'он стал уходить', барбат буолла 'он не стал уходить', барбыта буолла 'сколько-то времени, как ушла', барыак буолла 'он вот-вот уйдет'.

По форме своей прошедшее время на -т (и т.д.) никаких отличий от литературного якутского языка не имеет.

Единственное число

1 л.	аһаатым	диэтим	буоллум	үттүм	гыным
2 л.	аһаатың	диэтиң	буоллун	үттүң	гының
3 л.	аһаата	диэтэ	буолла	үттэ	гына

Множественное число

1 л.	аһаатыбыт	диэтибит	буоллубут	үттүбүт	гыныбыт
2 л.	аһаатыгыт	диэтигит	буоллугут	үттүгүт	гыныгыт
3 л.	аһаатылар	диэтилэр	буоллулар	үттүлэр	гынылар

Отрицательная форма образуется с помощью аффикса -ба.

Единственное число

1 л.	аһаабатым	диэбэтим	буолбатым	үшпэтим	гымматым
2 л.	аһаабатың	диэбэтиң	буолбатың	үшпэтиң	гымматың
3 л.	аһаабата	диэбэтэ	буолбата	үшпэтэ	гыммата

Множественное число

1 л.	аһаабатыбыт	диэбэтибит	буолбатыбыт	үшпэтибит	гымматыбыт
2 л.	аһаабатыгыт	диэбэтигит	буолбатыгыт	үшпэтигит	гымматыгыт
3 л.	аһаабатылар	диэбэтилэр	буолбатылар	үшпэтилэр	гымматылар

Прошедшее совершенное время. В отличие от якутского литера-

турного языка форма прошедшего времени на -быт (и т.д.), которая восходит к др.-тюрк. -мыш, у долган не имеет значения давнопрошедшего времени. Она может быть употреблена для обозначения действия, которое только что (быть может на глазах у всех) закончилось. Например, форму кэлбитэ 'пришел' можно употребить и в отношении человека, который только-что приехал, но уже вошел в чум. На русский язык она может быть переведена 'уже приехал'. В таком же значении употребляется эта форма и в некоторых тюркских языках [Кононов, 1939, с. 34]. Примеры: "Кайа, - диэбит киһилэрин, - онордугутту каатыры?" Киһилэрэ даспиттэр: "Онорбушпут!" "Каково, - скажи своим людям, - делали ли катер?" Люди его вместе сказали: "Уже сделали!"; Миньигин ыппытын кэннигэ биир да киһи элүө һуога. После того, как меня уж отпустишь ты, ни один человек не умрет'.

В упомянутой работе А. Н. Кононова приводятся определения, данные этой форме в различных грамматиках, согласно которым она может считаться формой недостоверного прошедшего времени. В языке долган она может выражать недостоверно совершившееся действие или действие неопределенной длительности, но тогда используются либо вспомогательный глагол, либо слова, подчеркивающие эту недостоверность, неопределенность. Например: Төһөнү каччаны барбыта буолла

'Сколько-то времени как ушел'; Төһөнү каччаны олорбуттара дьуру 'Сколько-то (времени) жили, видимо'; Гини утуйбута буулуога 'Он, наверное, уже уснул'; Ага, иньэбитин алы Һалбактаак Һиэбитэ буулуога 'Отец, нашу мать алы Һалбактаак (имя злого духа) съел уж наверное'.

Первый и два последних примера представляют собой по сути уже особые наклонения, образованные из причастия прошедшего времени на -быт (и т.д.) и вспомогательного глагола бол- 'становиться, делаться', имеющие значения действия неопределенной длительности и действия, которое предполагается уже совершенным.

Единственное число

1 л.	аһаабытым	диэбитим	буолбутум	үшүтүм	гыммытым
2 л.	аһаабытын	диэбитин	буолбутун	үшүтүн	гыммытын
3 л.	аһаабыта	диэбитэ	буолбута	үшүтэ	гыммыта

Множественное число

1 л.	аһаабыпыт	диэбиһит	буолбуппут	үппүшүт	гыммыһыт
2 л.	аһаабыккыт	диэбиккит	буолбуккут	үшүккүт	гыммыккыт
3 л.	аһаабыттара	диэбиттэрэ	буолбуттара	үшүттэрэ	гыммыттара

Отрицательной формой этого времени служит отрицательное причастие на -батак (и т.д.), как это было в древнетюркском языке [Малов, 1951, с. 14] с формами -мыш и -мадук. Огоньбор утууан туран илиһини барбыт, биир да чоһогору ылбатак 'Старик, после сна вставши, рыбачить ушел, одного даже чира не добыл'; Биһиги эн өскүн иһилли кэлбэтэкиһит, биһиги энһиэкэ тойонното кэлбиһиһит 'Мы не твой рассказ слушать пришли (твой рассказ слушать не пришли), мы к тебе, чтобы заставить рассудить, пришли'.

Единственное число

1 л.	аһаабатагым	диэбэтэгим	буолбатагым	үшэтэгим	гымматагым
2 л.	аһаабатагың	диэбэтэгиң	буолбатагың	үшэтэгиң	гымматагың
3 л.	аһаабатак	диэбэтэк	буолбатак	үшэтэк	гымматак

Множественное число

1 л.	аһаабатакпыт	диэбэтэкиһит	буолбатакпыт	үшэтэкиһит	гымматакпыт
2 л.	аһаабатаккыт	диэбэтэккит	буолбатаккыт	үшэтэккит	гымматаккыт
3 л.	аһаабатактар	диэбэтэктэр	буолбатактар	үшэтэктэр	гымматактар

От глагола бол- 'становиться, делаться' есть еще сокращенная форма буолтак (из буолбатак), которая служит отрицанием при имени, иногда с союзным противопоставлением. Например: Эмээксин буолтак дьактар ортотугар баар эбит 'Не старуха, а женщина среднего (возраста) есть, оказывается'; Мин ким даа буолтакпын 'я никто', ким буолтак этим 'не человек я был'.

Давно прошедшее время у долган образуется из причастия настоящего времени и формы прошедшего времени вспомогательного глагола э-. Она имеет значение действия неопределенной давности и может быть переведена на русский язык 'делывал бывало'. Например: аһнар эһим 'бывало едала, ала когда-то давно (я)'; буолар эһин 'делывал когда-то'; үтэр этэ 'бывало толкал'; гынар эһибит 'делывали бывало'; уураар эһигит 'жили бывало', диир эһилэр 'говаривали бывало'.

Отрицательная форма этого времени образуется из отрицательной формы причастия настоящего времени на -бат (и т.д.) и формы прошедшего времени вспомогательного глагола э-. Она имеет значение 'еще никогда не делал (делывал)'. Например: аһаабат эһим 'еще никогда не ел я, не едал'; диэбэт эһилэр 'еще никогда не говорили мы, не говаривали'; буолбат эһин 'еще никогда не был ты, не бывал'; үшээт этэ 'еще никогда не толкал он', гыммат эһибит 'еще никогда не делали мы, не делывали'; уурбат эһигит 'еще никогда не жили вы'; Мин ааммин ураанкай арыһат этэ 'Моя дверь незнакомец не открывал еще'; Быһизэкэ туора карактаак ураанкай кэлбэт этэ 'К нам поперечноглазый незнакомец не приходил никогда еще'.

Будущее время. Форма будущего времени глагола образуется из причастия на -на и -нах будущего времени с притяжательным аффиксом.

Единственное число

л. аһнам	диэм	буулуом	үтүөм	гынам
л. аһнан	диэн	буулуон	үтүөн	гынан
л. аһнага	диэгэ	буулуога	үтүөгэ	гынага

Множественное число

л. аһнакпыт	диэкпит	буулуокпут	үтүөкпүт	гынакпыт
л. аһнаккыт	диэккит	буулуоккут	үтүөккүт	гынаккыт
л. аһнактара	диэктэрэ	буулуоктара	үтүөктэрэ	гынактара

Форма будущего времени от глагола буол- интересна тем, что в ней можно наблюдать переход дифтонга основы в долгий узкий гласный под влиянием дифтонга аффикса.

Отрицательная форма для этого времени образуется из положительной с именем отрицания һуок с притяжательным аффиксом 3-го лица ед. числа (изафетная связь). Ср. др.-уйг. -губи [Насилов, 1974, с. 66].

Единственное число

л. аһнам	һуога,	диэм	һуога,	буулуом	һуога,
үтүөм	һуога,	гынам	һуога,	ууруом	һуога,,

2 л.	аһыаҥ Һуога диэҥ Һуога	буулуоҥ Һуога үтүөҥ Һуога	гыһнаҥ Һуога ууруоҥ Һуога
3 л.	аһыага Һуога диэ Һуога	буулуога Һуога үтүө Һуога	гыһна Һуога ууруо Һуога

Множественное число

1 л.	аһыакпыт Һуога диэкпыт Һуога	буулуокпут Һуога үтүөкпут Һуога	гыһыакпыт Һуога ууруокпут Һуога
2 л.	аһыаккыт Һуога диэккит Һуога	буулуоккут Һуога үтүөккүт Һуога	гыһыаккыт Һуога ууруоккыт Һуога
3 л.	аһыаккыт Һуога диэктэра Һуога	буулуоктара Һуога үтөктэра Һуога	гыһыактара Һуога ууруоктара Һуога

Кроме этой отрицательной формы будущего времени, в языке долганских долган можно отметить другую, отсутствующую в литературном якутском языке [Коркина, 1970, с. 55], в этой форме отрицания выражено афф. -м. Оно относится не к самому действию, а к лицу, выполняющему его. В переводе на русский язык эта форма значит 'не я, ты, он (и т.д.) будем делать, а кто-то другой'. Например: мин аһаамыам 'я-то не буду есть', эҥ диэмизэҥ 'ты-то не будешь говорить', гини буулумуога 'он-то не будет становиться', билиги үтүмүөкпүт 'мы-то не будем толкать', эһиги гыһымаккыт 'вы-то не будете делать', гинилэр уурумуоктара 'они-то не будут класть'. Как обычная отрицательная форма будущего времени приведена Хитровым [1858, с. 75].

Формы I-го и 2-го лица ед. числа будущего времени в долганском языке, как и в якутском, образуются от причастий на -на (< др.-уйгур. -ту), а остальные - из причастия на -нах (< совр. тюрк. -азак). Формы I-го и 2-го лица ед. числа в якутских грамматиках, начиная с труда О. Н. Бётлингга [1851, § 217], считаются стяженными. Г. У. Эргис [Гермогенов, Моруо, 1931, с. 58-59, 62] и Н. С. Григорьев [Kirgielejer, 1938, с. 122] различали значения форм близкого будущего барыам 'пойду' и отдаленного будущего времени барыаһым и отмечали, что последняя встречается редко. В долганском языке нет такого разграничения временных значений. Но то, что это исторически разные формы, показывает распределение их в парадигме будущего времени и образованных от него наклонений. Ср., например формы единственного (-на) и множественного (-нах) числа.

Появление здесь -ны вместо -на смущать не должно, так как оно объясняется влиянием последующей гласной (см. Фонетика, с. 22)

Желательно-сослагательное наклонение

Причастие будущего времени на -нак, сочетаясь с вспомогательным глаголом э- в прошедшем времени (на -т и т.д.), образует форму желательно-сослагательного наклонения. Например: Илиилээк -атактаак буолларбын каллаанна таксыак этим 'Руки, ноги имеющая, если бы стала, на небо вышла бы'.

Единственное число

1 л.	аһнак этим	диэк этим	үтүөк этим	гыһнак этим
2 л.	аһнак этиҥ	диэк этиҥ	үтүөк этиҥ	гыһнак этиҥ
3 л.	аһнак этэ	диэк этэ	утуок этэ	гыһнак этэ

Множественное число

1 л.	аһнак этибит	диэк этибит	үтүөк этибит	гыһнак этибит
2 л.	аһнак этигит	диэк этигит	үтүөк этигит	гыһнак этигит
3 л.	аһнак этилэр	диэк этилэр	утуок этилэр	гыһнак этилэр

Отрицательная форма этого наклонения образуется из сочетания отрицательной формы причастия будущего времени на -на и вспомогательного глагола э- в прошедшем времени. Например: аһна һуок этим 'не ела бы я', үтүө һуок этим 'не толкнул бы я', гыһна һуок этим 'не сделала бы я'. ууруо һуок этим 'не положила бы я'.

Причастие будущего времени в сочетании с формой прошедшего времени (на -быт) от глагола э- имеет у долган значение 'мог бы сделать': аһнак эбиһпин 'я мог бы поесть', диэк эбиккин 'ты мог бы сказать', буулуок эбит 'он мог бы быть', үтүөк эбиһпит 'мы могли бы толкнуть', гыһнак эбиккит 'вы могли бы сделать', ууруок эбиттэр 'они могли бы положить'.

Причастие будущего времени на -нак в сочетании с именем налчия баар с притяжательными аффиксами выражает неосуществленное желание действия, например: огонньорго бэриэк баарым 'старичку отдать было хотела'; аһнак баарым 'я хотел было есть (но не ел)'; диэк баарыҥ 'ты хотел было сказать (но не сказал)'; буулуок баара 'он предполагал было быть (но не был)'; үтүөк баарбыт 'мы хотели было толкнуть (но не толкнули)'; гыһнак бааргыт 'вы хотели было сделать (но не сделали)'; ууруок бааллара 'они хотели было положить (но не положили)'.

Э. К. Пекарский в своем словаре приводит эти формы под словом баар, но с иным оформлением. Так, як. барнах баар 'надо идти, следует пойти', у долган - барнак баарым 'я хотел было пойти, но не пошел'; як. кэлиэҕэ баара 'предстояло его прибытие, он должен был прийти, но не пришел'. У долган эта же форма имеет значение 'ему необходимо, он должен прийти'.

Форма будущего времени в сочетании с именем наличия баар с притяжательным аффиксом 3-го лица -а имеет значение настоятельной необходимости, например: Ылгын киһи, эдийдэрбит нуолларын нуулуом баара 'Младший человек, мне необходимо (я должна) следовать путем моих старших сестер'; Мин догор гыныам баара 'Мне необходимо найти (сделать) друга'; мин аһнам баара 'мне необходимо, я должен есть'; диэн баара 'тебе необходимо, ты должен сказать'; буулуо баара 'ему необходимо, он должен быть'; Үтүөкүт баара 'нам необходимо, мы должны толкнуть'; гыныакыт баара 'вам необходимо, вы должны сделать'; ууруоктара баара 'им необходимо, они должны положить'.

Формы долженствовательного наклонения у норильских долган отличаются от аналогичных по значению форм современного литературного якутского языка. Якутские формы образуются от причастий на -ар (-бат) и на -нах (-на) с аффикса обладания -лаах: барар-даах-пын 'я имею, я должен (обязан) идти'; барбаттаах-пын 'я не должен идти'; барыахтаахпын 'я должен (обязан), мне предстоит идти'; мин барна суохтаахпын 'я не должен (не обязан), мне не предстоит идти'. Кроме этих форм, есть еще так называемые аналитические дублеты, в которых долженствование выражается служебным словом тустаах 'имеющий долг, обязанность' и сочетается с причастием на -нах (барыахтаахпын 'я должен, обязан идти'), отрицание выражается именем отрицания суох (барыа суох тустаахпын 'я не должен идти') [Коркина, 1970, с. 207-212; Грамматика современного якутского литературного языка, 1982, с. 329]. Иными словами понятие долженствования в современном якутском литературном языке выражается аффиксом обладания при причастии будущего времени. Эта модель формы долженствовательного наклонения распространена во многих тюркских языках, начиная с древнеуйгурского -дулу: ма-лы (азербайджанский, гагаузский, татарский, турецкий), -ар ужур-лут 'должен' (тувинский), -лык (карачаево-балкарский).

Формы долженствовательного наклонения якутского языка проникают в говоры долган, живущих в восточных районах и в центральной части округа. Но в записях текстов у норильских долган их не оказалось. По-видимому, их язык сложился на базе древнего говора, в котором долженствование выражалось сочетанием причастий на -на и -нах с именами наличия баар и отрицания суох, обладающими способностью выражать различные модальные значения, в том числе и долженствование, что отчасти показано и Е. И. Коркиной [1970, с. 207-212] среди дополнительных диалектных матерья-

лов, привлеченных ею. Формы долженствовательного наклонения в языке норильских долган также, вероятно, могут быть сопоставлены с аналогичными формами других тюркских языков, например, башкирско-го -һы-бар: бараһым бар 'мне надлежит пойти' [Илдашев, 1965, с. 183].

Условное наклонение

Условное наклонение в языке долган образуется, как и в якутском, путем присоединения афф. -тар (и т.д.) к основе глагола. Афф. -тар соответствует др-тюрк. -сар. Значение этой формы 'если сделать, то...'

В предложении форма условного наклонения, выражая условие совершения главного действия, выполняет роль сказуемого зависимого предложения как деепричастие. Поэтому условную форму можно считать деепричастием.

Единственное число

1 л.	аһаатарбын диэтэрбын	буолларбын үттэрбын	гыннарбын уурдарбын
2 л.	аһаатаргың диэтэргың	буолларгың үттэргың	гыннаргың уурдаргың
3 л.	аһаатар диэтэр	буоллар үттэр	гыннар уурдар

Множественное число

1 л.	аһаатарбыт диэтэрбыт	буолларбыт үттэрбыт	гыннарбыт уурдарбыт
2 л.	аһаатаргыт диэтэргит	буолларгыт үттэргит	гыннаргыт уурдаргыт
3 л.	аһааталлар диэтэллэр	буоллаллар үттэллэр	гынналлар уурдаллар

Отрицательная форма условного наклонения образуется вставкой после основы отрицательного афф. -ба- (и т.д.), -па- (и т.д.), -ма- (и т.д.).

Единственное число

1 л.	аһаабатарбын диэбэтэрбын	буолбатарбын үшпэтэрбын	гымматаргың уурбатаргың
2 л.	аһаабатаргың диэбэтэргың	буолбатаргың үшпэтэргың	гымматаргың уурбатаргың

3 л.	аһаабатар диэбэтэр	буолбатар үшпэтэр	гымматар уурбатар
------	-----------------------	----------------------	----------------------

Множественное число

1 л.	аһаабатарбыт диэбэтэрбит	буолбатарбыт үшпэтэрбит	гымматарбыт уурбатарбыт
2 л.	аһаабатаргыт диэбэтэргит	буолбатаргыт үшпэтэргит	гымматаргыт уурбатаргыт
3 л.	аһаабаталлар диэбэтэллэр	буолбаталлар үшпэтэллэр	гымматаллар уурбаталлар

Форма условного наклонения выражает условие, при котором совершается действие, без указания на время. Когда же нужно дать это указание, то время выражается сочетанием соответствующего причастия и вспомогательного глагола буол- в форме условного наклонения. Например: кэлэр буолларгыҥ 'если ты придешь'; Кини таптаабыт эбит буоллар тыгыҥ барыак этиҥ 'Ну уж если он приласкал, слово свое дала бы ты'; Мин ытырынар күммэр кэллээк буолларгыҥ оччого каал 'В день, который я позову к себе, если придешь, тогда останься'.

Отрицательная форма условного наклонения, выражающая время, образуется из отрицательной формы соответствующего причастия и вспомогательного глагола буол- 'становиться, делаться' в форме условного наклонения. Например: кэлбэт буолларбыҥ 'если я не иду', кэлбэтээк буолларбыҥ 'если я не приходил', кэллээ һуок буолларбыҥ 'если я не приду (не смогу прийти)'.

Условно-временное наклонение

Исторически эта форма образовалась из причастия на -так (положительная форма) и -батак (отрицательная форма) в местном падеже предикативного склонения. В современном языке эти падежные формы сохранились лишь во временном значении с именем суох (суогуна 'когда он отсутствовал'), именем наличия баар (баарына 'когда он присутствовал') при некоторых причастиях (бара илигинэ 'когда еще не ушел'), при послелогах временного значения (сагына 'во время', иннинэ 'прежде, чем'). В склонении имен существительных местный падеж переосмыслен в частный, который служит формой прямого дополнения при сказуемом - глаголе в повелительном наклонении (см. с. 116). В притяжательном склонении он выражает предназначенность лица.

Форма условно-временного наклонения имеет значение 'когда (если) сделал'. Притяжательные аффиксы выражают согласование в лице с подлежащим.

Как всякий глагол, форма условно-временного наклонения может сочетаться с деепричастиями, например: Эмээксин һууна, тарана, спордогуна коруоба улуйбут 'Старуха, когда умывалась, причесывалась, корова завылла' (здесь вспомогательный глагол в форме условного наклонения); Аага турдаккына этин-этин курдыагалаак кутуйактар кэлиэктэрэ эһнээкэ 'Читая когда стоять будешь, разные черви, мыши придут к тебе'. Часто эта форма выражает действие, являющееся условием главного, например: Мин очого агай ынтыак этим миньгин һирбэр илтэксинэ 'Я тогда лишь отпустил бы тебя, когда (если) на мою землю отнесешь'. Образование ее такое же, как в якутском языке.

Единственное число

1 л.	аһаатакшына диэтэксинэ	буоулакшына үттэксинэ	гыннакшына уурдакшына
2 л.	аһаатаккына диэтэксинэ	буоулаккына үттэксинэ	гыннаккына уурдаккына
3 л.	аһаатагына диэтэгинэ	буоулагына үттэгинэ	гыннагына уурдагына

Множественное число

1 л.	аһаатакшытына диэтэкситинэ	буоулакшытына үттэкситинэ	гыннакшытына уурдакшытына
2 л.	аһаатаккытына диэтэкситинэ	буоулаккытына үттэкситинэ	гыннаккытына уурдаккытына
3 л.	аһаатактарына диэтэктэринэ	буоулактарына үттэктэринэ	гыннактарына уурдактарына

Отрицательная форма условно-временного наклонения образуется из отрицательного причастия на -батак с теми же аффиксами.

Единственное число

1 л.	аһаабатакшына диэбэтэксинэ	буоубатакшына үшэбэтэксинэ	гымматакшына уурбатакшына
2 л.	аһаабатаккына диэбэтэксинэ	буоубатаккына үшэбэтэксинэ	гымматаккына уурбатаккына
3 л.	аһаабатагына диэбэтэгинэ	буоубатагына үшэбэтэгинэ	гымматагына уурбатагына

Множественное число

1 л.	аһаабатакпытына диэбэтэкпитинэ	буолбатакпытына үшпэтэкпитинэ	гымматакпытына уурбатакпытына
2 л.	аһаабатаккытына диэбэтэккитинэ	буолбатаккытына үшпэтэккитинэ	гымматаккытына уурбатаккытына
3 л.	аһаабатактарына диэбэтэктэринэ	буолбатактарына үшпэтэктэринэ	гымматактарына уурбатактарына

Форма условно-временного наклонения, как и условного, выражает лишь действие, в момент совершения которого происходит другое действие. Оттенки времени, если это необходимо, передают соответствующие формы причастий, которые сочетаются с вспомогательным глаголом буол- в форме этого наклонения. Например: Муну билэр эбит буоллаҕына - кэпсигэ 'Когда (если) это он знает - расскажет'; Эргин батнак буоллаккына мин энигин күбэлиэм 'Если мужа твоего догонять собираешься, я тебе совет дам'; Үчүгэйдик үлэ-этэкине икки килэби ылар этим 'Хорошо когда (если) поработал, два хлеба бывало возьму'.

Повелительное наклонение

Повелительное наклонение в речи долган имеет формы настоящего и будущего времени.

Повелительное наклонение настоящего времени [Böhtlingk, 1851, § 515] выражает категорическое приказание. По форме и по значению совпадает с формой повелительного наклонения в якутском литературном языке.

Положительная форма

Единственное число

1 л.	бар-ным ^I	'пойду-ка я' < тюрк. бар-ныйм
2 л.	бар	'пойди'
3 л.	бар-дын	'пусть идет' < тюрк. бар-сын

^I Долгий гласный ны в форме бар-ны-м неправильно возводился к форме на -нг (аффикс отглагольного имени) [Убратова, 1950, с. 130; 1962, с. 124]. Сопоставление этой формы с аналогичной в других тюркских языках [Radloff, 1908, s. 43; Тумашева, 1961, с. 161] позволяет предположить, что долгий гласный ны сходит к элементу -ный ~ -айн: бар-ный-м > бар-ным 'пойду-ка я'.

Множественное число

- 1 л. бар-на-к^I 'пойдем мы с тобой' (исключ.) < тюрк. бар-ай-н-к
бар-на-г-н-н 'пойдем-ка мы все (мы с тобой и вы)' (включ.) <
тюрк. бар-айтыгн
- 2 л. барын 'пойдите'
- 3 л. бар-дыннар 'пусть пойдут' < тюрк. бар-сын-лар

Отрицательная форма

Единственное число

- 1 л. бар-ым-ным 'не пойду-ка я'
- 2 л. бар-н-ма 'не ходи'
- 3 л. бар-ба-тын 'пусть не идет'

Множественное число

- 1 л. барым-на-к 'давай мы с тобой не пойдем' (исключ.)
барым-на-г-нн 'давайте не пойдем все (мы с тобой + вы)' (включ.)
- 2 л. барыман 'не ходите'
- 3 л. барбатыннар 'пусть не ходят'

Форма повелительного наклонения, названного О. Н. Бётлингком формой будущего времени [1851, § 516], представлена формой 2-го лица ед. и мн. числа: положительной — бараар 'иди (немного погода); бараарын 'идите (немного погода)'; отрицательной — барымаар 'не ходи же', барымаарын 'не ходите'. Форма считается заимствованной из монгольского языка [Böhtlingk, 1851, § 516, п. 5; Казиу́нский, 1961].

Категоричность приказа, выраженного повелительным наклонением, подчеркивается присоединением частицы дэ ~ ча. Например: Кайтак эмэ олорон кер дэ 'Как-нибудь попробуй же сесть'; Кырбакыттан, тардыстанын тур дэ 'С твоей кровати, подтянувшись-ты, встань же!'; Миньигин кетеген кер дэ 'Попробуй же меня поднять!'; Иньэтин диебит: "Тагис ча!" 'Матери своей сказал: "Выйди, же!"'. Это усиление повелительного наклонения отмечено и в других тюркских языках К. Брокельманом [Brockelmann, 1920, s. 149].

Повелительное наклонение настоящего времени употребляется у долган и с частицей ире, присоединение которой переносит центр тяжести в значении с действия на лицо.

^I Конечный -к в форме бар-на-к — показатель I-го лица мн. числа исключительной формы 'ты и я'. Сложный оформитель лица мн. числа включительной формы: -г + -н 'мы с тобой + вы' — бар-на-г-нн 'пойдемте-ка мы все'.

Положительная форма

- 2 л. бар ирэ 'лишь бы ты ушел'
3 л. бардын ирэ 'лишь бы он ушел'
2 л. барын ирэ 'лишь бы вы ушли'
3 л. бардыннар ирэ 'лишь бы они ушли'

Отрицательная форма

- 2 л. барыма ирэ 'лишь бы ты не ушел!'
3 л. барбатын ирэ 'лишь бы он не ушел!'
2 л. барыман ирэ 'лишь бы вы не ушли!'
3 л. барбатыннар ирэ 'лишь бы они не ушли!'

В якутском языке частица эрэ, соответствующая долганской ирэ, выражает усиление [Коркина, 1970, с. 156].

Интересно сочетание повелительной формы глагола буол- 'становиться, делаться' с причастием будущего времени. Например: Барыак да буол бизриэм Һуога 'Хоть бы ты и пошел, не дам'.

Пока не обнаружены в текстах, записанных у норильских долган, усиительно-просительные формы повелительного наклонения близкого будущего времени [Böhtlingk, § 515, примеч. 4], в которых имеется интонационная долгота узкого соединительного гласного перед усилительным аффиксом -и [Коркина, 1970, с. 151]. В якутском языке графически выражается интонационное усиление значений некоторых членов предложения для придания им эмоциональной окраски [Убратова, 1950, с. 278]. Это считалось диалектной особенностью [Анкета по изучению говоров якутского языка, 1953, с. 34], которая постепенно проникла в якутский литературный язык. Исследование парадигмы повелительного наклонения в якутском языке осложнилось тем, что в нем собралось несколько разных по происхождению парадигм повелительного наклонения (тюркская, по-видимому, монгольская, и какая-то якутская, представляющая особую форму будущего времени или повелительного наклонения). О. Н. Бётлингк выделил тюркские формы (без I-го лица ед. и мн. числа) как повелительное наклонение настоящего времени, а все остальные отнес к формам будущего времени [Böhtlingk, 1851, § 515, 516]. Последующие исследователи, сохранив в основе это деление, уточняли положение в парадигме форм I-го лица ед. и мн. числа [Коркина, 1970, с. 139-169].

Формы I-го лица мн. числа (исключ.) -на-к 'мы с тобой' и (включ.) -на-г-нн 'мы с тобой и вы' были приняты Бётлингком за форму причастия будущего времени на -нах и вопреки переводу Уваровского исключены из парадигмы [Böhtlingk, 1851]. В примечании о переводе Уваровского Бётлингк все же фиксирует наличие в якут-

ном языке исключительной и включительной формы повелительного наклонения. Фиксирует их и Д. Хитров [1858, с. 57]. Точка зрения Н. Бётлингга была принята С. В. Ястремским [1900, с. 122], но сопоставление с другими тюркскими языками заставило его внести поправку на -нах в парадигму повелительного наклонения. Н. Н. Поппе [1926, с. 50] также считал, что форма I-го лица мн. числа совпадает с глагольным именем на -нах, но в парадигму тоже включил. В парадигму будущего времени повелительного наклонения он выделил, назвав желательной формой [там же, с. 52].

При выявлении точного значения афф. -нах в якутоведческих работах установилось мнение, что афф. -нах в повелительном наклонении является формой двойственного числа [Коркина, 1970, с. 153; Синтаксис современного якутского литературного языка, 1982, с. 32]. Это произошло, вероятно, потому, что афф. -к — показатель I-го лица не употребляется как показатель I-го лица мн. числа в других наклонениях. Поэтому он и не выделяется из состава афф. -нах, который воспринимается вместе, как оформитель I-го лица мн. числа повелительного наклонения. Е. И. Коркина, разделяя широко распространенное среди тюркологов заблуждение, называет эту форму двойственным числом и определяет ее следующим образом: "Двойственное число обозначает призыв, обращение говорящего лица к собеседнику (одному) осуществить действие совместно с ним" [Коркина, 1970, с. 152]. Число не может быть призывом. Им является форма повелительного наклонения, личное оформление которой указывает на лицо, которому обращен призыв. Исторически оно выражается в -к, который широко представлен во многих тюркских языках не только в повелительном наклонении, но и в других формах, например, в киргизском. В языке бачатских телеутов это почти основной личный оформитель глаголов в I-м лице мн. числа в разных наклонениях [Фисанова, 1976а, с. 113]. Значение и построение личных оформителей исключительной формы I-го лица мн. числа (на-к) и включительной формы I-го лица мн. числа (-на- (< к) + н) хорошо раскрываются при сопоставлении (см. с. 179). Большие материалы вскрываются в описании повелительного наклонения в диалектах сибирских языков [Туманова, 1961, с. 87, табл.].

На второй тюркологической конференции в 1976 г. в г. Алматы выступил проф. К. Н. Менгес (США), посвятив свое выступление вопросу включительности/исключительности в алтайских языках, в том числе и в тюркских. Он категорически заявил, что признание различия двойственного числа в тюркских языках — заблуждение, так как, по его мнению, "двойственного числа в тюркских языках вооб-

ще нет" [Менгес, 1980]. Я разделяю эту точку зрения и рада такой авторитетной поддержке. Понимание исключительных и включительных форм пришло ко мне благодаря занятиям тунгусо-маньчжурскими языками, в которых они проявляются и в специальных исключительных и включительных местоимениях, и связанных с ними местоименных аффиксах. По этому поводу я должна была бы сослаться на Г. М. Василевич, в трудах по эвенкийскому языку которой впервые встретилась термин "включительный" и "исключительный", но не сделала этого потому, что уже в то время (в 1934 г.) они были общеизвестны.

Весьма близкая к повелительному наклонению форма на -накты-, в языке долган образует особую форму глагола, которая выражает действие, совершаемое по просьбе или предварительному уговору. В якутском языке это отдельная парадигма особого повелительного наклонения [Грамматика современного якутского литературного языка, 1982, с. 324]. Долганские примеры формы на -накты-: "Дьоллок күү буллаккына ыйтаар дуу?" - "Ыйтынактыбын" "Счастливый день когда найдешь, спросишь ли?" - "Спрошу (как уговорились)"; "Дуо, бийиги аны баайбыт аһарын үлэстивэкпит?" Догооро диэбит: "Үлэстивэктибит!" "Дуо, мы теперь наше имущество пополам разделим?" Друг его ответил: "Разделим (как уговорились)!".

Употребительны как положительная, так и отрицательная формы.

Например:

Положительная форма

мин барыактыбын 'я пойду (по уговору, просьбе, приказу)'
эн барыактыгың 'ты пойдешь (по уговору, просьбе, приказу)'
гини барыактын 'он пойдет (по уговору, просьбе, приказу)'
бийиги барыактыбыт 'мы пойдём (по уговору, просьбе, приказу)'
эһиги барыактыгыт 'вы пойдёте (по уговору, просьбе, приказу)'
гинилэр барыактыннар 'они пойдут (по уговору, просьбе, приказу)'

Отрицательная форма

мин барыммактыбын 'я не пойду (по уговору, просьбе, приказу)'
эн барыммактыгың 'ты не пойдешь (по уговору, просьбе, приказу)'
гини барыммактын 'он не пойдёт (по уговору, просьбе, приказу)'
бийиги барыммактыбыт 'мы не пойдём (по уговору, просьбе, приказу)'
эһиги барыммактыгыт 'вы не пойдёте (по уговору, просьбе, приказу)'
гинилэр барыммактыннар 'они не пойдут (по уговору, просьбе, приказу)'

В якутском языке форма 3-го лица ед. числа из этой парадигмы входит в число форм повелительного наклонения [Коркина, 1970, с. 18].

Обычно выполняемое действие

Обычно выполняемое действие в языке долган выражается причастием на -ааччы с аффиксами сказуемости. Например: Уол ого дьэбит: Мин итинник эти иэччитэ нуокпун". Оно биргэс дьактар дьэбит: Нуок этин иэччигиний?" Оно уол ого дьэбит: "Мин таба этин иэччигиний" Мальчик сказал: "Я такое, как то мясо, вообще не ем". Тогда одна женщина сказала: "Чье мясо ешь ты обычно?" Тогда мальчик сказал: "Я оленьё мясо ем обычно".

В речи норильских долган эта форма является глагольной и даже может употребляться в сочетаниях с деепричастием. Например: Үс иһи-биһи киһи кэһөн кэлээччылэр 'Три родных брата, кочуя, прибыли (прикочевывали)'.
Положительная форма: мин аһааччы-бын 'я обычно ем (имею обыкновение есть)'; эһ иэччи-гин 'ты обычно ешь'; гини буолааччы мин обычно бывает'; биһиги үтээччибит 'мы обычно толкаем'; эһиги аһааччыгыт 'вы обычно делаете'; гинилэр үүрааччылар 'они обычно кладут'.

Отрицательная форма в языке норильских долган образуется строго по формуле отрицания обладания, то есть отрицаемое слово имеет притяжательный аффикс 3-го лица ед. числа, а аффикс сказуемости присоединяется к имени отрицания нуок: аһааччыта нуокпун 'я не ем обычно', иэччитэ нуокпун 'ты не ешь обычно', буолааччыта нуок мин не бывает обычно', үтээччитэ нуокпут 'мы не толкаем обычно', аһааччыта нуоккут 'вы не делаете обычно', уурааччыта нуоктар они не кладут обычно'.

Форма обычно выполняемого действия употребляется в тех случаях, когда речь идет о действии в настоящем времени. В прошедшем или будущем времени форма на -ааччы употребляется в сочетании со связкой в соответствующей форме. Например: Мин олоһкоһооччу этим 'Я имела обыкновение рассказывать сказки'; Пирбэр кэлбитим кэнинэ буолааччы буулуом 'После того, как уж я приеду в свое место, я буду заниматься промыслом'.

Отрицательная форма образуется так же: Мин олоһкоһооччута нуок этим 'Я уж не имела обыкновения рассказывать сказки'.

Эта форма рассматривается в грамматике якутского языка как

особое наклонение [Грамматика..., 1982, с. 333]. В якутском языке она употребляется значительно реже, чем в долганском. Отрицание в якутском языке выражается также именем отрицания, но личное оформление несет причастие на -ааччы, например: Мин барааччы суох 'Я не имею обыкновения уходить' [Там же, с. 332]. Форма на -ааччы употребляется в некоторых сибирских тюркских языках, в том числе в якутском и долганском, как имя существительное. Имена существительные на -ааччы очень распространены в современном якутском языке и поэтому не удивительно, что они заслонили собой собственно глагольную форму на -ааччы. Е. И. Коркина, видимо по значению, возводит эту форму к причастию на -ар [1970, с. 226]. Это не доказуемо. Форма на -ааччы может быть возведена к сочетанию причастия на *гач и древней связки *i'ci (-*гач + -чы). Ее фонетический вариант -ааччык, приводимый Е. И. Коркиной, также может быть возведен к сочетанию причастия на -*гач и древней формы связки *эр|ук.

Возможное наклонение

Возможное наклонение ни по форме, ни по значению никакого отличия от литературного якутского языка не имеет. Пример: Эбээ, туок буолагын? Элэйегүн! 'Бабушка, что с тобой? Смотри не умри!'

Положительная форма

Единственное число

- 1 л. бар-аай-а-бын
- 2 л. бар-аай-а-гың
- 3 л. бар-аар-ай

Множественное число

- бар-аай-а-быт
- бар-аай-а-гыт
- бар-аай-а-лар

Отрицательная форма

Единственное число

- 1 л. бар-ым-аай-а-бын
- 2 л. бар-ым-аай-а-гың
- 3 л. бар-ым-аар-ай

Множественное число

- бар-ым-аай-а-быт
- бар-ым-аай-а-гыт
- бар-ым-аай-ал-лар

Е. И. Коркина приводит различные предположения о происхождении этой формы [1970, с. 232]. С. Е. Малов так объяснял образование формы возможного наклонения. Она восходит к причастию на -гай (як. -аай) с вспомогательным глаголом (вероятно, эр- 'быть'), который спрягается в настоящем времени (-а). В 3-ем лице ед. числа произошла перестановка й и р, что наблюдается в якутском языке. Это объяснение подтверждает тофский язык, в котором формы же-

ительного наклонения *гай* мен сочетаются со служебным словом *икк*: *бар-гай икк сен 'пошел бы ты'*, *бар-баай икк сен 'не пошел бы ты'*. Служебное слово *тоф. икк* ↔ *как ийик* Д. М. Насилов возводит к *'ар-јук*, а в хакасской форме *паргайчык* восстанавливает *пар-гай i(p)чык* [1966, с. 101–102]. Это очень подходит к вариантам формы на *-айык*, приводимым Е. И. Коркиной, а также и варианту на *-ааччык* формы на *-ааччы* [1970, с. 225, 232].

Утвердительное наклонение

В якутской грамматике утвердительным наклонением называется форма на *-ыһы* [Коркина, 1970], которая у долган имеет значение 'быть в состоянии'. Так, говорят: *табам барыһы 'мой олень в состоянии идти'*. Но у долган она употребляется еще и в каком-то другом значении, так как часто обозначает действие, которое могло бы быть выражено формами изъявительного наклонения. Например: *Дьэти-тэр барыһы. Эрин кэлэр кэмэ буолла. Чаайдыһы. Огонньоруун гытта убайа кэлбиттэр. Чаай иһэ диэн илэр 'В чум свой пришла. Наступило время, когда приходит ее муж. Чай приготавлила. С мужем-ее вместе старший брат пришли. Чай распивая, разговаривали'* (отрывок записан от А. К. Сидельниковой, в речи которой эта форма в таком значении встречалась очень часто).

Отрицательной формой утвердительного наклонения на *-ыһы* в значении 'быть в состоянии' служит, как уже говорилось, причастие будущего времени с именами отрицания *һуок*: *Табалар ту-һуоктара һуок 'Олени не могут (не в состоянии) остановиться'*; *Нийини каракпар да көрүөм һуок 'Его даже в глазах моих увидеть не могу'*.

Происхождение формы на *-ыһы* разбиралось почти всеми исследователями [Коркина, 1970, с. 197–204]. Е. И. Коркина считает наиболее удачным предположение О. Н. Бётлинга, сопоставившего форму на *-ыһы* с формой на *-асы*, известной во многих тюркских языках [Bötlingsk, 1851, § 521]. После длительного и подробного разбора Е. И. Коркина приходит к выводу, что "утвердительное по своей модальной семантике наклонение глагола из живых тюркских языков имеется в одном только якутском" [1970, с. 207].

В одной из ранних работ автором настоящей монографии было высказано предположение об образовании формы на *-ыһы* из древнего причастия на *-ың* с афф. *-чы* [Убрятова, 1950, с. 129–130]. Оно было уязвимо главным образом потому, что элемент *-һы* не поддавался объяснению. Форма на *-һы*, ставшая сейчас отглагольным именем су-

ществительным, все же проявляет свою былую принадлежность к глагольным формам. Примеров мало, но они доказательны.

В якутском языке встречаются зависимые предложения, сказуемое которых выражено формой на -ны в стяженном местном падеже: (-ныта из -нытына). Киэһэ күн тиит баһыгар тҕһүүтэ биэлэйдэр тоһотторо аттаах, саллааттара сатыы, алааһы ортотунан айан суолун уутун хотоһо турдулар [Амма Аччыгыйа, 1947, с. 49] 'Вечером, когда солнце опускалось на вершины лиственниц, начальники белых верхом, солдаты их пешком, посередине аласа по тракту потянулись' (другие примеры см. [Убрятова, 1976а, с. 127-131]).

Среди отглагольных имен существительных на -ны встретилось одно, образованное от основы с глагольным отрицанием ситэн көрүмүү 'недосмотр' [Пекарский, стб. 1167]. В современном "Русско-якутском словаре" [1968, с. 318] слово 'недосмотр' переведено сочетанием ааньа көрүмүү, а в "Якутско-русском словаре" [1972, с. 24] о слове ааньа сказано, что оно употребляется только с отрицательными формами глагола. Следовательно, составитель воспринимал слово көрүмүү как глагольное.

Попытка привлечения древнеуйгурских форм к анализу якутских (и долганских) форм на -ааччы ∞ -ааччык, -аайа ∞ -аайык и -ныны ∞ -нынык показала плодотворной, поэтому автор стала искать аналога в древнеуйгурском языке и для элемента -чы ∞ -һы в аффиксах -ааччы и -ныны. Оказалось, что в нем была глагольная форма на -чы со значением будущего времени. Примеры: ö1-mä-çi sen 'ты не должен умирать'; äc bol-maçi pämägä näk berdiñ 'почему ты за эту совершенно не имеющую ценности вещь отдал?' Вариантом формы на -çi, еще более редким, проф. А. Габен считает форму на -ça в таком примере: uluj ojlum joq bolça 'мой старший сын умер' [Gabaïn, 1974, с. 116]. Е. И. Коркина приводит материалы, прямо совпадающие с древнеуйгурскими [1970]. Ср., например, форму на -сы: буолсу. Өнөс баҕайы буолсу (зм. буолууһу) 'Сильно упрямый, видимо, будет' [Коркина, 1970, с. 197].

Таким образом, формы на -ааччы, -аайа, -ныны являются древними тюркскими формами, которые могут быть возведены к древнеуйгурским.

П о с л е л о г и

Послелогии – служебные слова, занимающие подобно аффиксам место после основы слова (отсюда и название), аналитически выражают его различные грамматические отношения к другим членам предложения. Это особенность грамматического строя тюркских языков.

Послелогои в языке норильских долган совпадают с якутскими, лишь несколько отличаясь от них фонетически и функционально. Они совпадают с послелогоми других тюркских языков, хотя в каждом тюркском языке есть своеобразие в их употреблении и они образуют свои системы. По своему происхождению послелогои распадаются на три группы: 1) послелогои, образовавшиеся от имен; 2) послелогои, образовавшиеся от глаголов и 3) послелогои неизвестного пока происхождения.

Послелогои именного происхождения восходят к именам существительным, имеющим пространственное значение, например:

ис 'нутро, середина'	анны 'низ' (як. алын)
тас 'внешняя сторона'	инни 'перед' (як. илин)
орто 'середина'	кэнни 'зад' (як. кэлин)
уста 'длина его'	онну 'место' (як. орун)

Послелогои, расположенные в правом столбце, представляют собой основы слов с метатезой конечных гласного и согласного (ср. с якутскими словами). Послелогои именного происхождения этого типа сочетаются со словами, отношения которых они выражают, посредством изафетта. При этом послелог занимает место определяемого изафетной конструкции и принимает на себя падежный аффикс, который он уточняет. Послелогои именного происхождения чаще всего принимают формы дательного, исходного, творительного и местного падежей. Примеры: Таһаратын колоругун аннытыгар кыыл кемүс коруопка туруога 'Под божничей золотая коробка стоять будет'; Биир таһ алын ортотугар түспүстөр 'Посреди одной ровной лайды опустились'; Көтөрө көтөн иһэн, биир кайагас иһинэн түспүт 'Птица-его, летев, через одно отверстие серединой его опустилась'; Табалар кэннилэритэн чээлкээ угучактаак иһи иһэр 'За оленями едет человек на белом верховом олене'.

Вместо падежного аффикса при послелогое может быть второй послелог. Например: Байгалын кэннитин дэт көрдөгүһэ байгалын кытыла арааччы ниткэгэ талы көстөр 'В сторону за море когда посмотрел: берег моря насылу нитке подобно виднеется'.

Сочетание двух послелогов может выступать как член предложения. Например: Байдыгы ого биэк инни дэт баран иһэр 'Это дитя век перед (досл. в сторону переда) идет'.

Послелогои инни 'перед', кэнни 'зад' в местном падеже сочетаются с причастными формами и выражают синтаксические отношения разных придаточных предложений времени: Мин кэлиэгим иннинэ эн дьиэгэр баранан 'Прежде чем я приду, ты уйдешь к себе домой'; Эн кыыллы барбыт кэннинэ бу киһи кэлбит 'После того как ты ушел промышлять дикого (олени), этот человек пришел'. Ср. древнеуйгурскую форму kinintä 'в будущем' наряду с формой bardukintä kin [Sabain, 1974, S. 141], др. як. турдагым кэннэ [Коркина, 1970, с. 185].

Некоторые древние послелогои именного происхождения сочетаются со словами или с сочетаниями слов посредством примыкания, например: үстүн 'вдоль, над' (як. устун), туркары 'на протяжении' (в современном литературном якутском языке тухары). В "Словаре якутского языка" Э. К. Пекарского этот послелог имеет диалектные варианты: турхары, тухлары, тухары, туоххары, торхору, толхору, тохору, тогару, то есть представляет собой многовариантное слово. Оба послелога близки к древнетюркским: долг. үстүн < др.-тюрк. üst ün 'поверх, над' < üst; долг. туркары 'на протяжении' < др.-тюрк. туркару < турк 'длина' [ДТС, с. 588]. Ср. Маһын үстүн араһ. одуулаабт 'Поверх леса (досл. дерева) лишь разглядывал'; Бу һыттагына түннүгүн үстүн киһи көстөр 'Вот когда лежал, через окно человек виднеется'; Тыннаагың туркары һээккин, аһнактын, тайһаактын тугунан да колбураабат көрдүк 'Пока он жив, как будто ничем не ослабит то, чтобы тебе есть, пить, одеться'.

В примерах послелог үстүн выражает отношения обстоятельства места. Послелог туркары передает отношение зависимого временного предложения (нераспространенного) тыннаагың туркары 'пока он жив'

Выше говорилось, что древние послелоги сочетаются посредством примыкания, однако многие из них при существительных, имеющих аффиксы принадлежности 3-го лица ед. и мн. числа, или глагольных формах, обозначающих 3-е лицо ед. и мн. числа, требуют появления аффикса: түннүгүн үстүн 'через окно-его' (түннүк 'окно') тыннаагың туркары 'пока жив-он' (тыннаак 'живой').

Послелоги глагольного происхождения часто восходят к деепричастиям на -н (древняя форма, перешедшая в якутском языке в наречие) и на -а (деепричастие в современном якутском и долганском языках), а также к некоторым отглагольным формам.

Древние послелоги, восходящие к деепричастию на -н. Аайн 'каждый, всякий' < др.-тюрк. деепричастия сайу < са- 'считать'. В якутском языке послелог аайн в простом предложении выражает понятие 'каждый' и все отношения дательного падежа: күн аайн 'каждый день', киһи аайн 'каждый человек, каждому человеку'. В сложном предложении послелог аайн выражает отношение 'всякий раз как ...' сказуемого зависимого предложения, выраженного причастием на -нак (в якутском языке причастия на -тах). Оксуогун аайн көмүс көтөрдөөк аттаак киһилэр кете иһэллэр 'Всякий раз как ударит, вылетают люди на лошадях с серебряными крыльями'. Диэри 'до' (< др.-тюрк. глагола тег- 'доходить, достигать', тегир- 'доводить') управляет дательным падежом при членах простого и сложного предложения. Например: Маньга диэри утуйун 'До этого спите'; Ол тийт төбөтүнэн ба абааһытын өттүгүн баас буулуо

гар дээр кирибаабыт 'Вершиной той лиственницы бедро абааны бял,
шока не сделается рана'.

Послелого, образовавшиеся от деепричастий на -а: бына 'через',
такса 'свыше', эргийэ 'вокруг' и др.

Послелог бына 'через' (< быс- 'резать') управляет винитель-
ным падежом: Ыттыгын бына нстамыт 'перепрыгнул через подушку';
Колуйэни бына ит огото хаактаабыт 'Поперек озера щенок нагадил'
(загадка).

Послелог такса 'свыше' (< тагыс- 'выходить') образует анали-
тическую форму приблизительного числительного, управляет исходным
падежом: икки һүүстэн такса табалара 'свыше двухсот оленей (у)
них'.

Послелог эргийэ 'вокруг' (< эргий- 'вращаться') управляет
винительным падежом: Дьиэни эргийэ наракан дьактар 'Вокруг чума
временная женщина' (загадка).

Послелог кытта ~ гытта 'вместе' (< кытын- 'соединять') уп-
равляет винительным падежом. Он выполняет несколько функций. В
простом предложении выражает совместность: Мин энйигин гытта бар-
ыам 'Я с тобой пойду'. В приведенном предложении совместность вы-
ражена дважды: послелогом и аффиксом совместного залога -с-. Сов-
местность однородных членов предложения: аты гытта коруба агай
лишь кони и коровы (досл. лишь с конем вместе корова)'. Одновре-
менно зависимого предложения с главным в сложном предложении
в сочетании с причастием на -ар, например: Бука карага керөрүн
гытта төртөрү көшпүт 'В самый тот момент, когда глаз(а)-его уви-
дели, назад полетел'.

Примерами отдельных слов глагольного происхождения, превратив-
шихся в послелого, могут служить: кердүк 'подобно, словно', ордук
'наипрек, остаток', выражающие сравнительные отношения в сочетании
слов, предложений (кердүк) или образующие особые сравнительные
конструкции (ордук). Послелог кердүк может быть возведен к глаго-
лу кер- 'смотреть, видеть', возможно, к керүн- 'видеть (себя)' +
аф. -ык.

Во многих тюркских языках имеются послелого из деепричастий
от глагола кер- 'видеть', выражающие сравнительные отношения. По-
тому и долганский послелог кердүк 'словно, похоже, как' можно воз-
вести к этому глаголу. Однако он утратил управление. По-видимому,
он утратил и семантическую связь с основой кер- 'видеть, смотреть',
как как в якутском языке сменил огласовку на курдук и превратился
в диалектах в многовариантное слово. В "Словаре якутского языка"
К. Пекарского даны следующие варианты этого послелога: кордук,
как [стб. III8]; кердүк = кордук, курдук 'как, словно' [стб. II62];

күрдүк и все соответствия [стб. I247]; күрдүк = курдук [стб. I330]; сложные слова бутурдук, итигирдик 'вот такой'. Эти соответствия говорят о том, что по диалектам көрдүк 'как' стал многовариантным словом.

В сочетаниях с указательными местоимениями и у долган после-лог көрдүк изменил огласовку: бутурдук, һубутурдук 'именно так', ити гурдук 'таким образом'.

Послелог көрдүк в языке долган встречается значительно реже, чем послелог курдук в якутском языке [Убрятова, 1950, с. 281; 1976а, с. 200; Петров, 1963; Васильев, 1978, с. I22], в котором он выполняет разнообразные функции, являясь средством выражения сравнительных отношений в простом и сложном предложении, а также выразителем модальности. Примеры из долганских текстов: Икки буом таланы супту баран ойуун тэһинэн көрдүк, уу алыга тийһэн кэлбит 'Два трудно проходимых горных хребта (досл. камня) быстро прошел, словно шаман промчался, водяной лайды достиг'; Карактаак киһи на-рагыһ уота арачы тийһэрин көрдүк оччо үрдүк эбит 'Острое зрение имеющего глаза человека словно насилу достигает, такой высокий оказывается'.

Служебное слово ордук 'остаток, излишек' (як. ордук \leftrightarrow ардык) — отглагольное имя на -ык от глагола орт- 'оставаться в остатке' < др.-тюрк. ардук < арт-. Якутские формы ордук \leftrightarrow ардык — диалектное соответствие по огубленности и неогубленности гласных [Убрятова, 1950] двух основных диалектов якутского языка. Долганское слово ордук 'излишек' свидетельствует о том, что язык предков долган сложился на базе диалекта якутского языка, для которого характерна огубленность гласных. Как служебное слово ордук используется в сравнительных конструкциях и при образовании числительных второго и третьего десятка. Сравнение по качеству: Һуор миньигиттэн туту-нан ордугуй? 'Чем же ворон лучше меня?'

Примеры на образование числительных второго и третьего десятка приведены в разделе "Числительные" (с. I36). Примеры показывают что слово ордук имеет более широкие функции, чем обычный послелог

Среди управляющих послелогов в языке норильских долган встречаются послелог неизвестного происхождения, например: мэлдьи 'на протяжении' и талы 'подобный, похожий'.

Послелог мэлдьи (як. мэлдьи) 'на протяжении' управляет винительным падежом имен существительных, которые обозначают периоды времени. Например: Мян түүнү мэлдьи аан арыһабын 'Я на протяжении ночи дверь открывал'; Киһини мэлдьи утуһааччы 'На протяжении зимы спит обычно'.

Долганский послелог талы 'похожий, подобный, подобно' управ-

яет дательным падежом. В якутском языке ему соответствует послелог талы 'похожий, подобный'. Послелог талы в языке норильских долган встречается чаще и имеет больше функций, чем якутский послелог дыл. Например, послелог талы при местоимениях: Энъизэка талы өтүөнү баскуотуу көрө иликпин 'Тебе подобную, хорошую, красивую, еще не видал'. В этом случае послелог талы 'подобно' совпадает по значению и роли в сочетании со сравнительным падежом при объекте сравнения.

Таксыбытын кэннигэ пааснай уола һинил дьактар миньгиһинээгэр өтүөнү булбута буолуога 'После того сын пашенного вышел, молодую женщину лучше меня (по сравнению со мной хорошую) нашел, наверное'.

Определительное сочетание имен существительных с послелогом талы 'подобно' (табалар һуолларга талы 'подобно следу оленей') может выступать в роли сказуемого. В этом случае оно требует связи, как обычно бывает при именном сказуемом. Ср., например: Табалар һуолларга буолар 'След оленей стоит (обнаруживается)'; Табалар һуолларга талы эбит дуу? 'Ведь похоже на след оленя?'

Послелог талы с глагольными сказуемыми: Бу кыһын кат төрөөбүтүгэр талы аҕата үөрэн көтө һылдыар, үктүүр һирин көрбөт 'Словно эту свою дочь вторично родил, отец-ее, обрадовавшись, летая, ходит, слышит, на которую ступает, не видит'. В этом примере послелог талы 'подобно словно' выражает синтаксические отношения сравнения между сказуемым подчиненного предложения - бу кыһын кат төрөөбүтүгэр талы свою дочь вторично родил' - и главным - аҕата үөрэн көтө һылдыар 'отец-ее, обрадовавшись, летая, ходит'.

Первая запись этого послелого сделана О.Н.Бётлингом [Böhtlingk, 1851, S. 5] в форме атылы со ссылкой на Аф.Як.Уваровского на монг. и маньч. adali. Э.К.Пекарский перенес послелог атылы в свой "Словарь якутского языка" [Пекарский, стб. 199] и сделал следующее дополнение: 'ср. тылы и шор адалыш, монг. адали и адали в русских говорах Сибири (восточносибирских) [Даль, I, с. 5], наречие 'точь-вточь', 'все равно как', 'так же как'. Э.К.Пекарский воспринял слово аталы как заимствованное из русского языка. Об этом свидетельствует исправление записи О.Н.Бётлинга: заменен конечный гласный слова аталы на долгий - аталы. Вероятно, это имело отношение к влиянию местного диалекта русского языка и в языке долган проявлялось очень сильно, например, в лексике (см. с. 67). Послелог талы очень часто звучал в выражении "О, аныга талы!" 'О, греху подобно!'. Среди норильских долган было немало русских бабушек из пашенных, которые часто уже не могли говорить по-русски, но считали себя русскими и придерживались некоторых русских обычаев, а также верований. Ссылка на Уваровского в словаре Бётлинга также подтверждает это предположение. Ведь Аф. Яковлев считал себя русским.

На территории ЯАССР долганскому послелогу талы соответствует послелог дылы, который также возводят к монгольскому адали ~ атылы 'похожий'. По звучанию, значению и управлению он может считаться фонетическим вариантом послелога талы. Но используется как сравнительный послелог с именами существительными и как выразитель модальности — с причастиями на —ар, на —быт: барарга дылы 'словно уходит', дизыккэ дылы 'как говорится'. Так как якутский послелог дылы фонетически сблизился с пространственным послелогом диэри 'до' то он стал употребляться и в этом значении. Если судить по количеству примеров на употребление послелога дылы с пространственным значением в "Грамматике современного якутского литературного языка" [1982] то можно заметить, что оно становится преобладающим. Это сближение и образование нескольких вариантов — дылы ~ дили ~ дыры ~ диэри — с сравнительным, пространственным и временным значениями показано в 3-ем выпуске "Словаря якутского языка" Э. К. Пекарского, вышедшем в 1912 г. Такого в языке норильских долган наблюдать не приходилось. Универсальным средством выражения сравнительных отношений является послелог талы. В якутском языке такой же универсальностью обладает послелог курдук. Послелог диэри 'до' является универсальным пространственным и временным послелогом.

Сопоставление послелогов бесписьменного языка норильских долган с послелогоми современного литературного якутского языка [Грамматика..., 1982, с. 415—430] позволяет сделать вывод о их внешнем совпадении и функциональном различии. Некоторые долганские послелогии имеют более древнее звучание (көрдүк 'похоже как', талы 'похожий, похоже', туркары 'на протяжении', үстүн 'вдоль, над'). Это объясняется разными условиями развития бесписьменного языка норильских долган и современного литературного якутского языка.

В текстах, записанных у норильских долган, представлены и другие виды служебных слов — союзы, модальные слова, частицы. В основном они совпадают с якутскими, но также уступают им числом и разнообразием.

Среди союзов можно отметить следующие.

1. Древние тюркские союзы эмиэ 'еще, тоже', да 'также, и': Пааснай эмиэ налыны кэлэ. Бу тойоттор эмиэ бааллар 'Крестьянин тоже пришел в гости (гостевать). И эти тойоны также присутствуют'; Пиэн аһаан баран, каамныр кэмэ кэлэн, эмиэ баран каалбыт үһү 'Поскогда наступила пора ему отправляться, опять говорят, ушел'; Атында киилэртэн ыйта һатыһлаар. Ким да билбэт маны 'И у других людей безуспешно старались спросить. Никто не знает [про] это'.

2. Некоторые формы связки, например буоллагына 'когда (если) будет'; употребляются для выделения подлежащего: Уһуктубуттар. Иһэ

буоллаҕына үрүн көмүһүнэн, таһа буоллаҕына кыһыл көмүһүнэн дуйдаа-
х уһута, баһа кэстүбөт гурат буолбут үһү 'Проснулись. А внутри-
ни серебром, внешняя же часть его золотом покрытая, ни конца, ни
начала не видно, город оказался, говорят'.

3. Разные формы указательного местоимения ол 'тот' использу-
ются для логической связи с предшествующим содержанием. Ол иһин
костубут тиһа 'Поэтому сломался зуб-его'. Мин ыгырнар күммэр кэ-
пшэк буолларҕын, очого каал 'Если обещаешь прийти в день, в кото-
рый я позову к себе, тогда останься'.

4. Некоторые формы вопросительных местоимений употребляются
в качестве относительных: каннук 'какой, который'. Каннук кэлэр -
калигэ, канук кэлбэт - калигэ һуога 'Который приходит - придет,
который не приходит - не придет'.

В роли союза часто употребляется числительное икки 'два':
Бир огоньор эмээксин икки олорбуттар 'Один старик и старуха жи-
ли'. Аффикс -лаах также может выступать в роли союза. Например:
'Найаа, Ылдьа, - дизбит, - энһиэкэ һеп дуу?' - "Кизинээк үһүн
киһиэкэ. Арый бактаа!" "Каково, Илья, - говорит, - тебе ладно
ли?" - "Широко и длинно мне. Открой скорее!"

Модальные слова, встреченные в долганских текстах: быһыт-
тан 'по-видимому', быһылаах 'возможно', үһү 'говорят'. Эһ минһитин
фактара һуок оноруок быһылааккын? 'Ты меня без жены оставить (сле-
дать), по-видимому, намерен?' Бу төһөнү каччаны барытара дьуру
'Вот сколько-то (как) поехали, что ли'. Бир уһунтай-гургунтай
фигитель олобута үһү. Дойду киһитин олонколотор. Обургу! 'Гово-
рит, жил один длинный-предлинный учитель. Местных людей заставля-
ет рассказывать сказки. Чудовище!' (с одобрением)^I. Модальное сло-
во үһү 'говорят' возводится обычно к тюркскому слову сүз-ү 'слово-
го' [Пекарский, стб. 3186]. В языке долган слово сүз ∞ ссэс упот-
ребляется в форме ес 'рассказ': Коруобата ес кэпсэбит, мусабыт
Корова-его (сказочный персонаж) рассказ рассказывает, может быть'.
Мусабыт - рус. 'может быть', обургу - слово, выражающее удивле-
ние, восхищение.

Н а р е ч и я

Наречия в языке долган совпадают с якутскими наречиями и в фор-
мах и в их значениях. Эта часть речи может быть в предложении об-
стоятельством времени, места, образа действия и т.п. Эһ аскын урут

^I В примере в форме пародии зачина долганской сказки говорит-
ся о записях фольклора автором.

һиэк 'Твою еду прежде давай мы с тобой съедим'; Коруоба тириитин булан баран килэптиир оһогу кытарчы отгубут 'Коровью шкуру найдя, русскую печь до красна растопил'; Көрүлээн көрбүтэ чынчик атын һиргэ һытар 'Осмотревшись, увидел: совсем в другом месте лежит'; Чуугур аттаак киһи кыыс биһилэгин арааччы һулобу тарда һымыпыт 'Имеющий пеструю лошадь человек кольцо девушки чуть не стянул'.

Как показывают примеры, наречия в предложении могут быть обстоятельствами при глаголах и прилагательных. С аффиксами сказуемости наречия могут быть сказуемыми. Например: мин маннабын 'я здесь'.

Наречия бывают, как все части речи, неразложимыми и производными, то есть разложимыми.

Примеры неразложимых наречий: аны 'теперь', койут 'поздно', урут 'прежде', үлдү 'безостановочно'. Миньһигин үлдү ааста 'Меня безостановочно миновал'.

Парные наречия: абыр-табыр 'редко', кам-кум 'крепко', кэлчи-мүлчү 'невыпадет'.

Наречия, заимствованные из русского языка: биэк 'все время', 'постоянно' < рус. век, буса < рус. вовсе (Бу дойдуттан буопса барнам 'Из этой страны совсем уйду'), докуул 'до каких пор' < рус. диалект. докуль (Докуул' һытыамый? 'Докуда буду лежать?').

К числу наречий времени нередко относят имена существительные, обозначающие время дня. Например: түүн 'ночь', киэһэ 'вечер' и др. [Грамматика современного якутского литературного языка, 1982 с. 346]. Но это происходит, вероятно, потому что эти слова могут употребляться и без падежного оформления в том случае, когда это допускает семантика сочетания их с глагольными сказуемыми. Это можно наблюдать в языке норильских долган. Даже слова, которые, кажется, иначе как наречия и воспринимать невозможно, например, сложное слово һарсардэ 'завтра утром', могут принимать падежное оформление, если это необходимо. Ср., например: һарс'эрдэ турдаккына кэлээр 'Завтра утром, когда встанешь, приходи'; Мунтубутун һаатар һарс'эрдэгэ диэри уурбаккын 'Эту-нашу хотя бы до завтра утром не клади'.

Среди долганских наречий можно встретить омертвевшие падежные формы различных склоняемых частей речи. Например, формы местного падежа имен существительных күннэтэ 'ежедневно': Кас күннэтэ минньктыһылар һымыс-буор буолумуогун 'Ежедневно метут, чтобы сору не было'. Указательные местоимения: манна 'здесь, сюда', онно 'там, туда'. Вопросительные местоимения: канна 'где', кантан 'откуда'. Среди долганских (и якутских) наречий есть несколько таких, которые якутоведами в разное время рассматривались как омертвевшие фо

ны дательного падежа разных слов, например: биригэ 'вместе' от числительного биир 'один'. Но, может быть, это деепричастие на -а от древнего глагола бирик- 'объединяться'. То же самое можно сказать о наречии бэркэ 'отлично' от бэрт 'отличный, отменный'.

Производные наречия

Среди производных наречий приходится различать омертвевшие, то разложимые наречия и собственно производные наречия. К числу первых относятся многочисленные деепричастные формы на -н, на -а, перешедшие в наречия, которые легко возводятся к глагольным основам. Наречия на -н восходят к древнему деепричастию на -н: кардары 'поочередно' (перевод Ф.Г.Васильевой), 'навстречу' от кардар- 'отличивать', от карда 'отплата, ответ'; түйнэр-и 'навзнич' от түйнэр- 'опрокинуть', түйнэри оксуом 'опрокину'. Нередко эти наречия содержат аффикс побудительного залога глаголов. Например: тортөрү 'обратно, наоборот', як. төттөрү, др.-тюрк. тертрүү от терс 'превратный' [ДТС, 555] 'обратно, превратно'. Долганские примеры: төртөрү көшүт 'полетел обратно'; Мин төртөрү этиэм нуоҕа 'Я перестать не буду'. Примеры очень интересны тем, что они позволяют считать данное наречие на -тары древним, образовавшимся до установления современной гармонии гласных в якутском языке, после которого образовались два основных диалекта по конечному гласному - огубленный и неогубленный [Убрятова, 1960а, с. 39; Иванов, 1980]. Язык долган сложился на основе диалекта якутского языка с огубленными гласными. Из наречий, восходящих к деепричастиям на -а, можно привести пример: таһаара 'снаружи, на улице' от таһаар-, ср. др.-тюрк. таһкар- 'удалять, устранять', таһра ∞ таһкыру 'наружу'; долганский пример: Такса каалыт. Таһаара туран думайдаабит 'Вышел, снаружи стояв, думал'.

Производными наречиями, свободно образуемыми в современном долганском языке, являются наречия на -лыи и -тык.

Наречия на -лыи (после гласных), -тыи (после глухих конечных гласных), -дыи (после конечных -р и -й), -ныи (после конечных согласных) образуются от имен существительных со значением 'подобно кому или чему': киһилии 'по-человечьи', огонньордуу 'по-стариковски', эмээксиннии 'по-старушечьи'. Наречия на -лыи образовались от деепричастий на -а ∞ -ныи от глаголов на -лаа со значением 'поступать так, как поступает предмет, название которого является основой глагола'. Например: киһилээ- 'поступать как человек

(одно из значений этого глагола)'; деепричастие на -а/-ыи: киһи илии 'поступал как человек'; наречие: ки илии 'по-человечески'.

Словообразовательный аффикс наречий -лыи может присоединяться к сложным именам существительным. Например: эр киһи 'мужчина', эр киһилии 'по-мужски'. Огото эр киһилии таннан ирэр 'Дитя-ее (мать) по-мужски одевается'. От названий народов образуются наречия на -лыи со значением: хакалыи 'по-якутски' (и долгански) от хака 'якут'; тыалыи 'по-долгански' от тыа (киһитэ) 'долган'; тоһуустуу 'по-эвенкийски' от тоһус 'эвенки'; лучалыи 'по-русски' от луча 'русский'.

Аффикс -тык (-тик, -тук, -түк и т.д.) образует наречия от имен прилагательных: түргөнник 'быстро' от түргэн 'быстрый'; өтүгэйдик 'красиво' от өтүгэй 'хороший, красивый'; эгин-эгинник 'разнообразно' от эгин-эгин 'различный'; ким дьуру аата эгин-эгинник ытыра 'что-нибудь имя различно зовет'.

Наречия на -тик напоминают наречия на -ты древнетюркских памятников. Ср., например: ханатын өтүөтүк туһут 'мысль свою хорошо (правильно) держал'; др.-тюрк.: Бу сабымын адгүти асид 'Эту речь мою хорошенько слушайте' [Малов, 1951, с. 27, 34, 195].

Непосредственно от глагольных основ образуются наречия на -(ч)чы, обозначающие степень развития действия. Считается аффиксом монгольского происхождения. По-видимому, проник в язык вместе с образованиями от образных глаголов: кончо-ччу турар 'стоит торчком' от кончо- 'торчать'. Но часто наречия на -ччи не могут быть связанными с монгольскими: Баастарым чэикиччи остулар 'Раны мои совершенно зажили'; Илдьа кокорогу тэмпэччи баһан эгэлбит 'Илья ведро (воды), вровень с верхом зачерпнув, принес'.

* * *

Как показывает обзор частей речи в языке норильских долган морфологический строй его в основе своей совпадает с якутским, что заставило при первом знакомстве с языком долган считать его своеобразным диалектом якутского языка [Убрятова, 1966, с. 68]. Однако детальное сопоставление выявило и значительные отличия, не свойственные другим диалектным подразделениям якутского языка. Длительное изолированное от других говоров якутского языка развитие, а также длительное взаимодействие с северными говорами эвенкийского языка и с говором русских пашенных северного побережья, ныне говорящих по-долгански, оказало большое влияние на язык долган. Долганский язык, имея внешний облик якутского, что-то сохранил в своем языке от его древнего состояния, что-то утратил, что-то несколько

видоизменил, что-то приобрел нового от своих соседей — эвенков, пашенных. После образования и установления советского строя, большое и все возрастающее влияние стал оказывать русский язык. В наших материалах отразилось лишь самое начало этого процесса. Каждый из этих языков оказал свое воздействие. Эвенкийский — в фонетике и лексике, язык пашенных — в лексике, современный русский — в лексике и синтаксисе. В результате язык долган давно оторвался от диалектной системы якутского языка и стал самостоятельным. Будучи бесписьменным, он и до последнего времени продолжает развиваться изолированно от якутского языка.

Местоимения в языке норильских долган представлены теми же видами личных, притяжательных, указательных, вопросительных, неопределенных местоимений, что и в якутском языке. Все основы — общетюркские. В личных местоимениях, так же как в якутском, общетюркские основы сохранились только в парадигме склонения I — 2-го лица ед. числа. Остальные лица восходят к притяжательным формам: биһиги < бизинки. Сохранилось лично-притяжательное местоимение, восходящее к древнетюркскому, уйгурскому мин кендим 'мой собственный', сохранившееся в турецком, гагаузском, карачаево-балкарском языках (кесим, кендим).

Возвратные местоимения мин бэйэм 'я сам', так же как в якутском, восходят к монгольскому бэйэ 'человек сам'. Имеется в парадигме сложная возвратно-притяжательная форма мин бэйэм тэним, отсутствующая в якутском языке.

Имена существительные языка норильских долган имеют следующие отличия. Словообразование менее интенсивное, чем в якутском языке, в котором бурное развитие письменного литературного языка во всех жанрах требует новых слов. Встретились усилительные служебные слова эвенкийского происхождения — туньа, көөкүн —, отсутствующие в якутском языке. Отклонения в словообразовании зависят от исторического развития языков. Общетюркские падежные формы, то есть формы, возникшие в древности: винительный, дательный, исходный, сравнительный (первый) — распространены, как в якутском, с теми же основными значениями. Творительный падеж (афф. —нан), известный в хакасском языке, употребляется, как в литературном якутском, в значениях инструментального, продольного падежей. Падежные формы, возникшие на якутской почве, то есть после сложения якутского языка, в языке норильских долган и современном якутском имеют разное распространение. Полное развитие частного падежа имеется только в долганском, в котором есть и безличные, как в якутском, и лично-притяжательные его формы. Совместный падеж развился в якутском языке как форма косвенного дополнения (падеж) и как оформитель однородных членов предложения, как в эвенкийском. У долган

он встречается редко, преимущественно как оформитель однородных членов предложения. Якутские падежные формы винительного-собирательного, сравнительного (второго) в языке норильских долган не встретились. Наблюдается тенденция образования в языке норильских долган направительного падежа с аффиксом -дет, отсутствующего в якутском.

Глагол как часть речи в долганском языке в основном совпадает лексически и морфологически с глагольными формами якутского языка, отличаясь лишь в деталях.

Глагольные основы делятся на глаголы действия, состояния и образные (собственно образные и звукоподражательные). Образные глаголы в долганских текстах не столь многочисленны, но выявленные формы имеют полное совпадение с формами якутского языка. Можно предполагать, что их значительно больше. Как и в якутском языке, основу глагольной лексики языка долган составляют тюркские слова. Эвенкийские глаголы более многочисленны, чем в якутском языке. Они так же, как монгольские в якутском языке, вошли в язык долган в условиях длительного взаимного двуязычия, сохраняют свою первоначальную форму, подчиняясь лишь долганским фонетическим нормам. Русские глаголы входят в язык долган (как и в якутском) в форме 2-го лица ед. числа повелительного наклонения, принимая словообразовательный аффикс отыменных глаголов -лаа (прост'ылаа 'простаться' из рус. прости, як. бырастын-ла-с 'простаться').

Система спряжения - якутская с некоторыми отклонениями. Парадигма состоит из основных форм причастий, деепричастий и финитных форм.

Причастия - универсальные формы глагола, которые входят в парадигму спряжения частично как финитные (временные формы изъявительного наклонения, основные части описательных форм -ар, -бат, -быт, -батах, -нах, -мнах, -ааччы, -а илик). Причастия оформляются аффиксами сказуемости, когда они выполняют функцию конечного сказуемого, и аффиксами принадлежности - в функции зависимого сказуемого (кроме формы на -ааччы). В этом случае лицо выражают аффиксы принадлежности непосредственно или в составе падежных аффиксов, являющихся средствами синтаксической связи зависимого предложения с главным предложением или его членами.

Деепричастия на -мыйа со -мыһа, -тар, -батар, -а, -ан, -бакка, -аары, -маары, -аат обозначают действие, сопутствующее главному. Все деепричастия могут выступать в качестве сказуемого зависимого предложения, обязательно в личной форме (аффиксы сказуемости), кроме деепричастия на -аат, личное оформление которого - аффикс принадлежности в составе винительного падежа лично-притяжательного склонения (бараап-пытын, як. бараапытын кытта

'как только уйдем-мы'). В простом предложении в роли второстепенных сказуемых у деепричастий (-а, -ан) личное оформление факультативно. Деепричастия (-а, -ан, -аары) в форме основного глагола в сочетаниях со вспомогательными безличны. Деепричастие на -бакка с личным оформлением не встретилось, в якутском оно принимает аффиксы сказуемости. В исследованных текстах не встретились также вторичные деепричастия на -бытынан и -бычча, условные деепричастия на -дахха, -батахха.

Финитные формы состоят из различных наклонений. Можно отметить следующие отличия от якутских форм. В повелительном наклонении в I-ом лице мн. числа не встретилась включительная форма (як. барымаадын 'пойдем мы с тобой и все вы'). Так же произошло с повелительным наклонением будущего времени. Оказалась выявленной пока форма 2-го лица ед. числа на -аар. В языке долган употребляется обычное повелительное наклонение с частицей ирэ, которая как бы переносит желание с действия на лицо, выполняющее действие.

В современном якутском языке имеется форма повелительно-желательного наклонения, образованная от причастия на -нах и какого-то вспомогательного глагола. В языке долган эта форма выражает намерение выполнить действие согласно уговору. Не зафиксированы у долган усиленные формы повелительного наклонения, очень распространенные в современном литературном якутском языке. Изъявительное наклонение совпадает с якутским, за исключением того, что форма настоящего времени часто заменяется формами обычно совершаемого действия и утвердительного наклонения и наличием аффиксальной отрицательной формы будущего времени, в которой отрицание относится к деятелю. Отсутствуют в текстах норильских долган формы якутского должноствительного наклонения, состоящие из причастий с аффиксом обладания -лаах или служебным словом тустаах. У норильских долган им соответствуют формы, состоящие из причастий на -нах, -на в разных сочетаниях с именами наличия баар и отрицания суох.

Отсутствует в языке норильских долган предположительное наклонение, хотя имеется условно-временное наклонение, образованное от причастия на -тах.

Долганские наречия сопоставимы с якутскими. Служебные слова также сопоставимы с якутскими. Но те и другие уступают якутским количественно, что естественно, так как якутский язык стал письменным.

После образования в 1922 г. Якутской АССР сразу же была введена письменность на родном языке. Это означало немедленное и раз-

ностороннее развитие письменного литературного якутского языка, так как началось издание газет, областных и районных, создание учебников для национальных школ, издание переводов политической и научной, а также переводной и оригинальной художественной литературы, создание национального театра, радиовещания на родном языке. Исторически сложилось убеждение, что якутский язык не имеет диалектов. Поэтому создатель якутской письменности С. А. Новгородов, разработав алфавит на основе международной фонетической транскрипции, предложил фонетический принцип письма — "пиши так, как говоришь!" Это способствовало быстрому овладению грамматикой и общему подъему культуры якутского народа. Но вскоре выяснилось, что местные говоры якутского языка все же существуют, и это осложнило работу по созданию якутской орфографии, так как диалектные особенности в большинстве случаев не имеют строгого территориального закрепления и не всегда проявляются в языке в одних и тех же условиях. В первые годы существования письменного литературного языка большую роль играли нормы синтаксиса устного литературного языка, существовавшего у якутов с древнейших времен в их высоко развитом фольклоре. Все это необычайно обогатило лексику и морфологию и заложило основы синтаксиса. Но задачи письменного якутского языка были шире и сложнее. Письменный литературный якутский язык начал бурно развиваться. В лексике значительно распространилось такое явление, как расширение и изменение значения слов в соответствии с новыми историческими условиями жизни народов СССР. Словарный фонд пополнялся новыми словами, созданными на основе якутского словообразования, и многочисленными заимствованиями из русского и других языков. Морфология также пополнялась включением различных форм, сохранившихся в диалектах. Что касается современного литературного якутского языка, то он значительно упростился и приблизился к разговорному. Все эти исторические процессы развития современного письменного литературного якутского языка особенно сильно отразились на разных видах служебных слов — послелогах, союзах, модальных словах, частицах, которые получили в нем очень большое развитие. Результаты его подробно исследованы в монографиях Н. Е. Петрова [1963, 1978, 1982, 1984], а также в "Грамматике современного якутского литературного языка" [1982].

Бесписьменный язык норильских долган в 30-х годах не был затронут в такой степени этими процессами и поэтому его служебные слова сопоставимы с якутскими, существовавшими в якутском языке до образования письменности. Есть различия и связанные с ходом истории языков, например, две падежные формы, развившиеся под влиянием

нгийского языка — частный и совместный падежи — в якутском и долганском употребляются по-разному. Частный падеж в долганском языке имеет более полное развитие. Он употребляется как в безличном, так и в лично-притяжательном склонении, тогда как в якутском языке — только в безличном. Наоборот, в якутском языке более широкую функцию приобретает аффикс -лынн. Он не только оформляет однородные члены предложения, но и является формой косвенного склонения.

Есть различия и более глубокого исторического характера. Так, формы долженствовательного наклонения у долган могут быть сопоставлены с древнеуйгурскими формами, тогда как формы того же наклонения в якутском языке построены по модели, распространенной среди тюркских и кыпчакизованных языков. Но это уже специальная задача исследования истории долганского и якутского народов.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенова Е.Е., Барболина А.А., Парфирьев В.Н. Экспериментальный букварь долганского языка. М., 1981.

Алексеев И.Е. О. Н. Бётлингк и изучение словесного ударения в якутском языке (предварительное сообщение). — В кн.: О.Н. Бётлингк и его труд "О языке якутов". Якутск, 1973.

Амма Аччыгыйа. Алдьархай. Сэһэн. Якутскай, 1966.

Амма Аччыгыйа. "Күн көрсө". Якутскай, 1947.

Андреев И.А. Причастие в чувашском языке. Чебоксары, 1961.

Андреев Н.А. Краткий грамматический очерк чувашского языка. — В кн.: Чувашско-русский словарь. М., 1961.

Анкета по изучению говоров якутского языка. Якутск, 1953.

Антонов Н.К. О некоторых якутских именных основах монгольского происхождения. — Тр. ист.-филол. фак., Якутск, 1966, вып. I.

Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971.

Антонов Н.К. Исследования по исторической лексике якутского языка. Автореф. докт. дис., Якутск, 1973а.

Антонов Н.К. О якутских основах неизвестного происхождения. — В кн.: О. Н. Бётлингк и его труд "О языке якутов". Якутск, 1973б.

Афанасьев П.С. Говор верхоянских якутов. Якутск, 1965.

Афанасьев П.С., Дьячковский Н.Д., Сосин Г.Д. Саха тыла. Морфология 5 уонна 6 кылаастарга өрөнөр кинигээ. Якутскай, 1972.

Ашмарин Н.И. Материалы по исследованию чувашского языка. Казань, 1898.

Барашков П.П. Звуковой строй якутского языка. Якутск, 1953.

Барашков П.П. О монголо-бурятских и якутских языковых связях. — В кн.: Сборник трудов по филологии. Вып. 3, Улан-Удэ, 1958.

Барашков П.П. К вопросу классификации говоров якутского языка. - В кн.: Сборник диалектологических материалов якутского языка. Якутск, 1961.

Баскаков Н.А. Историко-типологическая характеристика структур тюркских языков. М., 1975.

Бельтикова Н.П. Сонорные согласные долганского языка. - В кн.: Языки и топонимия Сибири. Томск, 1975.

Бельтикова Н.П. Носовые малошумные согласные в долганском языке. - В кн.: Сибирский фонетический сборник. Улан-Удэ, 1976а.

Бельтикова Н.П. Переднеязычный *t* в долганском. - В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976б.

Бельтикова Н.П. Ротовые малошумные согласные в долганском. - В кн.: Исследования по фонетике сибирских языков. Новосибирск, 1976в.

Бельтикова Н.П. Дистрибуция согласных 4-ой артикуляции в долганском языке. - В кн.: Языки народов Сибири. Кемерово, 1977.

Бельтикова Н.П. Консонантизм долганского языка. (Экспериментальное исследование). Автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1979а.

Бельтикова Н.П. Долганские тексты. - В кн.: Сказки народов Сибирского Севера. Вып. 3. Томск, 1979б.

Бельтикова Н.П. Щелевые шумные фонемы западного варианта долганского языка. - В кн.: Народы и языки Сибири. Новосибирск, 1980.

Бётлингк О.Н. О языке якутов. Опыт исследования отдельного языка в связи с современным состоянием всеобщего языкознания. - Зап. Академии наук, Спб., 1853, т. I, вып. 4.

Благова Г.Ф. Тенденция к усложнению тюркского падежного склонения. - Вопросы языкознания, 1970, № I.

Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934.

Василевич Г.М. Учебник эвенкийского языка (для курсов подготовки учителей). Л., 1934а.

Василевич Г.М. Эвенкийско-русский диалектологический словарь. Л., 1934б.

Василевич Г.М. Эвенкийско-русский (тунгусо-русский) словарь. Л., 1940.

Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948.

Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.

Василевич Г.М. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов. - СЭ, 1964, № 4.

Васильев В.Н. Краткий очерк инородцев севера Туруханского края. - Ежегодник Русск. антропол. общ-ва, 1908, т. 2, с. 60.

Васильев Ю.И. Фразеологические сращения со словом курдук в якутском языке. - В кн.: Изучение языков Сибири. Новосибирск, 1971.

Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика письменного монгольского языка и халхасского наречия. Ч. I. Фонетика. Л., 1929.

Воронкин М.С. Есейский говор якутского языка. Автореф. канд. дис. Баку, 1966, с. 16.

Воронкин М.С. Очерк якутской диалектологии (на якутском языке). Якутск, 1980.

Гермогенов Г.У., Мороз И.Д. Самоучитель якутского языка с предисловием Методического совета НКПС ЯАССР, Вып. I. Якутск, 1931.

Грамматика современного якутского литературного языка. М., 1982.

Григорьев Н.С. Грамматика якутского языка на якутском языке. М., 1938.

Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966.

Данилов Софрон. С-рах табарин тухары. Якутскай, 1977.

Демьяненко З.П. Турко-монгольские параллели в лексике языка долган. - В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1971.

Демьяненко З.П. Лексический материал как источник по истории долган и якутов. - В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973а.

Демьяненко З.П. Турко-кетские словарные общности и их отражение в долганском языке. - В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973б.

Демьяненко З.П. Долганская анатомическая лексика эвенкийского происхождения. - В кн.: Языки и топонимия Сибири. Вып. 7. Томск, 1975а.

Демьяненко З.П. Заметки по долганской лексике. - В кн.: Языки и топонимия Сибири. Вып. 7. Томск, 1975б.

Демьяненко З.П. Долганские названия частей тела. - В кн.: Языки и топонимия Сибири. Вып. 6. Томск, 1976а.

Демьяненко З.П. Из лексикологических наблюдений над долганскими названиями виска. - В кн.: Языки и топонимия. Вып. 2. Томск, 1976б.

Демьяненко З.П. О вторичных и переносных значениях слов в долганском языке. - В кн.: Языки и топонимия. Вып. 1. Томск, 1976в.

Демьяненко З.П. О словообразовательных приемах в группе долганских названий частей тела. - В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976г.

Демьяненко З.П. Заметки по долганской лексике. - В кн.: Языки и топонимия. Вып. 4. Томск, 1977.

Демьяненко З.П. Долганские "куйка", "кыйка", "кыныка" и их связи с данными алтайских и енисейских языков. - СТ, 1979а, № 6.

Демьяненко З.П. Долганские сказки. - В кн.: Сказки народов Сибирского Севера. Вып. 3. Томск, 1979б.

Демьяненко З.П. Материалы к изучению долганских названий частей и органов тела. - В кн.: Языки и топонимия. Вып. 6. Томск, 1979в.

Демьяненко З.П. Материалы к изучению долганских названий частей и органов тела. - В кн.: Языки и топонимия. Вып. 7. Томск, 1980.

Диалектологический словарь якутского языка. М., 1976.

Дмитриев Н.К. О парных словосочетаниях в башкирском языке. - Изв. АН СССР, 1930, № 79. Отд-ние гуманитар. наук, серия 7.

Дмитриев Н.К. Служебные имена в турецком языке. - В кн.: Советское языкознание. Т. 3. 1939.

Дмитриев Н.К. Строй турецкого языка. Л., 1939; 2-е изд., М., 1960.

Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948.

Дмитриев Н.К. Категория падежа. Строй тюркских языков. М., 1962.

Долганские тексты. - В кн.: Сказки народов Сибирского Севера. Томск, 1980.

Долгих Б.О. Население полуострова Таймыр и прилегающего к нему района. - Северная Азия, 1929, № 2 (26).

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в I7 в. М., 1960.

Долгих Б.О. Происхождение долган. - В кн.: Сибирский этнографический сборник. Т. 5. М., 1963.

Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археографической комиссией. Т. 2. Спб.

Древнетюркский словарь. Л., 1969. (Сокращенно ДТС).

Дульзон А.П. О методологии историко-сопоставительного изучения неродственных языков. - В кн.: Вопросы языковедения и диалектологии. Вып. I. Томск, 1966.

Дульзон А.П. О приемах определения отдаленного языкового родства. - В кн.: Проблема происхождения аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969.

Дульзон А.П. Установление архетипа фонемы по межязыковым рядам альтернации. - СТ, 1973, № 5.

Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. Ч. I. Якутск, 1971.

Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. Ч. 2. Консонантизм. Якутск, 1977.

Дыренкова Н.П. Тофаларский язык. Тюркологические исследования. М.-Л., 1963.

Егоров Г.В. Чувашско-русский словарь. Чебоксары. 1936.

Захаров И.В. Полный маньчжурско-русский словарь. Спб., 1875.

Иванов С.А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. Якутск, 1980.

История Якутской АССР / Отв. ред. А.П.Окладников. Т. I. М.-Л., 1955.

Исхаков Ф.Г. Местоимения. - В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. II. Морфология. М., 1956а.

Исхаков Ф.Г. Имя прилагательное. - В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. II. Морфология. М., 1956б.

Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. М., 1961.

Кадужинский Ст. Монгольско-якутские языковые контакты.

Мон улсын монгол хая бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал I-р
дөвтөр. Улан-Баатар, 1961а (на монг. яз.).

Кадужинский Ст. Некоторые вопросы монгольских заимствований
якутском языке. - Тр. Ин-та языка, литературы и истории Якутско-
го филиала СО АН СССР, 1961б, вып. 3 (8).

Кастрен А.М. Путешествие Ал. Кастрена по Лапландии, Северной
россии и Сибири. М., 1860.

Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием
главнейших родственных отношений к другим языкам тюркского корня
(Отд. оттиск из Учен. зап. Казанского ун-та за 1899, 1900, 1901,
1902, 1903 гг.). Казань, 1903.

Кенесбаев С.К., Карашева Н.Б. Казахский язык. - В кн.: Языки
народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966, с. 320-339.

Ковалевский О. Монголо-русско-французский словарь. Казань,
1844, 1846, 1849.

Кононов А.Н. Турецкая глагольная форма на "мыш". - Учен. зап.
ИВ, 1939, № 20. Сер. филол., вып. 2.

Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка. М.-Л., 1941.

Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного
языка. М.-Л., 1956.

Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников
(VII-IX вв.). Л., 1980.

Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970.

Костров Н.А. Очерки Туруханского края. - Зап. Сибирского
отд. РГО, Спб., 1857, кн. IV.

Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М., 1962.

Кошеверова Т.М. Значения и функции творительного падежа в
долганском языке. - В кн.: Языки и топонимия. Вып. 2. Томск, 1976а..

Кошеверова Т.М. Основные значения и функции долганского ис-
ходного падежа. - В кн.: Языки и топонимия. Вып. 2. Томск, 1976б.

Кошеверова Т.М. Долганские твердорядные долгие гласные по
данным рентгенографирования. - В кн.: Звуковой строй сибирских
языков. Новосибирск, 1980.

Кривошапкина М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. Ч. II. Спб.,
1865.

Ксенофонтов Г.В. Урангхай-сахалар. Очерки по древней истории
якутов. Иркутск, 1937.

Кулаковский А.Е. Статьи и материалы по якутскому языку. Якутск, 1946.

Кунда (Иванов А.А.). Биһиги санабыт. Ч. I. М., 1925.

Кунда (Иванов А.А.). Биһиги тылыбыт. Ч. II. М., 1926.

Лебедева Е.П., Константинова О.А., Монахова И.В. Эвенкийский язык. Л., 1979.

Лувсандэндэв А. Монгольско-русский словарь. М., 1957.

Магазаник Д.А. Турецко-русский словарь. 2-е изд. М., 1945.

Малов С.Е. К изучению турецких числительных. - В кн.: Академия наук - академику Н. Я. Марру. Л., 1935.

Малов С.Е. Якутский язык и его отношение к другим тюркским языкам. - Вестник Академии наук СССР, 1941, № 5-6.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959.

Марузо И.Д. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.

Меджоранский П.М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. I. Фонетика и этимология. Спб., 1894.

Меджоранский П.М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. II. Синтаксис. Спб., 1896.

Менгес К.Г. Категория включительности/исключительности в тюркских языках. - В кн.: Проблемы современной тюркологии. Материалы II Всесоюзной тюркологической конференции (27-29 сентября 1976 г., г. Алма-Ата). Алма-Ата, 1980.

Милдендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. 2. Спб., 1878.

Наделяев В.М. Графика и орфография долганского языка. - В кн.: Экспериментальная фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1982.

Население СССР по данным Всесоюзной переписи 1979 г. М., 1980.

Насилов В.М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI-XV вв. М., 1974.

Насилов Д.М. Прошедшее время на -jük/-juk в древнеуйгурском языке и его рефлекс в современных языках. - В кн.: Тюркологический сборник. М., 1966.

Насилов Д.М. Конструкция -а + турур в древнеуйгурском языке. - В кн.: Сибирский тюркологический сборник. Новосибирск, 1976.

Огло Аксенова. Бараксан. Красноярск, 1973.

Огло Аксенова. Муора ардайдара коһооннор. Аксенова Евдокия
Коровна. Узоры тундры. Красноярск, 1976.

Оглодников А.П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов
Сибиря. Л., 1948.

Оглодников А.П. Из истории общественных отношений у якутов
XVII века. (Легенды о Тыгыне и историческая действительность).
СЭ, 1949, № 2.

Оконешников Е.М. Э. К. Пекарский как лексикограф. Новосибирск,
1982.

О. Н. Бётлингк и его труд "О языке якутов". Якутск, 1973.

Павлов И. П. К вопросу о происхождении двух деепричастных
форм в чувашском языке. - Учен. зап. Научно-исследовательского
института языка, литературы, истории и экономики при Совете Минис-
тров Чувашской АССР, Чебоксары, 1956.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Вып. I-13. Спб.-Пг.
1907-1930.

Петров Н.Е. Служебные имена и послелог в якутском языке.
Автореф. канд. дис., Л., 1963.

Петров Н.Е. Частицы в якутском языке. Якутск, 1978.

Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности. Но-
восибирск, 1982а.

Петров Н.Е. Языковая модальность и средства ее выражения в
якутском языке. Автореф. докт. дис. Алма-Ата, 1982б.

Петров Н.Е. Модальные слова в якутском языке. Новосибирск,
1984.

Попов А.А. Поездка к долганам. - СЭ, 1931, вып. 3-4.

Попов А.А. Материалы по родовому строю долган. - СЭ, 1934,
1936.

Попов А.А. Оленеводство у долган. - СЭ, 1935, № 4-5.

Попов А.А. Долганский фольклор. Л., 1937а.

Попов А.А. Охота и рыболовство у долган. - В кн.: Памятники
Т. Богораза (1865-1936). М.-Л., 1937б.

Попов А.А. Техника у долган. - СЭ, 1937в, № 1.

Попов А.А. Семейная жизнь у долган. - СЭ, 1946, № 4.

Попов А.А. Кочевая жизнь и типы жилищ у долган. - В кн.: Си-
бирский этнографический сборник. Т. I. М.-Л., 1952.

Попов А.А. Долганы. Народы Сибири. М.-Л., 1957.

Попов А.А. Коллекции по материальной культуре долган в Музее антропологии и этнографии. - Сб. МАЭ, М.-Л., 1958, т. 18.

Попов Г.В. О словарном составе якутского языка. - Бюллетень научно-технической информации, Якутск, 1974.

Попов Г.В. Еще раз о словах неизвестного происхождения. Лексикологические исследования. Якутск, 1976.

Попова У.Г. Эвены Магаданской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья. М., 1982.

Поппе Н.Н. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам. IV. Гласные. Долгие и краткие гласные первого слога. - Изв. Российской Академии наук, 1925, № 9-II.

Поппе Н.Н. Учебная грамматика якутского языка. М., 1926.

Поппе Н.Н. Материалы по солонскому языку. Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Тувинской народных республик и Бурятской АССР. Л., 1931.

Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. Л., 1937.

Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаджимат ал-Адап. М.-Л., 1938.

Попелуевский А.П. Происхождение личных и указательных местоимений (материалы по истории туркменского языка). - В кн.: Избр. труды. Ашхабад, 1975.

Проект алфавита долганской письменности. - В кн.: Письменность народов Сибири. История и перспективы. Новосибирск, 1981.

Рассалин В.И. Бурятизмы в якутском языке. - В кн.: О.Н.Бётлингк и его труд "О языке якутов". Якутск, 1973.

Рассалин В.И. Некоторые особенности морфологии тофаларского языка. - В кн.: Turcologica. К 70-летию акад. А.Н.Кононова. М., 1976.

Рассалин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.

Рассалин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980.

Романова А.В., Миреева А.Н., Барашков П.П. Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков. Л., 1975.

Русская диалектология / Под ред. Р.И.Аванесова и В.Г.Орловой. М., 1964.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 2. Спб., 1875.

Русско-якутский словарь. М., 1968.

Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.

С [Амоилович.] Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türkisprachen. Spb., 1908. - Живая старина, 1908, XVII, № 2.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1. М., 1974; Т. 2, 1978; Т. 3, 1980.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Под ред. И.Цинциус. Т. 1. Л., 1975; Т. 2, 1977.

Степанов Г.С. Якутский язык в его отношении к тюркскому и ингольскому языкам. - В кн.: Сборник трудов исследований общ-ва "Яха кэскилэ". Вып. I, 1927; Сборник трудов общ-ва изучения Якутской АССР. Вып. I, 1936.

Степанов Н.Н. Социальный строй тунгусов в XVII в. - Советский вестник, 1939, № 3.

Титов Е.И. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1929.

Тумашева Д.Г. Көнбатыш Себер татарларн теле. Казань, 1961.

Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар. Казань, 1968.

Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. Казань, 1977.

Убрятова Е.И. Очерк истории изучения якутского языка. Якутск, 1945.

Убрятова Е.И. Некоторые особенности основы слова в якутском языке. - Изв. АН СССР, 1948а, т. 7, вып. 6.

Убрятова Е.И. Парные слова в якутском языке. - В кн.: Язык и мышление. Т. 2. М.-Л., 1948 б.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Т. 1. Простое предложение. М.-Л., 1950.

Убрятова Е.И. Служебное слово кыэнэ в якутском языке. - В кн.: А. Гордлевскому к его семидесятилетию. М., 1953.

Убрятова Е.И. Взаимодействие языков на материале взаимоотношений якутского и эвенкийского языков. - Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, 1956, т. 9.

Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М., 1960а.

Убрятова Е.И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к монгольским и тунгусо-маньчжурским. М., 1960б.

Убрятова Е.И. Согласование в якутском языке. — В кн.: Исследования по синтаксису тюркских языков. М., 1962.

Убрятова Е.И. О языке долган. — В кн.: Языки и фольклор народов Сибирского Севера. М.—Л., 1966.

Убрятова Е.И. Краткий грамматический очерк якутского языка. — В кн.: Якутско-русский словарь / Под ред. П.А.Слепцова, М., 1972.

Убрятова Е.И. Согласование в якутском языке. — В кн.: Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. 2. Кн. I. Сложное предложение. Новосибирск, 1976а.

Убрятова Е.И. Некоторые древние ареальные явления в языках народов Севера. — В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1976б.

Убрятова Е.И. Сочетание согласных -нч-, обозначающиеся в тюркских рунических памятниках знаком Ξ , и его реализация в современных тюркских языках. — В кн.: Языки народов Сибири. Кемерово, 1978.

Убрятова Е.И. Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных тюркских языках Сибири. — В кн.: Языки народов Сибири. Кемерово 1980.

Убрятова Е.И. Предикативное склонение в якутском языке. — В кн.: Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981.

Фазылов Э.И., Зидева М.Т. Изысканный дар тюркскому языку. Ташкент, 1978.

Фисакова Г.Г. Формы выражения прошедшего и будущего времен изъявительного наклонения в языке бачатских телеутов. — В кн.: Язык бачатских телеутов. Кемерово, 1976а.

Фисакова Г.Г. Вспомогательные глаголы. — В кн.: Язык бачатских телеутов. Кемерово, 1976б.

Хабичев М.А. Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961.

Харитонов Л.Н. Неизменяемые слова в якутском языке. Якутск, 1943.

Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Ч. I. Фонетика. Морфология. Якутск, 1947.

Харитонов Д.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М. - 1954.

Харитонов Д.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. М. - 1960.

Харитонов Д.Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. М. - 1963.

Ухтров Д. Краткая грамматика якутского языка. М., 1858.

Линьшус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.

Линьшус В.И. Якутско-тунгусские лексические связи. - В кн.: Тюркский тиркологический сборник. Новосибирск, 1976.

Широбокова Н.Н. Бётлингк и Банзаров. - В кн.: О. Н. Бётлингк и его труд "О языке якутов". Якутск, 1973.

Эммасов Д.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

Краткий (историко-этнографический очерк). Новосибирск, 1975.

Иллешев А.А. Аналитическая форма глагола в тюркских языках. Якутск, 1965.

Якутский диалектологический сборник. Якутск, 1980.

Якутско-русский словарь / Под ред. П.А.Слепцова. М., 1972.

Ястремский С.В. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900.

Ястремский С.В. Грамматика якутского языка. 2-е изд. М., 1938.

Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten. Jakutische Grammatik. Text und Wörterbuch. Spb., 1851.

Brockelmann C. Ein türkische Imperativ-Prekativsuffix. - Keleti Szemle, Budapest, 1920, XVIII.

Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. 1. Wiesbaden, 1963; Bd. 2, 1965; Bd. 3, 1967.

Gabain A. von. Alt-türkische Grammatik. Dritte Auflage. Wiesbaden, 1974.

Grönbech K. Das türkische Sprachbau. Kopenhagen, 1936.

Grönbech K. Kommanisches Wörterbuch. Kopenhagen, 1942.

Kałużynski Ct. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961.

Kałużynski Ct. Jakutische Wortvorschungen einsilbigen Stämmen. - Central Asiatic Journal, Wiesbaden, 1962, Vol. 7, N 3.

Kirgilejiev M.Y. (H.C. Григорьев). Saqa tblbn kbramaatbkata. M., 1938.

Kowalski T. Zur semantischen funktion des Pluralsuffixes -lar, -lär in den Türksprachen. Krakow, 1936.

Kynde (Ө. Ө. Ujbanъар). Bihigi sanabъt. M., 1925.

Kynde (Ө. Ө. Ujbanъар). Saqa tьla Kъramaatъka uonna bъraap-sajdbk surujuu. Якутск, 1934.

Menges K.H. The turkic languages and peoples. An introduction to turkic studies. Wiesbaden, 1968.

Poppe N. Türkisch-Tschuwassische vergleichende Studien. - Islamica, Bd. I, fasc. 4, Lipsiae, 1925.

Radloff W. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882-1883.

Radloff W. Die alttürkische Inschriften der Monglei. Spb., 1894.

Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. - Зап. Академии по историко-филологическому отделению, Spб., 1908, т. 8, № 7.

Schriebl K. Der Lokativ im Jakutischen.- Keleti Szemle, Budapest, 1909, X.

Содержание

Предисловие	3
Введение	5
Орфоэпия	18
Гласные	—
Состав гласных	—
Гармония гласных	21
Согласные	23
Губные согласные	26
Переднеязычные	28
Смычные	—
Протоочные	31
Среднеязычные	37
Смычные	—
Протоочный согласный	39
Заднеязычные согласные	40
Увулярные согласные	41
Ассимиляция согласных	44
Лексика	48
Слова якутского происхождения	53
Слова эвенкийского происхождения	58
Слова, заимствованные из русского языка	67
Морфология	75
Местоимение	79
Личные местоимения	—
Производные от личных местоимений	81
Аффиксы принадлежности	83
Аффиксы сказуемости	88
Притяжательные местоимения	90
Лично-возвратные местоимения	96
Указательные местоимения	98
Притяжательные указательные местоимения	101
Сравнительно-указательные местоимения	—
Относительные местоимения	102
Вопросительные местоимения	103
Неопределенные местоимения	107
Имя существительное	108
Словообразование	109
Аффиксальное словообразование	—
Аналитическое словообразование	110

Число имен существительных	III
Усилительные слова.....	II3
Склонение имен существительных	II4
Имена наличия и отрицания	I25
Имя прилагательное	I29
Словообразование	-
Склонение имен прилагательных	I33
Имя числительное	I36
Разряды числительных	-
Склонение имен числительных	I41
Глагол	I43
Словообразование	I46
Звукоподражательные глаголы	I49
Образные глаголы	-
Залоги глагола	I50
Виды глагола	I51
Вспомогательные глаголы	I52
Видовые значения глаголов, выраженные аналитически	I53
Словоизменение глагола	I56
Причастия	I59
Деепричастие	I62
Финитные формы глагола	I66
Изъявительное наклонение	I67
Желательно-сослагательное наклонение	I73
Долженствовательное наклонение	I74
Условное наклонение	I75
Условно-временное наклонение	I76
Повелительное наклонение	I78
Обычно-выполняемое действие	I83
Возможное наклонение	I84
Утвердительное наклонение	I85
Послелоги	I86
Наречия	I93
Производные наречия	I95
Литература	202